ДБ
300 в IV
061
Описание
русско-тур
войны 1877-8
(Особое приб)
спб, 1901

Db
300
061

Экземпляръ № 70

Не подлежитъ оглашенію.

ОСОБОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ОПИСАНІЮ

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1877—78 г.г.

НА

БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Выпускъ IV.

Соображенія, касающіяся плана войны.

Изданіе Военно-Исторической Коммиссіи Главнаго Штаба.

385/4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1901.

Экземпляръ № 70

Не подлежитъ оглашенію.

ОСОБОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ОПИСАНІЮ

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1877—78 г.г.

НА

БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Выпускъ IV.

Соображенія, касающіяся плана войны.

Изданіе Военно-Исторической Коммисіи Главнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1901.

762010

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Этотъ выпускъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ переписку, касающуюся плана кампаніи собственно *передъ войною 1877—78 г.г.* Подлинной записки г.-м. *Обручева,* представленной имъ Государю въ Ливадіи 4 октября 1876 г. и послужившей потомъ основаніемъ для записки генерала *Левицкаго* (стр. 11), въ оффиціальныхъ дѣлахъ не сохранилось, но сущность высказанныхъ въ ней соображеній была повторена въ другой запискѣ ген. *Обручева,* озаглавленной „Русско-Турецкая война 1877—78 г.г.“, которая и помѣщается въ этомъ выпускѣ (стр. 70).

Затѣмъ, всѣ документы стратегическаго характера, составленные въ теченіе войны въ Главной Квартирѣ или отдѣльными начальниками и нѣкоторыми лицами, войдутъ въ слѣдующіе выпуски матеріаловъ, соотвѣтственно тому времени, когда эти документы были представлены въ Полевой Штабъ дѣйствующей арміи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ по порядку.	Названіе документовъ.	Стран.
I	Первоначальныя соображенія о войнѣ въ Европейской Турціи . .	7
II	Записка г.-м. *Левицкаго* о планѣ кампаніи	11
III	Соображенія о переходѣ черезъ Балканы	20
IV	Письмо Главнокомандующаго Государю Императору отъ 4 марта 1877 г.	22
V	Двѣ записки ген. *Обручева* о планѣ похода въ Турцію весною 1877 г.	27
VI	Записка ген. шт. полк. *Артамонова* о наивыгоднѣйшемъ, въ стратегическомъ отношеніи, способѣ дѣйствій противъ турокъ . . .	40
VII	Записка о русско-турецкой войнѣ 1877 — 78 г. г., составленная г.-ад. *Обручевымъ* въ 1880 г.	70

I.

Первоначальныя соображенія о войнѣ въ Европейской Турціи.

а) Изъ письма Военнаго Министра къ Начальнику Главнаго Штаба отъ 5 сентября 1876 г.

(Воен.-Учен. Арх., отд. II, д. № 5771, стр. 255).

Въ дополненіе къ письму моему отъ 3 сентября, относительно предположеній о сосредоточеніи и передвиженіи въ разныхъ случаяхъ войскъ, я просилъ бы приложить расчетъ: какія потребовались бы средства, чтобы перевезти моремъ изъ Одессы въ Варну или Бургасъ одну дивизію съ артиллеріею, двумя полками кавалеріи и вспомогательными частями, предполагая, что для этой перевозки могли бы быть употреблены пароходы Русскаго Общества пароходства и Одесская желѣзная дорога.

б) Изъ отвѣта Начальника Главнаго Штаба на вышеприведенное письмо Военнаго Министра.

(Воен.-Учен. Арх., отд. II, д. № 5771, стр. 256).

Вся перевозка до Варны или Бургаса можетъ быть произведена въ три рейса, въ теченіе 14 дней. Если же присоединить два или три парохода дальняго плаванія и нѣкоторыя мелкія суда, то, можетъ быть, представится возможнымъ совершить всю перевозку въ два рейса, т. е. въ 8 дней [1]).

в) Записка г.-ад. Милютина отъ 21 сентября 1876 г. Ливадія.

(Воен.-Учен. Арх., отд. II, д. № 5771, стр. 1).

Государю Императору угодно, чтобы нынѣ же приступлено было самымъ дѣятельнымъ образомъ къ предварительнымъ распоряженіямъ

[1]) О высадкѣ нашихъ войскъ въ Варнѣ, Бургасѣ и вообще на западномъ берегу Чернаго моря вопросъ возбуждался и въ концѣ минувшей войны, а именно: вскорѣ послѣ перехода арміи нашей черезъ Балканы и затѣмъ тогда, когда предполагалось занятіе Босфора. Оба раза такая перевозка признана была крайне рискованною и неудобовыполнимою по недостатку нужныхъ для сего боевыхъ судовъ.

на тотъ случай, если бы признано было необходимымъ силою оружія побудить Порту къ принятію условій мира, установленныхъ по соглашенію между шестью большими державами.

Для этого Его Величество изволитъ имѣть въ виду поставить на военное положеніе войска Одесскаго и Харьковскаго округовъ, а на Кавказѣ лишь тѣ войска, которыя предназначены къ дѣйствію въ Азіатской Турціи, а именно: Кавказскую гренадерскую, 20-ю, 39-ю и 41-ю пѣх. дивизіи, стрѣлковую бригаду, драгунскіе полки и прочія части войскъ, уже назначенныя въ составъ дѣйствующихъ отрядовъ.

Наступательныя дѣйствія предполагается произвести одновременно съ двухъ сторонъ; изъ Закавказья въ Азіатскую Турцію, тѣми войсками, которыя уже направлены къ границѣ въ распоряженіе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою арміею; изъ Бессарабіи же, чрезъ княжества, двумя корпусами, или 4 пѣх. дивизіями, стрѣлковою бригадою, 2 кав. дивизіями, съ придачею 3-й сап. бригады и другихъ вспомогательныхъ частей войскъ. Въ случаѣ возможности, части этихъ войскъ будутъ перевезены моремъ.

О томъ, какія именно дивизіи будутъ назначены въ составъ наступающей арміи и какія останутся для охраненія Черноморскихъ береговъ, равно о назначеніи начальствующихъ лицъ, Государь Императоръ изволитъ дать указанія вслѣдъ за симъ.

Нынѣ же Высочайше повелѣно приступить ко всѣмъ предварительнымъ распоряженіямъ для приготовленія означенныхъ войскъ къ походу. Такъ какъ укомплектованіе ихъ людьми требуетъ менѣе времени, чѣмъ укомплектованія лошадьми и заготовленія интендантскія, то Его Величеству угодно, чтобы, въ ожиданіи окончательнаго повелѣнія о мобилизаціи означенныхъ выше войскъ, приступлено было неотлагательно къ пріобрѣтенію требуемаго количества лошадей и къ распоряженіямъ по интендантской части.

г) Записка г.-ад. отъ Милютина 25 сентября 1876 г.

(Воен.-Учен. Арх., отд. II, д. № 5771, стр. 9).

Телеграммою сего числа я уже сообщилъ вашему сіятельству [1]) Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы приступлено было къ предварительнымъ распоряженіямъ для предстоящей мобилизаціи войскъ еще Кіевскаго округа. Въ дополненіе къ этой телеграммѣ могу сообщить, что цѣль этого распоряженія заключается въ томъ, чтобы въ случаѣ

[1]) *Графу Гейдену*—Начальнику Главнаго Штаба.

войны съ Турціею сосредоточить въ составѣ дѣйствующей арміи нѣсколько болѣе войскъ, чѣмъ предполагалось прежде, а именно: добавить еще одинъ или два корпуса, смотря по обстоятельствамъ. Поэтому надобно имѣть въ виду, что въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій въ Европейскую Турцію предстоитъ передвиженіе въ Бессарабію или всѣхъ находящихся нынѣ въ Кіевскомъ округѣ полевыхъ войскъ, или только одного корпуса. Въ обоихъ случаяхъ, съ выступленіемъ войскъ изъ Кіевскаго округа, на мѣсто ихъ слѣдуетъ перемѣстить войска изъ Московскаго округа, хотя бы въ мирномъ составѣ, съ тѣмъ, чтобы укомплектовать ихъ уже на новыхъ мѣстахъ расположенія.

д) Письмо Начальника Главнаго Штаба отъ 26 октября 1876 г., съ приложеніемъ проекта распредѣленія войскъ по корпусамъ и назначенія ихъ въ составъ предполагаемой Дунайской арміи.

(Воен.-Учен. Арх., отд. II, д. № 5771, стр. 159).

Дѣйствующіе корпуса (сосредоточиваются въ Бессарабіи и предполагаются въ составѣ Дунайской арміи):

VIII армейскій корпусъ:	
9-я пѣх. дивизія	изъ Полтавы и Кременчуга.
14-я „ „	на мѣстѣ.
8-я кав. „	
№ 15 арт. летучій паркъ	на мѣстѣ (въ Тирасполѣ).
№ 15 „ подвижной „	
№ 14 „ летучій „	
№ 14 „ подвижной „	
2-я половина № 5 конно-арт. парка.	
IX армейскій корпусъ:	
5-я пѣх. дивизія	изъ Чернигова.
31-я „ „	„ Курска.
9-я кав. „	„ Роменъ.
№ 13 арт. летучій паркъ	на мѣстѣ (въ Тирасполѣ).
№ 13 „ подвижной „	
№ 16 „ летучій „	изъ Калуги.
№ 16 „ подвижной „	
1-я половина № 5 конно-арт. парка. .	на мѣстѣ (въ Тирасполѣ)
XI армейскій корпусъ:	
11-я пѣх. дивизія	изъ Луцка.
32-я „ „	„ Житомира.
11-я кав. „	„ Дубно.
№№ 11 и 10 летучіе парки	изъ Кіева.
№№ 11 и 10 подвижные „	
1-я половина № 4 конно-арт. парка. .	

XII армейскій корпусъ:

12-я пѣх. дивизія	изъ Каменецъ-Подольска.
33-я „ „	„ Кіева.
12-я кав. „	„ Проскурова.
№ 12 арт. летучій паркъ	изъ Кіева.
№ 12 „ подвижной „	
№ 17 „ летучій паркъ	„ Калуги.
№ 17 „ подвижной „	
2-я половина № 4 конно-арт. парка. .	„ Кіева.
4-я стрѣл. бригада.	„ Одессы.
3-я сапер. „	„ Кіева.
3-й и 4-й понтонные полубат.	„ Риги.
8 [1]) Донскихъ каз. полковъ	Второочередные льготные съ Дона.
4 Донскихъ каз. батареи	
№ 8 конно-арт. паркъ	вновь формируется.
Осадный арт. паркъ (5 отдѣленій) . .	изъ Бреста.

Для охраненія морскаго берега между устьями р. Дуная и Днѣпра:

VII армейскій корпусъ:

15-я пѣх. дивизія	на мѣстѣ (Одесса).
36-я „ „	изъ Орла.
7-я кав. „	„ Елисаветграда.
№ 25 и № 26 подвиж. арт. парки.	
1-я половина 7-го конно-арт. парка.	

Въ Крыму:

X армейскій корпусъ:

13-я пѣх. дивизія	на мѣстѣ (Севастополь, Симферополь).
34-я „ „	изъ Екатеринослава.
10-я „ „	„ Чугуева.
№ 27 и № 28 арт. подвижные парки.	
2-я половина № 7 конно-арт. парка.	

[1]) Потомъ назначено 10. Въ письмѣ Начальника Главнаго Штаба отъ 4 ноября 1876 г. (д. № 5771, стр. 239) перечислены №№ 21, 23, 26, 29, 30, 31, 34, 35, 37 и 40 казачьи полки, и №№ 8, 9, 10, 15 казачьихъ батарей, назначенныхъ въ составъ дѣйствующей арміи.

II.

Записка г.-м. Левицкаго о планѣ кампаніи [1]).

(Воен.-Учен. Арх., отд. секр., д. № 123, т. VI, стр. 1).

Если всѣ мѣры, которыя принимаются для того, чтобы достигнуть разрѣшенія совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ событій мирнымъ путемъ, будутъ тщетны и придется прибѣгнуть къ силѣ оружія, то цѣль дѣйствій должна состоять не въ принужденіи турецкаго правительства только исполнить предлагавшіяся ему условія умиротворенія подвластныхъ ему племенъ, но въ такомъ пораженіи турецкой власти въ Европѣ, чтобы она была потрясена въ своемъ основаніи и потеряла бы возможность и въ будущемъ продолжать тотъ варварскій гнетъ надъ подчиненными ей христіанскими племенами, который періодически вызываетъ полныя отчаянія возстанія и тѣмъ періодически нарушаетъ миръ въ Европѣ.

Поэтому нельзя задаваться цѣлью только занятія какихъ-либо провинцій и организаціи въ нихъ управленій и административныхъ порядковъ на новыхъ началахъ, а должно бить прямо въ центръ власти турокъ—идти на Константинополь и тамъ предписать условія надежнаго замиренія. Если бы мы имѣли противъ себя только Турцію, то достиженіе этой цѣли едва-ли представило бы серьезныя затрудненія.

Но по современной политической обстановкѣ намъ слѣдуетъ быть готовыми на то, что у Турціи будутъ союзники.

Быстрый ходъ событій не далъ еще времени образоваться союзамъ, но съ каждымъ днемъ будетъ возрастать вѣроятность возможности имъ состояться.

Только Англія довольно открыто заявляетъ себя на сторонѣ Турціи, но и она не вполнѣ еще готова. Къ тому же, по климатическимъ условіямъ нашего отечества, она не можетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вредить намъ на сѣверѣ и вызывать черезъ это разброску нашихъ силъ и средствъ.

---

[1]) *Примѣчаніе редакціи.* По объясненію г.-м. *Левицкаго*, его записка, будто бы, въ ноябрѣ 1876 г., была доложена Государю, въ присутствіи Главнокомандующаго и Военнаго Министра; но *графъ Милютинъ* выразилъ сомнѣніе въ справедливости этого факта; по крайней мѣрѣ, онъ не помнитъ такого важнаго совѣщанія, о результатахъ котораго Государь навѣрное бы ему передалъ, если бы его почему-либо не было въ названномъ засѣданіи. По всей вѣроятности, *Левицкій*, отличавшійся большою разсѣянностью, позабылъ подробности и смѣшалъ одно засѣданіе съ другимъ.

Поэтому всякое промедленіе въ началѣ рѣшительныхъ съ нашей стороны дѣйствій, если нельзя разсчитывать на благопріятный исходъ мирныхъ переговоровъ, будетъ служить только противникамъ нашимъ въ пользу, а намъ во вредъ.

Дѣйствительно: 1) Турецкая армія, въ извѣстной мѣрѣ дезорганизованная послѣднею борьбою противъ Сербіи, Черногоріи, Герцеговинскихъ и Боснійскихъ дружинъ, можетъ воспользоваться каждымъ днемъ, чтобы устроиться и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ представить вдвое большую силу, чѣмъ въ настоящее время. 2) Турція будетъ пользоваться каждымъ днемъ, чтобы съ помощью совѣтовъ англійскихъ офицеровъ, а можетъ быть и денегъ, привести въ лучшее оборонительное положеніе свои придунайскія крѣпости и снабдить ихъ продовольствіемъ и орудіями. 3) Англійскія войска, вообще требующія для своего изготовленія продолжительнаго времени, успѣютъ снарядиться и быть подвезенными не только изъ Англіи, но и изъ колоній. 4) Турція и Англія будутъ имѣть большее время, чтобы дипломатическими переговорами успѣть склонить на свою сторону лишняго союзника, и если это ими будетъ достигнуто, то успѣхъ нашего дѣла будетъ подвергнутъ сомнѣнію и опасности.

Все это указываетъ на необходимость не откладывать начала рѣшительныхъ дѣйствій, а разъ къ нимъ будетъ прибѣгнуто,—вести дѣло какъ можно быстрѣе и рѣшительнѣе. Подобный способъ дѣйствія имѣетъ еще и другое значеніе.

Самый опасный врагъ нашъ во всѣхъ предшествовавшихъ походахъ въ Турцію былъ не армія и вооруженная сила противника, а болѣзненность и смертность отъ непривычнаго климата и гигіеническихъ условій.

Чѣмъ быстрѣе будутъ идти дѣйствія и чѣмъ бо́льшая энергія будетъ возбуждена во всѣхъ чинахъ, тѣмъ менѣе вреднаго вліянія окажутъ указанныя условія и тѣмъ болѣе боевыхъ силъ сохранитъ армія.

Къ тому же, если поможетъ Богъ, чѣмъ скорѣе достигнемъ мы положительныхъ успѣховъ, тѣмъ менѣе успѣютъ развиться противъ насъ враждебныя силы и мы въ болѣе короткій промежутокъ времени достигнемъ главнѣйшей цѣли умиротворенія отягченнаго населенія и съ меньшими матеріальными затратами.

Но, кладя въ основу всѣхъ дѣйствій возможно бо́льшую быстроту и рѣшительность, нельзя скрывать передъ собою тѣ затрудненія, ко-

торыя будутъ постоянно препятствовать практическому примѣненію этихъ принциповъ.

Арміи предстоитъ дѣйствовать по переходѣ черезъ Дунай въ странѣ бѣдной, разоренной и мало населенной; она съ трудомъ найдетъ для себя самое необходимое и все, даже сѣно, должна тащить съ собою. При отсутствіи или крайне плохомъ состояніи дорогъ подвозъ этотъ долженъ быть медленъ, а черезъ это подвижность арміи будетъ крайне стѣснена. Какое бы направленіе для наступленія арміи ни было избрано, ей предстоитъ перейти черезъ Дунай, а потомъ черезъ Балканы. Каждая изъ этихъ операцій требуетъ значительно продолжительныхъ подготовительныхъ средствъ и во всякомъ случаѣ серьезной борьбы съ препятствіями.

Въ зимнее время по Дунаю идетъ часто ледоходъ, который можетъ не только затруднить и замедлить переправу, но даже совершенно прекратить ее. Въ Балканахъ число дорогъ весьма ограниченное, да и тѣ находятся въ неудовлетворительномъ состояніи, а зимою совершенно заносятся снѣгомъ. Чтобы перебросить черезъ Балканы значительныя силы, необходимо произвести разработку путей, а это требуетъ болѣе или менѣе значительнаго времени.

Наконецъ, нельзя углубиться въ страну, не обезпечивъ надежно свои сообщенія. Для этого придется овладѣвать крѣпостями, что̀ вызоветъ, кромѣ отвлеченія силъ, еще и потерю времени.

Итакъ, предположенныя быстрота и рѣшительность дѣйствій будутъ встрѣчать большія затрудненія.

Но, не смотря на это, онѣ должны быть руководящими условіями при рѣшеніи вопросовъ: о направленіи и способѣ дѣйствій.

Чтобы устранить или, по крайней мѣрѣ, возможно ослабить эти затрудненія, необходимо не останавливаться ни передъ какими мѣрами, которыя могутъ тому способствовать, а также ни передъ какими расходами.

Выяснивъ себѣ какъ конечную цѣль, такъ и способъ дѣйствій, можно уже опредѣлить и самый способъ исполненія предстоящей задачи.

Первымъ вопросомъ является: какое выбрать направленіе для дѣйствій?

Въ этомъ отношеніи представляется три главныхъ направленія:

1) *Восточное*—черезъ нижній Дунай (въ промежутокъ между крѣпостями Силистріею, Шумлою и Варною) на Адріанополь—Киркъ—Клисъ—Константинополь.

2) *Западное*—отъ Дуная (выше или ниже крѣпости Виддина) на Софію—Филиппополь—Адріанополь—Константинополь.

3) *Центральное*—отъ Дуная (на пространствѣ между Силистріею и Виддиномъ), черезъ Балканы между Сливно и Софіею въ долину р. Марицы—на Адріанополь—Константинополь.

Каждое изъ этихъ направленій имѣетъ свои выгоды и недостатки.

Восточное представляется самымъ кратчайшимъ и болѣе безопаснымъ въ случаѣ враждебнаго къ намъ положенія Австріи. Но оно же представляетъ и наибольшія препятствія, такъ какъ переправа черезъ Дунай скорѣе всего можетъ быть обезпокоиваема средствами турецкаго и англійскаго флотовъ. Притомъ, послѣ переправы черезъ Дунай, войскамъ придется двигаться по странѣ наименѣе населенной, безлѣсной, даже безводной. При дальнѣйшемъ движеніи, армія, такъ сказать, завязнетъ между наиболѣе сильными крѣпостями (Силистрія, Шумла и Варна). Не овладѣвъ двумя изъ нихъ, нельзя двигаться впередъ, или нужно оставлять въ тылу значительную часть силъ для обложенія или осады крѣпостей. Далѣе, мѣстность въ раіонѣ Балканскихъ горъ хотя и представляетъ здѣсь менѣе трудные перевалы и имѣетъ наиболѣе удобные пути сообщенія, но за то почти на каждомъ шагу здѣсь встрѣчаются сильныя позиціи. Коммуникаціонная же линія, пролегая не въ дальнемъ разстояніи отъ моря, подвергается большей опасности быть атакованною дессантными войсками противника.

Западное направленіе, приводя армію нашу въ наиболѣе непосредственное соприкосновеніе съ Сербіею, представляетъ тѣ выгоды, что дало бы возможность окрѣпнуть войскамъ этой послѣдней и затѣмъ послужить довольно значительною поддержкою нашей арміи при дальнѣйшемъ ея наступленіи. Балканы по этому направленію не представляютъ значительнаго затрудненія для перехода ихъ.

Наступленіе за Балканами идетъ по долинѣ Марицы—мѣстности относительно болѣе населенной.

Но этотъ путь наиболѣе кружевъ и требуетъ на прохожденіе его наиболѣе времени. Турецкія силы, атакованныя съ фронта, оставивъ гарнизонъ въ Виддинѣ и Нишѣ, отступая на Софію и Филиппополь, постепенно будутъ сосредоточиваться и, будучи поддержаны англичанами, встрѣтятъ насъ у Адріанополя сосредоточенными силами, а къ тому времени успѣютъ возвести около Адріанополя сильныя укрѣпленія. Подвозъ всего необходимаго для арміи вслѣдствіе растянутости коммуникаціонной линіи будетъ крайне затруднителенъ. Линія эта потре-

буетъ для своего обезпеченія весьма значительныхъ силъ. Наконецъ, въ случаѣ враждебнаго положенія Австріи, а также при неудачѣ, армія можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе.

Центральное, считая отъ Дуная, самое кратчайшее направленіе. Балканы, по высотѣ перевaловъ и ограниченному числу дорогъ, представляютъ на этомъ направленіи наибольшія затрудненія, но за то горный хребетъ наименѣе широкъ, занимая пространство одного, много двухъ переходовъ. Балканы ближе подходятъ къ Дунаю, а потому появленіе на нихъ нашихъ войскъ, хотя бы только передовыхъ частей, можетъ послѣдовать послѣ переправы черезъ Дунай черезъ короткій промежутокъ времени и произвести весьма выгодное для насъ нравственное впечатлѣніе. На этомъ пространствѣ встрѣчается наименьшее число укрѣпленныхъ пунктовъ. Овладѣвъ однимъ изъ нихъ (Рущукомъ), достигается почти полное обезпеченіе сообщеній арміи. Коммуникаціонная линія, отъ границы до пункта переправы черезъ Дунай, хотя и болѣе растянута, чѣмъ при восточномъ направленіи, но опасна только на небольшомъ пространствѣ (между Галацомъ и Браиловымъ) и можетъ быть вполнѣ обезпечена тѣми силами, которыя будутъ составлять общій резервъ арміи.

На основаніи всего этого центральное направленіе слѣдуетъ предпочесть двумъ другимъ. На этомъ базируются и другія соображенія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

По полученіи повелѣнія начать военныя дѣйствія признается необходимымъ принять немедленно всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить сохраненіе въ цѣлости участка желѣзной дороги между Галацомъ и Браиловымъ. Для сего можно направить къ этимъ пунктамъ войска по двумъ направленіямъ: обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ отъ юго-западнаго угла Бессарабіи на Рени, Галацъ и Браиловъ и желѣзною дорогою черезъ Яссы и Текучъ.

Съ этою цѣлью, при сосредоточеніи арміи въ Бессарабіи тотчасъ послѣ окончанія ея мобилизаціи, 11-ю пѣхотную дивизію съ 4 казачьими полками надо расположить въ юго-западномъ углу Бессарабіи. Тогда ближайшія къ границѣ части будутъ находиться отъ Галаца въ 75, а отъ Браилова — въ 100 верстахъ. Всѣ прочія части арміи расположены будутъ вблизи желѣзныхъ дорогъ, на пространствѣ отъ границы Молдавіи и Жмеринки и Елисаветграда. Кромѣ двухъ кавалерійскихъ дивизій (11-й и 12-й), всѣ части будутъ расположены въ одномъ, много въ двухъ переходахъ отъ желѣзной дороги и въ полной

готовности послѣдовательно садиться на желѣзную дорогу и направляться въ княжества.

При такомъ расположеніи, тотчасъ по полученіи приказанія объ открытіи военныхъ дѣйствій, 11-я пѣх. дивизія и 4 казачьихъ полка направляются на Галацъ. Головныя части казаковъ, сдѣлавъ два усиленныхъ перехода, на 2-й день будутъ уже на указанномъ участкѣ желѣзной дороги; всѣ же 4 казачьи полка съ 2 батареями будутъ тамъ на 3-й день; головныя части пѣхоты—на 5-й день. Если же будетъ время для сдѣланія подготовленій, то всѣ означенныя части будутъ сосредоточены ближе къ границамъ и тогда пѣхота въ состояніи будетъ занять указанный участокъ желѣзной дороги на 4-й день. Съ другой стороны, другія части XI корпуса могутъ быть направлены къ Галацу, какъ указано выше, и тогда не болѣе какъ на 4-й день будутъ сосредоточены у означеннаго пункта (Галацъ—Браиловъ) 2 дивизіи XI корпуса съ 4 казачьими полками, чѣмъ движеніе прочихъ частей арміи въ Румынію будетъ вполнѣ обезпечено.

Но если бы это обезпеченіе могло быть возложено на часть румынской арміи, то достаточно будетъ поддержать эти войска только 11-ю дивизіею съ 4 казачьими полками, и тогда остальныя войска, съ перваго же дня открытія военныхъ дѣйстві могутъ быть направлены прямо въ глубь Румыніи.

Порядокъ направленія арміи въ княжество предполагается слѣдующій:

Въ головѣ движенія послать кав. дивизію (8-ю), поддержанную однимъ или двумя стрѣлковыми баталіонами. Направить ее прямо на Краіово и вообще въ Малую Валахію для демонстративныхъ дѣйствій противъ Виддина, а затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ,—для переправы черезъ Дунай выше или ниже этой крѣпости, съ цѣлью дѣйствія противъ праваго фланга или даже тыла войскъ турецкой арміи, если она будетъ находиться еще въ Сербіи. Если можно будетъ разсчитывать на содѣйствіе румынскихъ войскъ, то часть силъ румынской арміи (около 2 дивизій) можетъ быть отправлена вмѣстѣ съ этою кавалеріею.

За кав. дивизіею полагается направить XII корпусъ къ Букаресту; затѣмъ VIII корпусъ—къ Слатинѣ; уда же стрѣлковую и саперную бригады, потомъ осадный паркъ, Ка зскіе казачьи полки, 11-ю кав. дивизію и остальные Донскіе полки.

По сосредоточеніи этихъ войскъ укареста и Слатины, они будутъ направлены къ пункту, который буд выбранъ для переправы черезъ

р. Дунай, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ производиться перевозка прочихъ частей арміи къ Букаресту, гдѣ онѣ составятъ общій резервъ арміи.

Выборъ пункта переправы черезъ Дунай лучше всего сдѣлать на пространствѣ между крѣпостями Рущукомъ и Видиномъ. На этомъ пространствѣ нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ; затѣмъ нѣтъ также пунктовъ, гдѣ можетъ сосредоточиться значительная часть турецкихъ войскъ. Теченіе Дуная представляетъ нѣсколько пунктовъ, относительно удобныхъ въ тактическомъ и техническомъ отношеніяхъ для устройства и производства переправы.

Собственно пунктъ переправы въ настоящее время не намѣчается; выборъ его будетъ сдѣланъ послѣ рекогносцировокъ, произведенныхъ на мѣстѣ.

Можно только указать, что, по возможности, онъ будетъ выбранъ ближе къ Рущуку, какъ ближайшій къ тѣмъ цѣлямъ, которыя будутъ въ виду послѣ переправы, а именно—захватъ главнѣйшихъ проходовъ въ Балканахъ и овладѣніе Рущукомъ.

Дѣйствія послѣ переправы. Ближайшимъ предметомъ дѣйствій послѣ переправы будетъ захватъ проходовъ въ Балканахъ.

Возможно быстрый захватъ проходовъ необходимъ для того, чтобы направить черезъ нихъ хотя легкія кавалерійскія части въ долину р. Марицы. Появленіе ихъ [illegible]ерветъ сообщенія турецкихъ войскъ, которыя будутъ еще оставаться [illegible]ъ Сербіи или въ прилегающихъ къ ней крѣпостяхъ, оно будетъ имѣ[illegible] важное нравственное вліяніе какъ на турецкія войска вообще, т[illegible] и на болгарское населеніе. Можно будетъ немедленно приступить къ организаціи болгарскихъ дружинъ. Наконецъ, представится возможность приступить заблаговременно къ исправленію дорогъ и къ подготовкѣ ихъ для перехода значительныхъ силъ съ артиллеріею и обозами [1]).

Для выполненія указанной цѣли полагалось-бы направить на Балканы Кавказскія казачьи сотни, часть Донскихъ полковъ, одну или двѣ кавалерійскія дивизіи, а для поддержанія ихъ—стрѣлковые баталіоны и часть VIII корпуса.

По занятіи проходовъ въ горахъ часть указанныхъ кавалерійскихъ силъ можетъ быть направлена на флангъ и тылъ турецкихъ войскъ, если бы къ этому времени они о[illegible]авались еще въ Сербіи.

---

[1]) *Примѣчаніе.* По имѣющимся свѣдѣ[illegible]мъ на пространствѣ между Сливно и Софіею существуетъ три колесныхъ пути: 1) отъ [illegible]това черезъ Османъ-Базаръ, Казанъ и Сливно; 2) отъ Тырнова черезъ Габрово на Каза[illegible]къ; 3) отъ Плевно на Софію. Кромѣ этихъ путей, имѣются еще вьючныя дороги, изъ [illegible]орыхъ нѣкоторыя послѣ разработки могутъ служить для движенія легкихъ повозокъ.

Одновременно съ этими дѣйствіями для овладѣнія проходами должны быть предприняты всѣ мѣры для овладѣнія кр. Рущукомъ.

Овладѣніе этою крѣпостью имѣетъ первостепенное значеніе.

Составляя голову желѣзной дороги, идущей отъ нашихъ границъ черезъ Букарестъ къ Дунаю, Рущукъ, если бы онъ достался въ наши руки, составилъ бы надежное сообщеніе черезъ Дунай и вполнѣ обезпеченный складъ для всѣхъ запасовъ, которые необходимы будутъ арміи при дальнѣйшемъ ея наступленіи за Балканами. Будучи, по овладѣніи, надежно укрѣпленъ, Рущукъ прикрылъ бы наши сообщенія отъ попытокъ гарнизоновъ Силистріи и Шумлы тревожить ихъ. *До овладѣнія этою крѣпостью предпринимать наступленіе за Балканы крайне опасно.* Поэтому на достиженіе этой цѣли нельзя жалѣть никакихъ средствъ.

Самый способъ овладѣнія Рущукомъ долженъ состоять изъ мѣръ, которыя, примѣняясь къ свойству турецкихъ крѣпостей вообще (отсутствіе казематированныхъ построекъ и сколько нибудь самостоятельныхъ передовыхъ укрѣпленій), должны вести къ быстрымъ, хотя бы и дорого стоющимъ, результатамъ. Усиленное, безпощадное бомбардированіе, ускоренныя саперныя работы, наконецъ, штурмъ—должны составлять отличительныя черты дѣйствій противъ такихъ крѣпостей.

Только по овладѣніи Рущукомъ и разработкѣ путей черезъ Балканы можно будетъ начать рѣшительное наступленіе за Балканы и далѣе.

Приблизительный разсчетъ времени, потребнаго для исполненія указанныхъ операцій. Допуская, что участокъ желѣзной дороги между Галацомъ и Браиловымъ будетъ обезпеченъ отъ попытокъ противника его разрушить и будетъ сохраненъ въ цѣлости, а также допуская возможность отправлять по румынскимъ дорогамъ по 10 поѣздовъ въ день (изъ нихъ 9 съ войсками), перевозка главныхъ силъ арміи потребуетъ около 30 дней, безъ парка съ осадными орудіями [1]).

На движеніе отъ Букареста и Слатины къ переправѣ черезъ Дунай (105—125 верстъ)—около недѣли.

Устройство и производство переправы—тоже около недѣли.

Овладѣніе Рущукомъ и разработка дорогъ въ Балканахъ—около 2 недѣль. А всего, до начала рѣшительнаго наступленія для достиже-

[1]) Головная кав. дивизія . . . . . $2^1/_2$ дня.
XII корпусъ . . . . . 11 »
VIII » . . . . . 11 »
Саперная и стрѣлк. бригады . . . . . 2 »
3 Кавказскихъ и 2 Донскихъ полка . . . $3^1/_2$ »
Итого . . . . 30 дней.

нія главной цѣли, около 2 мѣсяцевъ, а при различнаго рода препятствіяхъ и до $2^1/_2$ мѣсяцевъ.

Поэтому, считая начало дѣйствій съ окончанія срока перемирія, переходъ нашихъ войскъ черезъ Балканы въ значительныхъ силахъ можетъ послѣдовать около половины февраля или начала марта.

Употребленіе румынскихъ войскъ. Точныхъ свѣдѣній о современномъ фактическомъ состояніи румынскихъ войскъ не имѣется; они получатся отъ командированныхъ уже туда лицъ. По свѣдѣніямъ же, основаннымъ на данныхъ организаціи вооруженныхъ силъ княжества, постоянныя войска его вмѣстѣ съ милиціею составляютъ силу около 55.000 и дѣлятся на 4 дивизіи.

Но на войска эти для серьезныхъ полевыхъ дѣйствій едва-ли можно разсчитывать. Поэтому полагается болѣе соотвѣтственнымъ употребить ихъ на дѣйствія второстепенныя и на тыловую службу.

Для первоначальныхъ же дѣйствій они могутъ быть съ пользою употреблены для слѣдующихъ операцій:

Одна дивизія пѣхоты могла бы быть сосредоточена нынѣ же къ Браилову и Галацу, съ цѣлью обезпечить указанный выше участокъ желѣзной дороги, до прибытія нашихъ войскъ. Затѣмъ эта дивизія могла бы оставаться вмѣстѣ съ частями XI корпуса или на нижнемъ Дунаѣ для обезпеченія нашихъ сообщеній, занимая расположеніе за рѣкою по лѣвому берегу, или, совершивъ вмѣстѣ съ нашими войсками переправу черезъ Дунай, занять Бабадагскую область до Черноводъ. Обстоятельства укажутъ, какой изъ этихъ способовъ дѣйствія будетъ болѣе соотвѣтствовать обстановкѣ.

Одна дивизія пѣхоты можетъ быть употреблена для прикрытія Букареста и вѣтви желѣзной дороги отъ этого пункта до Дуная на Журжево.

Двѣ дивизіи могутъ быть расположены въ Малой Валахіи: или только для наблюденія за кр. Виддиномъ, или для движенія въ Сербію, чтобы подать ей руку помощи.

III.

Соображенія о переходѣ черезъ Балканы.

А) Секретная телеграмма Главнокомандующаго къ Государственному Канцлеру изъ Кишинева отъ 4 декабря 1876 г.

(Воен.-Учен. Арх., отд. секр., д. № 123, т. VII, стр. 134).

Газеты говорятъ, что въ случаѣ занятія нами Болгаріи мы должны ограничиться только Балканскими горами. Еслибъ это было такъ, то рѣшаюсь высказать вашей свѣтлости мое мнѣніе, что при занятіи Болгаріи крайне необходимо намъ владѣть проходами въ Балканахъ.

Б) Выдержка изъ письма Главнокомандующаго къ Государю Императору отъ 5 декабря 1876 г.

(Воен.-Учен. Арх., отд. секр., д. № 130, стр. 110).

Въ газетахъ прочелъ я, что будто бы, если будетъ рѣшено военное занятіе Болгаріи, то только дозволено будетъ дойти до Балканъ. Если это вѣрно, то для насъ весьма важно, чтобы южный скатъ горъ и всѣ проходы и перевалы были за нами, какъ-то: г. Софія, Златица, Казанлыкъ, Сливно и Карнабатъ, потому что, при могущемъ случиться разрывѣ во время нашей оккупаціи, всѣ важные и трудные перевалы были бы въ нашихъ рукахъ, что значительно облегчило бы наши дѣйствія.

В) Отъ редакціи.

Вопросъ о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы снова былъ возбужденъ уже послѣ объявленія войны.

Въ началѣ мая 1877 г. изъ Лондона было получено донесеніе о томъ враждебномъ къ Россіи настроеніи, которое тогда господствовало въ Англіи. По мнѣнію нашего посла *графа Шувалова*, высказанному въ его депешѣ отъ 5 мая, чтобы удержать Англію отъ вмѣшательства въ войну, слѣдовало категорически заявить ей о тѣхъ цѣляхъ, которыя Россія намѣрена преслѣдовать, и о тѣхъ результатахъ, коими она удовольствуется при успѣхѣ своихъ военныхъ дѣйствій.

Угрозы Англіи, что она объявитъ войну, займетъ проливы и Константинополь и станетъ требовать status quo ante были приняты Государемъ съ столь сильнымъ неудовольствіемъ, что онъ сначала, было, вовсе не желалъ давать какія бы то ни было объясненія Англіи.

Однакожъ, по совѣту *князя Горчакова*, послана была нота Англіи и дана инструкція *графу Шувалову* [1]). Хотя при обсужденіи этой инструкціи (18 мая) Государь былъ противъ уступокъ, но въ общемъ отвѣтъ Англіи заключался въ томъ, что цѣль нашихъ дѣйствій—только временное занятіе *Придунайской Болгаріи до Балканъ*, дабы тѣмъ побудить Турцію поскорѣе заключить миръ и выполнить наши требованія по отношенію христіанъ Балканскаго полуострова.

Между тѣмъ, съ прибытіемъ Государя въ Плоэшти, сказанная инструкція стала извѣстна въ Главной Квартирѣ; она возбудила до того живые толки, что 30 мая Государю угодно было собрать совѣщаніе для обсужденія этого вопроса.

На этомъ совѣщаніи, между прочимъ, было высказано мнѣніе, что данныя обѣщанія не переходить Балканъ, съ одной стороны, могутъ крайне стѣснить свободу дѣйствій арміи, а съ другой—повредить нашему политическому вліянію, если мы самую интеллигентную, богатую и наиболѣе пострадавшую отъ турокъ часть Забалканской Болгаріи оставимъ въ ихъ рукахъ.

Въ виду этихъ заявленій, *графу Шувалову*, 1 іюня, по телеграфу, приказано было изъ Плоэшти не приводить въ исполненіе данныхъ ему инструкцій. Но онѣ уже были сообщены Лондонскому кабинету *графомъ Шуваловымъ*, который не считалъ удобнымъ взять ихъ назадъ, а потому вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ въ дипломатическомъ смыслѣ [2]). Затѣмъ 27 іюня, подъ вліяніемъ удачнаго хода операцій, Главнокомандующій снова проситъ у Государя разрѣшенія—перейти Балканы съ главными силами арміи; по стратегическимъ соображеніямъ исполненіе этого плана было, пока, отложено. Когда же настало время для перехода черезъ Балканы,—мы ихъ перешли безъ всякихъ съ кѣмъ бы то ни было соглашеній. (Отчетъ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1877 г., дневники—главнокомандующаго и *графа Милютина*).

---

[1]) Въ этой инструкціи, между прочимъ, говорилось, что Болгарію предполагалось раздѣлить на двѣ части и каждой изъ нихъ дать особое устройство.

[2]) Въ своемъ отвѣтѣ *графъ Шуваловъ* совѣтовалъ войти, относительно Болгаріи, въ сепаратное соглашеніе съ Англіею, а 4 іюня доносилъ, что Англія готовитъ войска къ десанту. Повидимому, все клонилось къ тому, чтобы не допустить русской арміи къ переправѣ черезъ Дунай. Объ этомъ догадывались даже въ Турціи. Тамъ надѣялись на то, что мы ограничимся лишь наступленіемъ въ Азію. Убѣжденіе это было настолько велико, что были пріостановлены работы по укрѣпленію Балканскихъ проходовъ и Адріанополя.

IV.

Письмо Главнокомандующаго Государю Императору отъ 4 марта 1877 г. Кишиневъ.

(Воен.-Учен. Арх., отд. II, д. № 4911, стр. 88).

Ваше Императорское Величество! Не получая до настоящаго времени опредѣлительныхъ указаній относительно того, когда, при извѣстныхъ политическихъ комбинаціяхъ, полагается двинуть ввѣренную мнѣ армію впередъ, я считаю своимъ долгомъ изложить передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мои соображенія, касающіяся времени для открытія военныхъ дѣйствій.

Я уже доносилъ Вашему Величеству, что тотчасъ по прибытіи моемъ въ Кишиневъ подготовлены были всѣ распоряженія для движенія арміи зимою; причемъ было рѣшено двигать войска небольшими эшелонами, каждый силою: въ кавалеріи—бригада съ батареею, а въ пѣхотѣ—полкъ съ батареею.

Въ настоящее время, въ виду того, что движеніе арміи можетъ состояться только весною, въ благопріятное для движенія время года, маршруты передѣланы и рѣшено вести войска эшелонами въ составѣ: въ кавалеріи—бригада съ батареею, а въ пѣхотѣ—бригада съ 2 батареями. Вслѣдствіе этого корпусъ войскъ безъ кавалеріи будетъ состоять не изъ 10, а всего изъ 5 эшелоновъ, считая въ томъ числѣ парки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящее время въ извѣстной мѣрѣ выяснилось, что нерѣшительность, а частію даже враждебность румынскаго правительства ведетъ къ тому, что, кромѣ частныхъ попытокъ перевозки отрядовъ съ цѣлью возможно скораго захвата моста черезъ Серетъ у Барбоша, а также прикрытія Букареста и важныхъ въ немъ желѣзнодорожныхъ сооруженій, нельзя предпринять правильную перевозку войскъ по желѣзнымъ дорогамъ прежде, чѣмъ онѣ не будутъ прикрыты нашими же войсками.

Къ тому необходимо будетъ имѣть время, чтобы мѣрами, нами же принятыми, подготовить дороги къ правильной и безостановочной перевозкѣ войскъ.

Для этого я разсчитываю нужнымъ дать около 10 дней, и потому перевозку войскъ начать десятью днями позже дня перехода нашихъ войскъ черезъ границу.

Откладывая, такимъ образомъ, начало перевозки войскъ желѣзными дорогами, для регулированія времени сосредоточенія части арміи, которая будетъ направлена обыкновенными дорогами, съ временемъ подвоза частей, которыя будутъ слѣдовать желѣзнодорожными путями, для того, чтобы послѣдніе эшелоны, передвигаемые желѣзными дорогами, прибыли почти одновременно съ послѣдними эшелонами, которые будутъ слѣдовать обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ,—я полагаю направить желѣзными дорогами только одну дивизію пѣхоты, дивизію кавалеріи, понтонные и телеграфные парки, Главную Квартиру и осадную артиллерію. Перевозка артиллерійскихъ парковъ въ расчетъ сосредоточенія арміи не входитъ, такъ какъ они могутъ прибыть послѣ сосредоточенія арміи; всѣ остальныя части арміи будутъ слѣдовать обыкновеннымъ походнымъ движеніемъ.

Изъ составленныхъ на этихъ основаніяхъ разсчетовъ, $3^1/_2$ корпуса пѣхоты съ понтонными и осадными парками сосредоточатся въ окрестностяхъ Букареста: части, которыя будутъ слѣдовать обыкновенными дорогами, черезъ 34 дня, послѣ перехода черезъ границу, а части, которыя будутъ направлены желѣзными дорогами,—на 40-й день, или вся армія будетъ готова для движенія къ пункту переправы черезъ $5^1/_2$ недѣль послѣ перехода границы.

Считая на передвиженіе къ переправѣ около недѣли, а на устройство и совершеніе переправы—также около недѣли, окажется, что армія можетъ стоять прочно на правомъ берегу Дуная не ранѣе, какъ черезъ $7^1/_2$ или 8 недѣль послѣ перехода границы.

Къ этому времени должны уже подойти въ резервъ арміи, въ окрестности Букареста, тѣ два корпуса, которые предназначаются для усиленія арміи.

Вникая затѣмъ въ операціи, которыя могутъ быть послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія данныя:

Для движенія арміи за Балканы ей надо пройти около 130 вер. до горной цѣпи и затѣмъ еще около 170—180 верстъ до Адріанополя.

Для исполненія этого наступленія, при полной успѣшности дѣйствій съ нашей стороны, потребуется около 5—6 недѣль.

Поэтому, не касаясь дальнѣйшихъ операцій, все наступленіе арміи къ Адріанополю, разсчитывая на успѣшный ходъ его, потребуетъ отъ 13 до 14 недѣль времени.

Все изложенное представляю на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества и испрашиваю сообщенія мнѣ Вашихъ соображеній по сему предмету.

Въ настоящее время заготовлены маршруты слѣдованія частей арміи по княжествамъ при томъ условіи, что придется идти весною, въ благопріятное время года, когда не предстоитъ крайней надобности въ расположеніи непремѣнно подъ кровомъ.

На основаніи этого условія явилась возможность, съ цѣлью ускорить сосредоточеніе арміи на конечномъ пунктѣ марша, въ окрестностяхъ Букареста, направить войска эшелонами, составленными изъ бригадъ пѣхоты съ двумя батареями, а весь пѣхотный корпусъ вести не 10, а 5 эшелонами.

При такомъ движеніи VIII и XII корпуса прибудутъ къ Бухаресту на 31-й день послѣ перехода перваго эшелона черезъ границу, а въ это время весь берегъ Дуная до р. Жіуля будетъ занятъ кавалеріею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ до сихъ поръ невыяснившееся еще положеніе относительно насъ румынскаго правительства, отсутствіе съ его стороны принятія мѣръ какъ въ подготовкѣ желѣзныхъ дорогъ для перевозки нашихъ войскъ, такъ, въ особенности, въ обезпеченіи ихъ не только отъ порчи со стороны турокъ, въ случаѣ разрыва, но даже отъ какихъ либо могущихъ явиться злонамѣренныхъ отдѣльныхъ личностей, дѣлаетъ отправленіе по нимъ нашихъ войскъ, до полнаго ихъ обезпеченія нашими же силами, весьма рискованнымъ.

Вслѣдствіе этого предполагается принять слѣдующія мѣры:

1) Съ перваго же дня открытія военныхъ дѣйствій отправить желѣзною дорогою отъ Яссъ до Барбоша бригаду 32-й пѣх. дивизіи, съ цѣлью какъ можно скорѣе захватить въ наши руки Барбошскій мостъ и участокъ дороги отъ Галаца до Браилова включительно.

2) Туда же направить обыкновенными дорогами три казачьихъ полка, стоящіе къ юго-западномъ углу Бессарабіи, съ двумя батареями, къ Галацу и Барбошу, а за ними—11-ю пѣх. дивизію и другую бригаду 32-й пѣх. дивизіи.

3) Указанную вначалѣ бригаду 32-й пѣх. дивизіи, тотчасъ по прибытіи туда передовыхъ частей 11-й пѣх. дивизіи, направить желѣзною же дорогою къ Бухаресту и Журжеву для прикрытія важныхъ для насъ желѣзнодорожныхъ сооруженій въ Бухарестѣ.

На все это потребуется около $6^1/_2$ дней, а именно: около $3^1/_2$ дней для перевозки до Барбоша и затѣмъ около 3 дней—до Букареста и Журжева.

Затѣмъ, необходимо будетъ дать около $3^1/_2$ дней для подготовки румынскихъ дорогъ къ правильной и безостановочной перевозкѣ IX армейскаго корпуса, всѣхъ полевыхъ управленій, понтонныхъ и телеграфныхъ парковъ, осадной артиллеріи и нѣсколькихъ военно-временныхъ госпиталей.

Такимъ образомъ, перѣшительность, а отчасти недружелюбное расположеніе румынскаго правительства отражаются на порядкѣ движенія войскъ, кромѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, тѣмъ, что начало движенія по желѣзнымъ дорогамъ можетъ имѣть мѣсто не тотчасъ послѣ начала движенія арміи, а только дней черезъ 10.

Самая перевозка IX корпуса и всѣхъ упомянутыхъ частей потребуетъ около 40 дней, а потому можетъ окончиться только черезъ 50 дней послѣ перехода черезъ границу нашихъ первыхъ эшелоновъ.

Принимая во вниманіе такую неодновременность сосредоточенія частей арміи: слѣдующихъ обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ и перевозкою по желѣзнымъ дорогамъ, является необходимымъ часть IX корпуса—одну изъ пѣхотныхъ дивизій съ парками и корпусною артиллеріею—направить обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, перевезя ее въ первые дни, свободные отъ перевозки войскъ на румынскія дороги, до Кишинева или Яссы и затѣмъ направить ее въ хвостѣ за одною изъ колоннъ.

Черезъ это общая перевозка войскъ по румынскимъ дорогамъ сократится дней на 10, а прибытіе послѣднихъ эшелоновъ, слѣдующихъ обыкновеннымъ маршемъ, увеличится дня на 3. Въ результатѣ: войска, слѣдующія по обыкновеннымъ дорогамъ, сосредоточатся черезъ 34 дня послѣ дня перехода границы, а перевозимыя по желѣзнымъ дорогамъ—черезъ дней 40.

Такимъ образомъ, армія будетъ въ состояніи тронуться къ пункту переправы только черезъ $5^1/_2$ недѣль послѣ перваго перехода черезъ границу и подойдетъ къ Дунаю и въ состояніи будетъ приступить къ устройству переправы черезъ $6^1/_2$ недѣль.

Полагая на переправу и переходъ войскъ, при достаточно благопріятныхъ условіяхъ, около недѣли, окажется, что наша армія, по крайней мѣрѣ ея главныя силы, будутъ прочно стоять на правомъ берегу Дуная черезъ $7^1/_2$ или 8 недѣль послѣ начала дѣйствій и

затѣмъ она будетъ въ состояніи приступить къ рѣшительнымъ операціямъ на правомъ берегу Дуная.

Вникая, затѣмъ, въ возможный ходъ этихъ операцій, надо имѣть въ виду слѣдующіе разсчеты во времени:

Отъ средняго Дуная до переваловъ черезъ хребетъ около 120—130 верстъ.

Отъ главнаго хребта горъ до Адріанополя еще отъ 160 до 180 верстъ.

Всего около 300 верстъ.

Наступленіе къ этому послѣднему пункту при рѣшительныхъ дѣйствіяхъ и отсутствіи рѣшительныхъ и сколько-нибудь успѣшныхъ дѣйствій обороны со стороны турокъ потребуетъ около 5—6 недѣль времени. При этомъ предполагается, что прибывшія къ арміи подкрѣпленія будутъ употреблены для обезпеченія фланговъ обложенія и осады крѣпостей и т. п.

Поэтому все наступленіе арміи до Адріанополя, разсчитывая на успѣшный ходъ его, потребуетъ около 13—14 недѣль, или около 3 или $3^1/_4$ мѣсяцевъ.

Обращаясь теперь къ времени года, когда могутъ быть указанныя военныя дѣйствія, оказывается:

Если армія получитъ приказаніе двинуться впередъ 1 апрѣля, то она въ состояніи будетъ подойти къ переправѣ и исполнить ее только во второй половинѣ мая мѣсяца и начать рѣшительныя операціи въ Болгаріи только около 1 іюня, а подойти къ Адріанополю, повторяю—при самомъ успѣшномъ ходѣ наступленія, около 1 іюля.

Между тѣмъ, разливъ Дуная начинается во второй половинѣ мая мѣсяца и продолжается въ теченіе іюня мѣсяца, т. е. какъ разъ въ періодъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій нашей арміи.

Уже при началѣ движенія арміи въ княжества около 1 апрѣля мы можемъ подойти къ Дунаю къ началу разлива; при малѣйшемъ промедленіи разливъ можетъ уже явиться непреодолимымъ препятствіемъ для устройства переправы.

Поэтому, въ этомъ отношеніи, чѣмъ раньше наша армія могла бы начать дѣйствіе, тѣмъ успѣхъ переправы будетъ находиться въ меньшей зависимости отъ положенія водъ въ Дунаѣ.

Далѣе, касаясь климатическихъ условій, надо обратить вниманіе на то, что въ княжествахъ и въ Болгаріи въ маѣ мѣсяцѣ наступаютъ жары, которыя дѣлаютъ движеніе войскъ уже затруднительнымъ. Въ

іюнѣ мѣсяцѣ въ равнинахъ жаръ начинаетъ уже сушить всю растительность, а главное—подножный кормъ. Къ концу мѣсяца кормъ этотъ начинаетъ совершенно выгорать. Только въ горахъ онъ будетъ еще держаться. Подходъ же къ Адріанополю будетъ приходиться въ сильнѣйшія жары, когда въ долинѣ Марицы почти вся трава выгоритъ.

Іюльскія и августовскія жары могутъ въ то же время отразиться и на здоровьѣ войскъ, развивая поносы, такъ сильно поражающіе непривычныхъ къ климату людей.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ отношеніи времени года наступленіе арміи не должно быть откладываемо; каждая недѣля промедленія можетъ имѣть самыя неблагопріятныя послѣдствія для успѣха дѣйствій и для здоровья войскъ.

Желательно было бы начать наступленіе въ послѣднихъ числахъ марта и не позже 1 апрѣля.

Если же по политическимъ условіямъ это будетъ невозможно, то нужно имѣть въ виду, что неблагопріятное время въ отношеніи разлива Дуная и въ отношеніи климатическихъ данныхъ можетъ значительно затруднить возможность рѣшительныхъ дѣйствій, которыя могутъ такъ много содѣйствовать успѣху кампаніи.

V.

Двѣ записки ген. Обручева о планѣ похода въ Турцію весною 1877 г. [1]).

1.

(Воен.-Учен. Арх., отд. секр., д. № 123, т. VI, лит. А, стр. 7).

23 марта я представилъ *графу Ѳедору Логиновичу* [2]) прилагаемую при семъ записку. Сегодня онъ вручилъ мнѣ ее обратно, разрѣшивъ представить мои соображенія вашему высокопревосходительству прямо отъ себя, и присовокупилъ, что онъ ихъ нисколько не раздѣляетъ, въ особенности же по двумъ пунктамъ:

1) Относительно формированія сводныхъ гвардейской и гренадерской дивизій.

---

[1]) Эти записки были представлены 29 марта ген. *Обручевымъ* Военному Министру.

[2]) Тогдашній Начальникъ Главнаго Штаба *графъ Ѳ. Л. Гейденъ*.

и 2) Относительно постановки самой цѣли дѣйствій, которая, по его мнѣнію, никоимъ образомъ не должна касаться Константинополя, а должна ограничиваться лишь занятіемъ Болгаріи (Придунайской, съ отрядами пущенными за Балканы).

Что касается перваго пункта, то я не представлялъ *графу Ѳедору Логгиновичу* никакихъ возраженій (это вопросъ частностей); по второму же—я счелъ долгомъ высказать, что устраненіе рѣшительныхъ дѣйствій и ограниченіе ихъ занятіемъ Болгаріи было бы лишь повтореніемъ роковой ошибки 1853 г., когда, въ противность рѣшительнымъ планамъ Императора Николая Павловича, фельдмаршалъ *Паскевичъ* присовѣтовалъ занятіе княжествъ, находя, что это положеніе будетъ прекрасно, что время будетъ за насъ и непремѣнно разстроитъ согласіе державъ.

Какъ мы тогда жестоко поплатились за сдѣланную ошибку, такъ навѣрное поплатились бы и теперь, еслибы снова ее повторили.

Поэтому, хотя соображенія, изложенныя въ запискѣ, представляются *графу Ѳедору Логгиновичу* крайне смѣлыми, я считаю своею обязанностью воспользоваться его разрѣшеніемъ и почтительнѣйше представить ихъ на воззрѣніе вашего высокопревосходительства.

2.

Соображенія на случай войны съ Турціею весною 1877 г.

(Воен.-Учен. Арх., отд. секр., д. № 123, т. VI, лит. А, стр. 9).

Въ настоящее время обстоятельства совершенно измѣнились противъ осени.

Въ теченіе зимы турки успѣли значительно развить свои силы, стянули все, что можно, на Дунайскій театръ, увеличили число судовъ на Дунаѣ, усовершенствовали крѣпости, дополнили ихъ вооруженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пылъ въ славянахъ ослабѣлъ, сербы совершенно сошли съ поля, а румыны, рвавшіеся осенью идти въ авангардѣ нашей арміи, чуть-что не отказываются отъ всякаго участія въ войнѣ.

Со стороны Австріи мы чувствуемъ себя болѣе обезпеченными, за то выяснилось, что со стороны Англіи мы должны ожидать лишь самыхъ коварныхъ дѣйствій, которыми она, быть можетъ, сначала и попридержится, но только для того, чтобы выбрать для нихъ наиболѣе выгодную минуту.

Очевидно, что тотъ планъ нашихъ дѣйствій, который былъ намѣченъ среди осенней обстановки, требуетъ теперь уже значительныхъ дополненій и измѣненій.

Цѣль войны, разъ, что насъ вынудили ее начать, теперь уже не можетъ быть иная, какъ полное безповоротное рѣшеніе восточнаго вопроса.

Сама сила событій указываетъ, что надо, наконецъ, разъ навсегда раздѣлаться съ этимъ призракомъ, который періодически истощаетъ Россію и служитъ одною изъ главныхъ помѣхъ къ развитію ея благосостоянія.

Цѣль дѣйствій. Но, чтобы достигнуть рѣшительныхъ результатовъ, цѣлью нашихъ *стратегическихъ* дѣйствій, болѣе чѣмъ когда нибудь, долженъ быть самый Константинополь. Только на берегахъ Босфора можно дѣйствительно сломить владычество турокъ и получить прочный миръ, разъ навсегда рѣшающій нашъ споръ съ ними изъ-за Балканскихъ христіанъ.

Занятіе только Болгаріи никакъ не даетъ этихъ результатовъ. До тѣхъ поръ, пока турки будутъ владѣть Константинопольскимъ полуостровомъ и господствовать на Черномъ морѣ, они ни за что не признаютъ себя побѣжденными, а будутъ тянуть переговоры, питая твердую надежду, пользуясь разногласіемъ Европы, вернуть все потерянное. Фактъ—*занятіе Болгаріи* будетъ представляться имъ только временнымъ, нисколько для нихъ не унизительнымъ, такъ какъ достаточнымъ эквивалентомъ ему они будутъ выставлять *занятіе Чернаго моря.* Европейская дипломатія, если ей только удастся задержать насъ въ этомъ фазисѣ войны, не приминетъ пристать къ турецкому воззрѣнію и, за очищеніе турками Чернаго моря, начнетъ вымогать у насъ такія уступки, которыя все дѣло приведутъ опять къ нулю. Въ положительномъ выигрышѣ останется, вѣроятно, только Австрія, которой Европа поспѣшитъ присудить Боснію и Герцеговину, и которыя, конечно, останутся у нихъ, не смотря ни на какія секретныя съ нами конвенціи.

Овладѣніе въ военномъ смыслѣ Константинополемъ и Босфоромъ составляетъ, такимъ образомъ, безусловную необходимость. Остановиться передъ нимъ мы можемъ только въ томъ случаѣ, если Порта и Европа дадутъ намъ миръ совершенно такой же, какъ еслибы мы уже были въ самомъ Константинополѣ. Безъ этого же условія остановка на пути къ Царьграду была бы нашею гибелью и дипломатія въ семъ случаѣ

никоимъ образомъ не должна сбивать насъ съ толку и впутываться въ дѣло съ какими бы то ни было компромиссами.

Трудности достиженія этой цѣли. Сознавая безусловную необходимость овладѣнія Константинополемъ (или Босфоромъ), надо, однако, сознавать и всѣ трудности выполненія этой задачи.

Чтобы достигнуть Константинополя, надо пройти обширную страну, защищенную Дунаемъ, Балканами, крѣпостями и многочисленною арміею.

Затѣмъ, въ самомъ Константинополѣ, мы можемъ встрѣтить нафанатизированную мусульманскую массу, рѣшившуюся на безпардонный отпоръ; мало того, мы можемъ встрѣтить и англичанъ. Если они возьмутъ дѣло въ свои руки, заблаговременно укрѣпятъ Константинополь, снабдятъ его сильною артиллеріею и поддержатъ его оборону съ Мраморнаго и Чернаго морей всѣмъ своимъ флотомъ, то столица востока можетъ обратиться въ такую твердыню, о которую, какъ о Севастополь, могутъ разбиться усилія даже самой могущественной арміи.

Тутъ невольно является сомнѣніе: не будетъ-ли все предпріятіе на Константинополь просто невозможностью, абсурдомъ?

Если все предполагаемое дѣйствительно свершится, то взятіе Константинополя окажется въ самомъ дѣлѣ едва-ли возможнымъ. Но достовѣрно одно, что *пока* этого еще ничего нѣтъ и отъ насъ самихъ зависитъ, чтобы многаго никогда не было.

До настоящей минуты Константинополь стоитъ еще открытый, беззащитный. Позиція, которая выбрана для его укрѣпленія (между Чифтолой и Кучукъ-Чекмедже), удалена отъ Золотого Рога на 15 верстъ и имѣетъ до 28 верстъ протяженія. Для созданія и вооруженія этой позиціи нужно *значительное время*, а для обороны *значительныя силы*. Для прибытія англичанъ и изготовки ихъ къ бою нужно также время, которое, по достовѣрнымъ источникамъ, можно опредѣлить въ 8—10 недѣль [1]) отъ начала мобилизаціи. Англичанъ во всякомъ случаѣ прибудетъ не грозная армія, а maximum 50 — 60 тысячъ. Чѣмъ рѣшительнѣе будутъ наши первые успѣхи, тѣмъ менѣе будетъ вѣроятно, чтобъ эти 50 тысячъ поспѣшили подставить за турокъ свою спину. Тѣ же успѣхи несомнѣнно сломятъ и фанатизмъ самихъ турокъ.

[1]) По донесенію нашего Лондонскаго военнаго агента отъ 19 (31) января 1877 г., основанному на вполнѣ уважительномъ источникѣ, англійская армія совсѣмъ не такъ готова къ дѣйствію, какъ твердятъ газеты. Для мобилизаціи и перевозки ея въ Константинополь требуется 7—8 недѣль, для обезпеченія же всѣми походными потребностями—еще 6 недѣль. Итого 13—14 недѣль.

Такимъ образомъ, при рѣшительности и быстротѣ дѣйствій взятіе Константинополя никакъ не представляется абсурдомъ, а, напротивъ, весьма вѣроятно. Поэтому и отказываться отъ этой единственной, рѣшительной цѣли, ради только предполагаемыхъ и возможныхъ, но еще несуществующихъ препятствій, было бы величайшею стратегическою и политическою ошибкою. Вѣдь по всеобщему сознанію, еслибъ союзники *не преувеличили* оборонительной силы Севастополя и не настращали сами себя несуществующими страхами, они могли бы овладѣть имъ съ перваго же удара (12 — 13 сентября) и избавились бы отъ необходимости годовой его осады. Также долженъ бы былъ пасть и Карсъ весной 1855 года.

Для всѣхъ подобныхъ случаевъ есть только одно правило: не медлить, не зѣвать.

Средства для достиженія цѣли. Такъ какъ за истекшую зиму турецкія силы значительно возросли и такъ какъ нашъ успѣхъ главнымъ, если не единственнымъ, образомъ зависитъ отъ быстроты, съ какою мы достигнемъ Константинополя, то тѣ средства, которыя мы изготовили для войны осенью, окажутся теперь недостаточными.

Осенью, пока Балканскій театръ былъ совершенно беззащитенъ, пока вся турецкая армія была отвлечена на западъ, можно было даже съ небольшими регулярными силами достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Имѣя подъ рукою 4 корпуса и румынскую армію, можно было почти сразу же перебросить 4 пѣхотныхъ дивизіи съ массою кавалеріи прямо за Балканы.

Теперь совсѣмъ не то: четыре наши корпуса встрѣтятъ на Дунаѣ и въ Придунайской Болгаріи такой отпоръ, что если и въ состояніи будутъ сразу выдѣлить за Балканы какія-нибудь силы, то только весьма незначительныя, съ которыми далеко не уйдешь. Пока же армія сладитъ со всѣми препятствіями и турецкими войсками въ Придунайской Болгаріи и сдѣлается сама свободною для дальнѣйшаго движенія, пройдетъ столько времени, что взятіе Константинополя, а слѣдовательно и рѣшеніе вопроса, сдѣлается для нее, пожалуй, непосильнымъ.

Очевидно, что намъ слѣдуетъ значительно развить свои силы, такъ какъ только при болѣе обширныхъ средствахъ мы можемъ опять выиграть *время и быстроту похода.* Необходимо, чтобъ армія, двигающаяся въ Турцію, могла бы сразу выдѣлить за Балканы не слабый отрядъ, а вполнѣ достаточныя силы для безостановочнаго движенія и

взятія Константинополя. Иными словами, намъ теперь нужно подготовить уже не одну, а можно сказать, двѣ арміи, изъ коихъ одна приняла бы на себя всю борьбу въ Придунайской Болгаріи, а другая—тотчасъ по переправѣ двигалась бы прямо къ Константинополю, видѣла бы передъ собою только 500 верстъ пути и стремилась бы пройти ихъ возможно скорѣе, въ 5, буде можно—въ 4 недѣли, не отвлекаясь отъ этой цѣли никакими побочными операціями, ни огражденіемъ своего тыла, ни атакою крѣпостей, ни даже сторонними сраженіями. *Для нея рѣшеніе идти на Константинополь должно быть столь же безусловно, какъ принятое въ 1814 году Императоромъ Александромъ, когда, оцѣнивъ всю важность цѣли, онъ пошелъ прямо въ Парижъ, оставивъ у себя въ тылу Наполеона.*

Разсчетъ силъ. Положеніе турецкихъ силъ къ 15 марта сего года представляется на Дунайско-Балканскомъ театрѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Бабадагъ.
8 бат. 12 эск. 6 ор.
6.825.

Виддинъ.
74 бат. 30 эск. 90 ор.
53.100.

Рахово.
2 бат.
1.300.

Никоп.-Систовъ.
11 бат.
7.150.

Рущукъ.
14 бат. 6 эск. 18 ор.
10.000.

Силистрія.
21 бат. 24 ор.
13.890.

Берковацъ.
1 бат. 5 эск.
1.150.

Ловча-Тырново.
Габрово.
7 бат.
4.550.

Шумла.
14 бат. 6 эск. 60 ор.
10.900.

Варна.
16 бат. 30 ор.
10.900.

Нишъ.
8 бат. 12 ор.
5.400.

Софія.
9 бат. 18 ор.
6.150.

Филиппополь.
9 бат.
5.850.

Адріанополь.
13 бат.
8.450.

Константинополь.
16 бат. 18 эск. 18 ор.
12.500.

Такимъ образомъ турки имѣютъ:

На двухъ *противоположныхъ* оконечностяхъ Дуная (Виддинъ—Бабадагъ)	59.925
На всемъ теченіи Дуная отъ Рахова до Силистріи .	32.340
Во второй линіи отъ Ниша до Варны	32.900
Въ третьей линіи отъ Софіи до Адріанополя . . .	20.450
Въ Константинополѣ	12.500
А всего . . .	158.115

Увеличить эту силу еще какими-нибудь регулярными войсками Турція не можетъ, но ей остается еще формированіе новыхъ пѣшихъ и

конныхъ милицій, помощь Египта, а подъ конецъ, быть можетъ, и англичанъ, въ числительности отъ 50 до 60 тысячъ.

Сообразно этимъ силамъ примѣрный разсчетъ нашихъ войскъ можетъ опредѣлиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Чтобы ударъ на Константинополь былъ обезпеченъ, даже въ случаѣ прибытія англичанъ, необходимо сразу отъ Дуная выдѣлить за Балканы армію не менѣе какъ въ 100—120 тысячъ, со всѣми средствами, необходимыми для энергической атаки сильно укрѣпленной позиціи.

Въ эту армію должны быть назначены, примѣрно, *три корпуса*, или:

6 пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріею.
1 стрѣлковая бригада.
3 кавалерійскія дивизіи (изъ нихъ одна казачья).
1 саперная бригада, безъ понтоновъ, но съ полевымъ паркомъ.
1 желѣзнодорожный баталіонъ.
1 телеграфный паркъ.
Паркъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, числомъ отъ 220 до 250.
20—25 военно-временныхъ госпиталей.

Интендантскій транспортъ, способный поднять разомъ 10-дневный запасъ провіанта и фуража на всю армію, что, по приблизительному разсчету, потребуетъ 5.000 пароконныхъ повозокъ [1]).

Боевой составъ этой арміи будетъ представлять 76 пѣх. баталіоновъ, 60 эскадроновъ и сотенъ и 324 полевыхъ орудій, числительностью, безъ парковъ и госпиталей, въ 114.000 чел. и 24.000 лош., вообще же на довольствіи около 130.000 чел. и до 40.000 лош.

2) Затѣмъ, для опредѣленія состава войскъ, на которыя ляжетъ весь трудъ борьбы съ турками въ Придунайской Болгаріи и обезпеченіе тыла первой арміи, надо не упускать изъ вида, что имъ одновременно придется:

---

[1]) По всей вѣроятности можно будетъ даже обойтись 3.800 или 4.000 повозокъ, заимствовавъ ихъ изъ готоваго уже транспорта. Если быстрымъ вторженіемъ кавалеріи за Балканы намъ удастся захватить большую часть Адріанополь-Константинопольской жел. дороги, то работа интендантскаго транспорта будетъ ограничиваться только перевозкою провіанта *отъ Дуная* черезъ Тырновъ и Казанлыкъ до ст. *Карабунаръ* на жел. дорогѣ. При этомъ 3.000 повозокъ будутъ заняты перевозкою запасовъ *до Казанлыка*, гдѣ образуется главный нашъ складъ, а остальныя 800 или 1.000 повозокъ будутъ подвозить грузъ къ Карабунару на желѣзной дорогѣ. Если отъ Тырнова удастся установить сообщеніе на Твардицу и Ени-Загру, то работа транспорта еще болѣе сократится.

а) Владѣть нижнимъ Дунаемъ и Бабадагомъ, производя поиски въ Добруджу и Дели-Орманъ, на что, не считая мѣстныхъ (или румынскихъ) войскъ, потребуется	1	пѣх. див.	1	кав. див.
б) Брать Рущукъ и обезпечивать главную Дунайскую переправу	2	„	1/2	„
в) Противодѣйствовать войскамъ, которыя турки соберутъ въ Шумлѣ или вообще къ востоку отъ Рущука	2	„	1	„
г) Противодѣйствовать войскамъ, которыя турки имѣютъ на западѣ отъ Рущука до Видина	2	„	1	„
д) Владѣть Габровскими и Сливенскими проходами и вмѣстѣ съ тѣмъ производить постоянные поиски въ долины Тунджи и Марицы и въ тылъ Шумлѣ и Варнѣ	стр. бр.		масса казаковъ.	
е) Имѣть хотя какую-нибудь часть въ общемъ резервѣ	1	пѣх. див.	1/2	кав. див.

Итого 8 пѣх. див., стр. бр., 4 кав. див. и 10—12 каз. п.

Такимъ образомъ, для дѣйствія на Дунаѣ и въ Придунайской Болгаріи понадобятся на первое время почти всѣ тѣ силы, которыя нынѣ входятъ въ составъ дѣйствующей южной арміи. Только когда она справится съ Рущукомъ, *прочно установитъ* наше сообщеніе черезъ Дунай и побьетъ хотя часть турецкихъ войскъ, которыя будутъ подвертываться ей подъ руку, у нея явится нѣкоторая свобода дѣйствій и возможность, смотря по обстоятельствамъ, направиться: или противъ турецкихъ войскъ, которыя будутъ держаться въ Придунайской Болгаріи, или за Балканы, въ помощь нашей Константинопольской арміи.

Весьма вѣроятно, что вслѣдъ за Рущукомъ мы должны будемъ брать Шумлу, чтобъ покончить съ турецкою арміею. Хотя ввязываться въ крѣпостную войну совершенно для насъ невыгодно, но если непріятель уйдетъ въ крѣпость, то, дѣлать нечего, придется бить его и въ крѣпости. Въ 1828 году, по взятіи Браилова, мы разомъ предприняли атаку трехъ крѣпостей, и, наткнувшись на нихъ, такъ сказать, всѣмъ своимъ фронтомъ (правымъ флангомъ на Силистрію, центромъ на Шумлу, лѣвымъ флангомъ на Варну), оказались вездѣ слабы и потеряли цѣлую кампанію. Въ предстоящихъ дѣйствіяхъ этого не должно случиться, во

1-хъ потому, что начиная отъ Рущука, мы будемъ бить оборонительную линію турокъ во флангъ, послѣдовательно напирая на нее достаточною (если не главною) массою нашихъ силъ, и, во 2-хъ, потому, что Рущукъ-Варнская желѣзная дорога можетъ теперь значительно облегчить передвиженіе осадныхъ тяжестей не только подъ Шумлу, но, еслибъ затѣмъ понадобилось, и подъ Варну.

Изложенное соображеніе, указывающее на возможность направленія дѣйствій нашей Дунайской арміи не за Балканы, а противъ Шумлы (если въ ней соберутся главныя силы турокъ), еще болѣе подтверждаетъ необходимость имѣть для похода въ Константинополь самостоятельную армію.

3) Наконецъ, необходимы еще войска для охраненія княжествъ. Если мы примемъ на себя всю эту задачу, то къ выше исчисленнымъ войскамъ потребуется еще значительная прибавка. Однако, въ этомъ нѣтъ надобности. Собственно для нашей дѣйствующей арміи важно лишь обезпеченіе желѣзнаго и шоссейнаго путей отъ Галаца до Рущука. Наибольшей опасности эти пути подвержены въ раіонѣ Галацъ-Браиловскомъ и въ окрестностяхъ Букареста; вся же средняя ихъ часть удалена отъ Дуная и, кромѣ того, отчасти прикрыта маловодною *Баранганскою* степью. Для образованія этаповъ по этому пути предназначаются 10 резервныхъ баталіоновъ, и такъ какъ наиболѣе опасные въ немъ раіоны будутъ уже обезпечены съ одной стороны Бабадагскимъ отрядомъ, а съ другой Рущукскимъ корпусомъ, то затѣмъ, для противодѣйствія прорыву шаекъ противъ средней части, достаточно имѣть лишь легкіе конные отряды, которые выдѣлятся изъ общаго числа войскъ дѣйствующей арміи.

Затѣмъ, весь край къ западу отъ р. Веде слѣдуетъ предоставить румынскимъ войскамъ. Мы можемъ оказать румынамъ помощь лишь въ томъ случаѣ, если турки предпримутъ изъ Виддина рѣшительное наступленіе и будутъ грозить самому Букаресту. Этотъ случай мало вѣроятенъ, ибо безъ организованнаго обоза турки не могутъ далеко уйти; но еслибъ случай дѣйствительно представился, тогда необходимо было бы имъ воспользоваться, чтобъ нанести туркамъ рѣшительное пораженіе [1]). Для этого, однако, опять не нужно новыхъ войскъ, ибо они

[1]) Въ нашихъ интересахъ дать туркамъ какъ можно далѣе отойти отъ Калафата и заманить ихъ какъ можно ближе къ Букаресту, съ тѣмъ, чтобы, нанеся имъ пораженіе, ужъ не дозволить вернуться за Дунай. И не только здѣсь, но вездѣ, гдѣ можно, мы должны не устранять, а сами подстраивать имъ заманчивые случаи для вступленія съ нами въ открытый бой.

могутъ быть взяты частію изъ тѣхъ, которыя уже опредѣлены для этой цѣли (пунктъ 2-й), частію изъ имѣющихся подъ Рущукомъ и въ общемъ резервѣ (пункты б и д).

Выводъ изъ разсчета силъ. Такимъ образомъ, оказывается, что для рѣшительнаго веденія войны на европейско-турецкомъ театрѣ, въ теперешней обстановкѣ, къ тѣмъ силамъ, которыя уже включены въ составъ дѣйствующей арміи (100 бат., 153 эск., 450 полев. орудій, числительностью, безъ парковъ, въ 133.000 чел. и 39.000 лош., а на довольствіи 163.000 чел. и 51.000 лош.) или предназначены для ея тыловыхъ надобностей (10 резервныхъ баталіоновъ), необходимо еще добавить весь составъ арміи, исчисленной для дѣйствій за Балканами (76 бат., 60 эск., 324 орудія, общею числительностью до 130.000 чел. и 40.000 лош.), что все вмѣстѣ образуетъ массу въ 186 бат., 213 эск., 774 орудія или 303.000 чел. и 90.000 лош.

Какія войска назначить въ дополненіе къ дѣйствующей арміи. Такъ какъ успѣхъ войны не извѣстенъ, но во всякомъ случаѣ будетъ во многомъ зависѣть отъ нашего финансоваго положенія, то вопросъ, какъ выполнить военныя требованія съ возможно меньшимъ расходомъ, представляется чрезвычайно важнымъ. Не даромъ *Биконсфильдъ* произнесъ: „Посмотримъ, у кого хватитъ больше средствъ, чтобы вести войну; но не одну кампанію, а нѣсколько, до полнаго торжества справедливости“.

Мы должны бить на то, чтобы, противно его ожиданію, покончить съ турками именно въ одну кампанію и съ 1877 года сдѣлать ихъ дѣло навсегда непоправимымъ. Въ этихъ видахъ все, что требуется на рѣшительномъ театрѣ дѣйствій, должно быть обезпечено широко, безъ всякой недостачи въ людяхъ или въ матеріальныхъ средствахъ. Но за то, во всемъ, что выходитъ уже изъ сферы рѣшительныхъ дѣйствій, мы должны быть до чрезвычайности, до педантичности скупы, памятуя, что именно несвоевременное и непомѣрное развитіе силъ въ Крымскую войну, доведенное до $2^1/_2$ милліоновъ вооруженныхъ людей, тогда какъ противъ насъ дрались въ дѣйствительности лишь 200/т. союзниковъ, повело Россію къ быстрому истощенію и заставило ее прекратить борьбу.

У насъ приведено на военное положеніе уже 546/т. чел. Надо, по возможности, избѣжать дополнительной мобилизаціи или, по крайней мѣрѣ, ограничить ее самыми ничтожными размѣрами, стараясь обойтись тѣмъ, что̀ есть.

Согласно съ симъ, для увеличенія дѣйствующей арміи до такихъ размѣровъ, чтобы она могла выдѣлить изъ себя самостоятельную забалканскую армію, могутъ быть назначены слѣдующія части:

а) Изъ VII корпуса: 36-я пѣх. дивизія (Аккерманъ) и 7-я кав. (Одесса), за исключеніемъ 2 сотенъ казаковъ. Для обороны Одесскаго прибрежья останется затѣмъ цѣлая 15-я дивизія и 2 казачьихъ сотни.

б) XIII корпуса: 35-я пѣх. дивизія (Житомиръ). Другую же дивизію этого корпуса, т. е. 1-ю пѣх., равно какъ и 13-ю кав., полагалось бы не трогать, чтобы не оголить австрійской границы. Въ этихъ войскахъ могло бы быть сдѣлано лишь частное перемѣщеніе для лучшаго прикрытія границы и освобожденія Донской казачьей дивизіи.

Хотя выдѣленіе 36-й и 35-й пѣх. и 7-й кав. дивизій нарушаетъ только что установленный составъ VII и XIII корпусовъ, но безъ этого обойтись нельзя, вѣдь и съ прежними корпусами это безпрерывно случалось; иначе необходимо пришлось бы тратить и излишнее время, и деньги. Названныя три дивизіи могли бы принять наименованіе VII корпуса.

в) XIV корпусъ съ Донскою казачьею дивизіею въ полномъ составѣ.

г) 3-я стрѣлковая бригада.

д) Сводная гвардейская и сводная гренадерская пѣхотныя дивизіи, составленныя изъ четвертыхъ баталіоновъ всѣхъ полковъ, причемъ вмѣсто новаго призыва людей эти баталіоны могли бы быть доведены до 48-ряднаго состава на счетъ остальныхъ трехъ баталіоновъ.

Образованіе подобныхъ сводныхъ дивизій имѣетъ извѣстныя неудобства, но въ данномъ случаѣ представляетъ и большія выгоды: не требуя новаго призыва людей и не разстраивая боевого состава двухъ отборныхъ корпусовъ, оно дастъ имъ возможность участвовать своими представителями въ боевыхъ дѣйствіяхъ и получить потомъ такой кадръ, который надолго освѣжитъ всѣ ихъ славныя преданія. Въ случаѣ, если придется намъ встрѣтиться съ красными мундирами англичанъ, эти части съумѣютъ показать себя.

е) Подобнымъ же образомъ можно было бы составить и сводную гвардейскую кавалерійскую дивизію, но это уже менѣе выгодно, какъ потому, что разстроенныя кавалерійскія части труднѣе возсоздавать, а у насъ ихъ для Европейской войны вообще немного, такъ и потому, что на турецкомъ театрѣ скорѣе нужны казаки, чѣмъ излишекъ регу-

лярной кавалеріи. Въ большія полевыя сраженія турки не будутъ лѣзть; служба нашей кавалеріи будетъ, главнымъ образомъ, въ поискахъ, въ стычкахъ съ мелкими отрядами или вооруженными жителями; регулярную кавалерію эта служба быстро замучаетъ, а казаки ее вынесутъ. Поэтому и недостающую дивизію выгоднѣе составить изъ казаковъ, въ особенности Оренбургскаго округа, которые рвутся въ бой.

ж) Затѣмъ, домобилизовать придется только 2-ю саперную бригаду (Рижскую), осадный паркъ и 10 резервныхъ баталіоновъ.

Дѣйствія на Кавказѣ. Въ виду значительнаго усиленія турокъ на Азіятскомъ театрѣ, достигшаго за зиму до 70—75/т. чел., представляется вопросъ и объ увеличеніи нашихъ Закавказскихъ войскъ.

Возникаетъ предположеніе: не слѣдуетъ ли тутъ сдѣлать то же самое, что̀ и на Европейскомъ театрѣ, т. е. увеличивъ Закавказскую армію почти вдвое, дать ей возможность самаго рѣшительнаго наступленія не только къ Карсу и Эрзеруму, но даже къ Сивасу и Токачу—въ самое сердце турецкаго мусульманскаго царства.

Но подобное предположеніе было бы вполнѣ основательно только въ томъ случаѣ, еслибы мы не могли достигнуть рѣшительной цѣли болѣе короткимъ, удобнымъ, безопаснымъ и несравненно болѣе дешевымъ путемъ на Европейскомъ театрѣ. До тѣхъ же поръ, пока этотъ театръ намъ открытъ, всякую помощь слѣдуетъ оказывать прежде всего ему, а не отдаленной Азіи. Отъ средняго Дуная до Босфора 500 верстъ, отъ Кавказской же границы—1.400 верстъ. На первомъ театрѣ кампанія можетъ быть кончена въ нѣсколько мѣсяцевъ, если не недѣль, на Азіятскомъ—она можетъ затянуться на 2 на 3 года и всетаки остаться безрезультатной, служа лишь, по желанію англичанъ, къ нашему истощенію.

Поэтому казалось бы правильнымъ ограничить роль Кавказской арміи прежними предположеніями, т. е. второстепенными наступательными дѣйствіями, потребными для огражденія нашей собственной безопасности и отвлеченія силъ противника, и усилить составъ арміи лишь въ той мѣрѣ, въ какой это опредѣлится соображеніемъ Его Высочества Намѣстника для выполненія указанной цѣли.

Затѣмъ, еслибы впослѣдствіи оказалось, что Константинополь съ Европейской стороны для насъ недоступенъ и что для заключенія мира намъ остается только одно средство: полное разрушеніе сухопутныхъ владѣній Турціи въ Европѣ и Азіи, такъ чтобъ отъ этой державы ничего не осталось кромѣ кое-какихъ обломковъ, привязан-

ныхъ къ англійскому флоту, тогда, конечно, и Закавказскую армію придется развить почти до такихъ же размѣровъ, какъ Европейскую, если только на это достанетъ у насъ финансовыхъ средствъ.

Дѣйствія на морѣ. Хотя нашъ Черноморскій флотъ сравнительно съ турецкимъ такъ слабъ, что ни о какихъ серьезныхъ морскихъ дѣйствіяхъ не можетъ быть рѣчи, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду, что могутъ представиться благопріятные случаи, въ которыхъ даже и изъ слабыхъ морскихъ средствъ мы въ состояніи будемъ извлечь значительную пользу.

Если англійскій флотъ не присоединится сразу къ турецкому, то наблюденіе за Чернымъ моремъ одними турецкими судами не можетъ быть дѣйствительно. Примѣры Критскаго возстанія свидѣтельствуютъ, что турки плохіе крейсеры. Слѣдовательно, если намъ удастся, по вступленіи арміи въ Болгарію, открыть легкими отрядами сообщеніе съ нѣкоторыми портами Чернаго моря, то черезъ нихъ, при посредствѣ нашихъ пароходовъ, могъ бы быть организованъ довольно значительный подвозъ запасовъ къ арміи, что значительно облегчило бы ея существованіе и сократило бы трудную сухопутную доставку.

Можетъ представиться случай еще болѣе важный. Съ приближеніемъ нашимъ къ Константинополю турецкій флотъ можетъ быть отозванъ въ Босфоръ для непосредственной его обороны. Онъ можетъ туда попасть и вслѣдствіе бури, которая встреплетъ его суда въ морѣ и заставитъ ихъ уйти для починки. Въ томъ и другомъ случаѣ, а можетъ быть и еще въ нѣсколькихъ другихъ, Черное море можетъ оказаться временно для насъ открытымъ, свободнымъ. Слѣдуетъ быть заранѣе готовымъ къ подобной благопріятной случайности; она можетъ помочь намъ перекинуть черезъ Черное море не только уже какой нибудь транспортъ запасовъ, но цѣлый военный отрядъ. Если высадка его удачно совпадетъ съ движеніями Константинопольской арміи, результаты могутъ быть громадные. Поэтому, какъ 13-я пѣх. дивизія, такъ и часть 34-й и 15-й дивизій должны тщательно ознакомиться съ десантными операціями и быть всегда на чеку, а суда Черноморскаго флота и общества пароходства должны быть распредѣлены такъ, чтобъ ими ежеминутно можно было воспользоваться.

VI.

Записка ген. шт. полк. Артамонова о наивыгоднѣйшемъ, въ стратегическомъ отношеніи, способѣ дѣйствій противъ турокъ [1]).

(Военно-Учен. Арх., отд. II, дѣло № 5269, стр. 5).

Изъ всѣхъ предшествовавшихъ кампаній русскихъ съ турками обнаруживаются слѣдующіе важные факты:

1) Русскіе въ открытомъ бою въ числѣ часто меньшемъ (а тѣмъ болѣе равномъ) всегда разбивали турокъ.

2) Неудачи русскихъ преимущественно бывали только подъ стѣнами большихъ городовъ и крѣпостей.

и 3) Самыми главными врагами русскихъ были болѣзненность и смертность отъ болѣзней, достигавшая положительно поражающихъ размѣровъ, и не только отъ санитарной непредусмотрительности, но и, преимущественно, *отъ полнаго невниманія къ элементу времени*, т. е. къ тому, чтобы не потерянъ былъ даже ни одинъ день на дѣйствія второстепенныя, не ведущія прямо *къ самой главной цѣли войны*—къ овладѣнію, напр. важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ страны, *Константинополемъ.*

Приведемъ примѣръ изъ войны 1828 и 1829 г.г. Въ первые 10 мѣсяцевъ войны, съ мая 1828 года по конецъ февраля 1829 года, на стотысячную русскую армію было болѣе 210.000 больныхъ, изъ которыхъ умерло 28.000; затѣмъ число больныхъ и смертность увеличиваются съ каждымъ мѣсяцемъ; въ слѣдующіе 5 мѣсяцевъ, съ марта по конецъ іюля 1829 года, на 81.000 больныхъ было уже около 29.000 умершихъ; далѣе смертность все увеличивается и увеличивается, и можетъ быть оцѣнена къ декабрю 1829 года по меньшей мѣрѣ свыше 60.000; такъ что, по мнѣнію фельдмаршала *Мольтке*, изъ всей русской арміи едва 10.000, много 15.000 человѣкъ способныхъ сражаться, возвратились въ Россію, а армія, побѣдившая турокъ въ

[1]) *Примѣчаніе редакціи.* Эта записка составлена была полк. *Артамоновымъ* въ маѣ 1876 году, послѣ прочитанныхъ имъ въ мартѣ того же года публичныхъ лекцій во дворцѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго для офицеровъ Петербургскаго военнаго округа. Осенью того же года эта записка взята была ген. *Обручевымъ* въ Ливадію и прочитана Государю. Содержаніе ея было извѣстно и Главнокомандующему Дунайскою арміею, при которой полк. *Артамоновъ* потомъ состоялъ штабъ-офицеромъ надъ вожатыми. Въ дѣлахъ Полевого Штаба эта записка неправильно показана запискою г.-м. *Дерожинскаго.*

1829 году, была сама почти вся въ то же время уничтожена болѣзнями. Въ виду такого прогрессивнаго хода смертности невольно представляется вопросъ: *что же было бы съ нашею арміею, если бы война не кончилась въ 1829 году?*

Итакъ, въ виду *возможности* такого неуклоннаго увеличенія смертности отъ болѣзней съ каждымъ лишнимъ днемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ войны (какъ это обнаружилось въ 1828 и 1829 г.г.), а также въ виду сокращенія расходовъ войны, очевидно первенствующимъ *залогомъ успѣха* русскихъ въ Европейской Турціи *является быстрота дѣйствій* и притомъ до такой степени, что положительно можно назвать тѣ дѣйствія *хорошими* (т. е. ведущими прямо къ цѣли войны), которыя *ускоряютъ* достиженіе главной цѣли, и положительно *дурными* тѣ, которыя замедляютъ общій ходъ кампаніи, напр., осада Силистріи въ 1829 г., на цѣлый мѣсяцъ задержавшая *Дибича* послѣ Кулевчи отъ перехода черезъ Балканы и потому, *по нашему масштабу, способъ осады Силистріи былъ дурной, т. е. замедляющій ходъ войны* [1]).

Изъ предыдущаго выходитъ, что единственный и вполнѣ соотвѣтственный способъ дѣйствій для войны съ турками есть *быстрый наступательный* (обороны ни въ какомъ случаѣ), напр. быстрое и рѣшительное движеніе къ самому важному стратегическому пункту—Константинополю; причемъ, обезпечивъ только свое продовольствіе, русская армія, вслѣдствіе своего превосходства, можетъ во многомъ рисковать въ отношеніи стратегическомъ.

Опытъ предыдущихъ войнъ указалъ намъ, что Константинополь и есть тотъ важный пунктъ, овладѣніе которымъ должно составлять главную ближайшую цѣль войны. Самые блистательные миры наши съ турками: Кучукъ-Кайнарджійскій (1774 г.) и Адріанопольскій (1829 г.), заключены именно при такихъ обстоятельствахъ, когда турки начинали опасаться за участь своей столицы. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманіе на то, что и война замедляется до крайности и приводитъ къ незначительнымъ результатамъ, и армія наша становится въ самое невыгодное положеніе, когда цѣлью войны становятся какія нибудь второстепенныя условія, напр., овладѣніе теченіемъ р. Дуная, его крѣпостями и т. п., а не самый Константинополь. Турки, успокоенные за участь своей столицы, когда война ведется вдали отъ нея, дерутся отчаянно, разсчитывая и на неизбѣжное истощеніе нашей

[1]) При недостаткѣ въ людяхъ и при непользованіи осаднымъ паркомъ это, можетъ быть, былъ единственный способъ.

арміи, и на перемѣну политическихъ обстоятельствъ. Такъ напр.: съ 1806 по 1811 г., въ теченіе пяти лѣтъ, рѣка Дунай и ея крѣпости приковываютъ къ себѣ семидесятитысячную русскую армію, а при такихъ условіяхъ война могла бы длиться еще очень долго. И если припомнить, что отъ городовъ Систова и Рущука до города Казанлыка, лежащаго на южной сторонѣ Балканскихъ горъ, всего 140 и 160 верстъ, а отъ этихъ городовъ до Адріанополя—около 280 верстъ; или, иначе, что нужно всего только недѣлю или дней 10 пути отъ рѣки Дуная прямо на югъ, и русская армія уже за Балканами. Если къ тому же припомнить важность нравственнаго значенія появленія за Балканами не только арміи, но даже и небольшихъ ея летучихъ отрядовъ, то не можетъ не поразить странностью тотъ фактъ, что изъ всѣхъ войнъ, въ теченіе почти двухъ столѣтій, русскіе только однажды, именно въ 1829 году, и то на второй годъ войны, послѣдовали примѣру Великаго Князя *Святослава* и перешли Балканы. Странность эта во многомъ объясняется неимѣніемъ свѣдѣній о странѣ и преувеличеннымъ представленіемъ о непроходимости Балканъ.

Въ 1774 году *Салтыковъ* только *обложилъ Рущукъ*, *Румянцевъ* только *наблюдалъ Силистрію*, и въ то же время два отряда *Каменскаго* и *Суворова* двинулись прямо на югъ, къ Балканамъ, разбили турокъ у Козлуджи, загнали ихъ въ Шумлу, а затѣмъ, выйдя на главную дорогу изъ Шумлы въ Константинополь, прервали сообщеніе между этими городами. Въ результатѣ получился выгодный *Кучукъ-Кайнарджійскій* миръ. Итакъ, теченіемъ рѣки Дуная не овладѣли, ни одной важной крѣпости на рѣкѣ Дунаѣ не взяли, но рѣшительное движеніе на югъ заставило Порту предложить намъ выгодный для насъ миръ. Еще рельефнѣе обнаружились подобныя обстоятельства въ 1829 году.

Въ то время, когда 20.000 русскихъ подъ начальствомъ *графа Дибича* находились у Адріанополя, а другіе 2 маленькіе отряда *графа Киселева* у *Габрова* и у города *Врацы*, съ авангардомъ у города *Софіи*, крѣпости—Виддинъ, Никополь, Систовъ, Рущукъ и даже Журжево въ Валахіи находились еще во власти турокъ. Такимъ образомъ, линіею Дуная и его крѣпостями не овладѣли, а угрожающее положеніе русскихъ между Адріанополемъ и Константинополемъ доставило намъ блистательный миръ.

Съ другой стороны, въ 1810 году почти *всѣ крѣпости* по рѣкѣ Дунаю, а именно—*Силистрія*, *Журжа*, *Рущукъ*, *Систовъ*, *Никополь*, *Рахово* и др. кромѣ Виддина, были въ нашей власти. Слѣдовательно, *теченіемъ*

рѣки Дуная отъ его устья до Виддина и его крѣпостями мы овладѣли, и что же?—не только не былъ заключенъ миръ съ турками, а напротивъ, въ 1811 году мы видимъ русскую армію *Кутузова* уже на Валахскомъ берегу, а слѣдовательно турки перенесли войну въ Валахію. Послѣ всего этого планы о войнѣ съ Турціею въ 1853—1854 г.г., какъ они обнаружились изъ переписки *князя Паскевича* съ *княземъ Горчаковымъ* [1]), и по которымъ *главною цѣлью войны ставится овладѣніе теченіемъ р. Дуная, крѣпостями Силистріею, Рущукомъ и чуть не Виддиномъ*,—невольно поражаютъ своею странностью. Отсюда и получилась та обстановка, по которой съ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай до снятія осады Силистріи, съ 11 марта по 1 іюня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ оказалось будто необходимымъ, чтобы всѣ силы русской 100.000 арміи были направлены къ правильной осадѣ двухъ полевыхъ укрѣпленій крѣпости Силистріи.

Если же боялись *вторженія австрійцевъ изъ Трансильваніи въ княжества* и ожидали войны за рѣкою Прутомъ въ Бессарабіи, чѣмъ же и какъ же себѣ объяснить тотъ фактъ, что къ концу мая 1854 года, ко дню выступленія нашей арміи изъ-подъ Силистріи, оказалось въ самыхъ княжествахъ заготовленнаго провіанта 500.000 четвертей, т. е. на 100.000 армію было заготовлено и находилось въ самыхъ княжествахъ провіанта на 20 мѣсяцевъ впередъ (слѣдовательно, по 1 января 1856 г.) и конечно, большая часть его была *уничтожена*, при отступленіи нашей арміи изъ княжествъ за рѣку Прутъ. На рѣку Прутъ было привезено едва 200.000 четвертей, а затѣмъ вскорѣ и онѣ пропали, такъ какъ для довольствія войскъ были открыты сельскіе магазины Бессарабской области.

Итакъ, *главною цѣлью войны съ турками должно быть овладѣніе Константинополемъ*, а лучшій *способъ дѣйствій* долженъ состоять въ неуклонномъ, рѣшительномъ и, по возможности, быстромъ (безъ потери времени) движеніи къ нему.

Но для возможности рѣшительнаго и, главное, быстраго движенія къ Константинополю необходимо:

1) Изучить тѣ препятствія, которыя предстоитъ преодолѣть нашей арміи на путяхъ отъ нашей границы къ Константинополю.

2) Выбрать тѣ пути, на которыхъ и самыхъ препятствій меньше и они слабѣе.

---

[1]) Смотри «Русскую Старину», декабрь 1875 г., январь, февраль и мартъ 1876 года.

и 3) Заблаговременно позаботиться о средствахъ для преодолѣнія этихъ препятствій.

Вслѣдствіе своеобразности театра войны и тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится наша дѣйствующая армія во время войны съ Турціею, первое условіе пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе.

Недостатку вѣрныхъ свѣдѣній о странѣ и свойствахъ Балканскихъ горъ (и преувеличенному мнѣнію о непроходимости Балканъ) нужно приписать, главнымъ образомъ, причину того страннаго факта, о которомъ мы упоминали выше, относительно непоявленія нашихъ отрядовъ за Балканами во время прежнихъ нашихъ войнъ съ турками. Хотя наши настоящія свѣдѣнія о Турціи и полнѣе, и лучше прежнихъ, но и они далеки отъ соотвѣтствія съ современными требованіями войны.

Во время войны, зрѣло обдуманныя и толково исполненныя *рекогносцировки* должны дополнять необходимыя свѣдѣнія. Впрочемъ, надо обратить вниманіе и на то, что случалось въ прежнія войны, напримѣръ, во время наблюденія Шумлы въ 1828 и 1829 г.г. и др., а именно, что иногда рекогносцировки служили намъ во вредъ, и это случалось всякій разъ, когда онѣ предпринимались несоотвѣтственно слабыми силами и безъ ясно задуманной цѣли; тогда въ результатѣ всегда получались, во-первыхъ, большія потери въ людяхъ отряда во время непосильной борьбы съ непріятелемъ, во-вторыхъ, указаніе непріятелю его слабыхъ пунктовъ направленіемъ нашей рекогносцировки.

Второе условіе, обезпечивающее быстрое и рѣшительное наступленіе, состоитъ *въ выборѣ путей съ наименьшими препятствіями*. Замѣтимъ, что по какимъ бы путямъ ни направить нашу армію къ Константинополю, ей во всякомъ случаѣ придется переправиться черезъ р. Дунай, имѣть дѣло съ турецкими крѣпостями и переходить Балканы. Но на однихъ путяхъ эти препятствія труднѣе, на другихъ слабѣе. Кромѣ того, выборъ путей въ иныхъ случаяхъ зависитъ отъ дѣйствій съ моря, въ другихъ отъ положенія, которое примутъ народы и княжества, подчиненные Турціи. А потому разсмотримъ повнимательнѣе совокупность тѣхъ условій, которыя могутъ повліять на выборъ тѣхъ или другихъ путей.

Прежде всего замѣтимъ, что выдающееся положеніе Трансильваніи одинаково грозитъ всѣмъ путямъ отъ нашихъ границъ къ Константинополю, а потому предположимъ, какъ необходимое и общее условіе, что

съ этой стороны мы обезпечены или прочнымъ занятіемъ нашими войсками самой Трансильваніи, или нейтралитетомъ Австріи. Прежнія войны наши съ Турціею мы начинали обыкновенно съ занятія княжества Молдавіи и Валахіи, побуждаемые къ тому желаніемъ обезпечить продовольствіе нашей арміи, а также сдѣлать богатыя хлѣбомъ княжества базисомъ будущихъ операцій въ Турціи.

Но были случаи, когда занятіе княжествъ лучше было бы предоставить сзади подходящимъ войскамъ, передовыя же лучше было бы прямо переправить за р. Дунай и за Балканы. Такъ было въ 1828 году, когда устья р. Дуная были въ нашей власти и когда Черное море, можно сказать, было русскимъ моремъ. Въ то время (въ 1828 году) совершеніе перехода черезъ р. Прутъ раньше, чѣмъ черезъ р. Дунай, и *назначеніе* въ самомъ началѣ войны на дѣйствіе второстепенное—*на занятіе княжествъ двухъ корпусовъ*, а на главное—*на движеніе къ Балканамъ и за р. Дунай только одного корпуса*, нельзя было не признать *ошибкою важною* и не только *военною, но и политическою.*

Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, мы, имѣя обезпеченный подвозъ съ моря, вовсе не нуждались бы въ средствахъ княжествъ (предварительно, впрочемъ, разоренныхъ до-нельзя турками); съ другой, очевидно, что одного корпуса было слишкомъ недостаточно для рѣшительныхъ дѣйствій на главномъ пути; отсюда неизбѣжная потеря самаго драгоцѣннаго—времени, когда и турки вовсе не были готовы, и когда (въ маѣ и іюнѣ) подножный кормъ въ Бабадагской области и въ Добруджѣ былъ еще въ изобиліи. Въ политическомъ же отношеніи поспѣшное занятіе нами княжествъ въ 1828 году возбудило прежде всего зависть со стороны Австріи.

Въ настоящее время и устья Дуная, и Черное море не въ нашей власти; кромѣ того, измѣнились направленіе и свойства путей, а потому должны измѣниться противъ прежняго и стратегическія соображенія [1]).

---

[1]) Въ прежнія войны въ 1828—1829 г. г. и въ 1853—1855 г. г. обыкновенно переходили Прутъ у Скулянъ, Леово, Фальчи и Водолуй-Исакчи и, затѣмъ, черезъ 5 — 15 дней авангардъ нашъ уже занималъ Букарестъ; затѣмъ немедленно выдвигались отряды для занятія княжествъ.

Такъ, въ 1828—1829 г. г., переправа черезъ р. Прутъ состоялась 25 апрѣля, а уже 30 апрѣля авангардъ средней колонны подъ начальствомъ ген. *Гейсмара* вступаетъ въ Букарестъ, пройдя разстояніе отъ Фальчи до Букареста (228 вер.) въ 5 дней.

Въ 1853 г. войска перешли у Скулянъ и Леова 20 іюня, а 3 іюля авангардъ ихъ уже занималъ Букарестъ.

Для вторженія въ княжества представляются три системы путей:

1) *Южная*, отъ Аккермана черезъ колонію Кубей къ Болграду, съ вѣтвями: къ Киліи, Измаилу, Рени и далѣе къ Галацу.

2) *Средняя*, отъ Бендеръ на Гура-Галбину къ Леову и Фальчи и далѣе къ Бырладу и Текучу.

3) *Верхняя*, отъ Кишинева и Бѣльцовъ, черезъ Скуляны въ Яссы и далѣе долиною р. Серета къ Текучу и Фокшанамъ.

На бывшей границѣ Молдавіи съ Валахіею эти три системы соединяются только въ двѣ: прибрежную Дунайскую (Галацъ—Браиловъ) и западную (Фокшаны—Бузео), причемъ желѣзная дорога, сопровождавшая верхній путь, пересѣкаетъ средній и переходитъ въ прибрежный (Галацъ—Браиловъ).

Отсюда и слѣдуетъ, что нашею первою заботою должно быть нестолько возможно быстрое занятіе Букареста, сколько наискорѣйшее занятіе Рени-Галацъ-Браиловскаго узла дорогъ.

Итакъ, прежде всего надо захватить этотъ узелъ дорогъ и упрочиться на этомъ изгибѣ р. Дуная, а затѣмъ, для занятія Валахіи, главнѣйшимъ путемъ можетъ служить желѣзная дорога и шоссе отъ Браилова и Бузео на Букарестъ и Журжево, и далѣе отъ Букареста черезъ Питешти, Слатину, Краіово съ вѣтвями къ р. Дунаю.

Но, очевидно, что занимать княжества и оцѣплять теченіе рѣки Дуная на протяженіи 800 верстъ, какъ это, обыкновенно, дѣлалось въ предыдущія войны, до крайности невыгодно и не обусловливается необходимостью[1]). Войска наши должны не занимать Румынскаго княжества, а пройти его по возможности скорѣе, имѣя только въ виду необходимость немедленной и возможно быстрой переправы черезъ р. Дунай. Перенесеніе войны на правый берегъ Дуная несомнѣнно во многомъ послужитъ къ обезпеченію нашихъ сообщеній и къ охраненію княжества.

Выборъ времени для перехода черезъ Дунай во многомъ зависитъ отъ состоянія его водъ. Удобнѣйшее время—отъ вскрытія рѣки до весенняго половодія (т. е. въ мартѣ или въ первыхъ числахъ апрѣля), или по спаденіи весеннихъ водъ (т. е. съ конца мая по іюнь), или же послѣ втораго половодія (т. е. въ сентябрѣ). Но надо имѣть въ

[1]) Никогда положеніе наше не было такъ невыгодно, какъ въ 1853—1854 г. г., когда въ теченіе всей осени и зимы мы взялись охранять княжества, и армія наша разбилась на небольшіе отряды, которымъ непріятель не давалъ покоя, чѣмъ сильно изнурялъ и ослаблялъ наши войска.

виду, что въ мартѣ и въ началѣ апрѣля подножнаго корма въ Болгаріи еще очень мало.

Выборъ пункта переправы черезъ р. Дунай зависитъ, съ одной стороны, отъ мѣстныхъ свойствъ береговъ рѣки, съ другой—отъ соображеній стратегическихъ. По мѣстнымъ условіямъ переправа представляетъ тѣмъ болѣе затрудненія, чѣмъ шире болотистая полоса, простирающаяся по лѣвому берегу Дуная. Въ этомъ отношеніи низовья рѣки, особенно устья, наименѣе выгодны. Въ стратегическомъ отношеніи должны быть приняты преимущественно во вниманіе: относительное положеніе силъ противника и относительныя выгоды тѣхъ путей, по которымъ придется дѣйствовать, переправившись черезъ Дунай. Составляя весьма важную оборонительную линію турокъ, Дунай среднею своею частью далеко вдался къ югу въ турецкую территорію и приблизился къ Константинополю, тогда какъ крайнія его части, особенно восточная или устья, далеко выдались къ сѣверу (отъ Систова до Константинополя около 450 верстъ, а отъ устья до Константинополя 600 верстъ). При такомъ очертаніи оборонительной линіи (независимо отъ другихъ условій) средняя ея часть, какъ ближайшая къ столицѣ, должна быть занимаема турками сильнѣе, чѣмъ выдающіяся оконечности.

Съ другой стороны, турки могутъ извлекать изъ этихъ оконечностей большія выгоды для перехода въ наступленіе, ударяя изъ нихъ во флангъ непріятелю, растянувшему свой фронтъ по всей Валахіи[1]). Но сосредоточивать для обороны свои главныя силы въ этихъ оконечностяхъ туркамъ можетъ быть опасно, такъ какъ русская армія прорывомъ центра оборонительной линіи — переправою черезъ Дунай въ его средней части—ставитъ этимъ въ опасное положеніе турецкія силы во фланговыхъ частяхъ. Итакъ, туркамъ выгодно главныя силы свои держать въ наиболѣе южной, средней части р. Дуная; слѣдовательно, на переправахъ въ этой средней части р. Дуная мы можемъ ожидать болѣе серьезное сопротивленіе со стороны турокъ, чѣмъ въ крайнихъ частяхъ, напр. въ низовьяхъ.

Въ прежнія войны эти соображенія по преимуществу и руководили нами въ выборѣ мѣстъ для переправъ, что всегда оправдывалось успѣхомъ, какъ напр. въ 1828 году и въ 1854 г., когда, при пере-

[1]) Въ прежнія войны наши съ турками не разъ случалось, что, когда мы занимали оборонительное положеніе по р. Дунаю, турки сосредоточивали значительныя силы у Видина и вторгались въ Малую Валахію, тревожа нашъ правый флангъ.

правѣ въ нижнемъ колѣнѣ Дуная, мы встрѣчали со стороны турокъ лишь слабое сопротивленіе. Но переправѣ черезъ Дунай въ устьяхъ въ прежнее время особенно благопріятствовало то обстоятельство, что въ устьяхъ Дуная (намъ прежде принадлежавшихъ) мы имѣли флотилію, а нашъ флотъ на Черномъ морѣ преобладалъ надъ турецкимъ. Морскія средства не только облегчали и обезпечивали переправу черезъ Дунай, но служили намъ пособіемъ вообще при дальнѣйшихъ нашихъ военныхъ операціяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ его прибрежной полосѣ, подвозя продовольствіе и подкрѣпленія. Нынѣ же турки имѣютъ на Черномъ морѣ флотъ болѣе могущественный, чѣмъ нашъ (однихъ броненосцевъ 25), и на Дунаѣ не только канонерскія, но и броненосныя лодки, а потому, пока наши морскія силы не превзойдутъ турецкія, для насъ не будетъ никакихъ особыхъ выгодъ держаться низовій р. Дуная и прибрежной полосы; напротивъ, намъ надо будетъ позаботиться какъ-бы обезпечить и нашу переправу, и наши дальнѣйшія операціи отъ покушеній непріятельскихъ при помощи его морскихъ силъ. Затѣмъ, насколько выборъ пунктовъ для переправы зависитъ отъ дальнѣйшихъ путей дѣйствій—это выяснится сравненіемъ самыхъ путей.

Всѣ пути дѣйствія за Дунаемъ могутъ быть отнесены къ 4 системамъ:

1) Черезъ Бабадагскую область и Добруджскую степь.

2) Черезъ Дели-Орманскій лѣсъ.

3) Черезъ Среднюю Болгарію.

4) Черезъ Западную Болгарію.

1) *Дѣйствія черезъ Бабадагъ и Добруджу* требуютъ предварительнаго завладѣнія нѣсколькими незначительными пунктами на р. Дунаѣ (Тульча, Мачинъ, Гирсово и др.), неспособными, впрочемъ, къ серьезному сопротивленію, и въ настоящее время, по свѣдѣніямъ нашихъ консуловъ, не имѣющими ни какихъукрѣпленій, и могутъ представиться выгодными только въ томъ случаѣ, если можно подвозомъ запасовъ съ моря обезпечить всѣ нужды арміи. Самая же страна, по которой пролегаютъ эти пути, слабо населенная, большею частью безводная, безлѣсная, песчаная, мѣстами очень нездоровая, не только не представляетъ никакихъ удобствъ для движенія большой арміи, но, напротивъ, армія до послѣднихъ мелочей должна имѣть все съ собою [1]). И такъ,

[1]) По свидѣтельству ген. *Купріянова* (въ войну 1828—1829 года), при движеніи черезъ Бабадагъ и Добруджу наши транспорты безпрестанно останавливались и вообще не могли

не владѣя Чернымъ моремъ, намъ не представляется никакихъ выгодъ направить по этимъ путямъ главную армію, хотя для дѣйствій второстепенныхъ (демонстрацій, облегченія переправы черезъ р. Дунай на другихъ путяхъ и проч.) путями черезъ Бабадагъ пренебрегать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что турки привыкли видѣть насъ на этихъ путяхъ и тѣмъ самымъ могутъ быть введены въ большое заблужденіе. Далѣе, пути изъ Добруджи сходятся къ Варнѣ и Праводамъ на р. Буланыкѣ, о которыхъ мы скажемъ ниже, въ связи со второю системою путей.

2) *Пути черезъ Дели-Орманскій лѣсъ* требуютъ предварительно на р. Дунаѣ или овладѣнія, или обложенія (но только полнаго, а не такого, какъ въ 1854 году) крѣпости Силистріи и имѣютъ ту выгоду, что пролегаютъ по странѣ относительно здоровой, имѣющей довольно топлива, подножнаго корма и воды. Но, съ другой стороны, пути эти пролегаютъ по мѣстности пересѣченной, закрытой, населенной воинственнымъ, фанатическимъ населеніемъ, часто представляютъ длинные, лѣсистые дефилеи, прорѣзанные глубокими оврагами, съ трудными, длинными подъемами, по глинистому грунту; а потому даютъ непріятелю всѣ средства, чтобы затруднять наше наступленіе и чтобы подвергать постоянной опасности наши сообщенія.

Но еще важнѣе тѣ препятствія въ предгоріяхъ Балканъ, къ которымъ неизбѣжно приводятъ какъ эти пути, такъ и пути черезъ Бабадагскую область и Добруджу. Они приводятъ къ крѣпостямъ Шумлѣ и Варнѣ, связаннымъ какъ между собою, такъ и съ Рущукомъ желѣзною дорогой.

Мѣстность между Шумлою и Варною, находящихся на разстояніи около 70 верстъ, прорѣзана рѣкою Буланыкомъ, истокъ которой съ Шумлинскихъ высотъ, а устье образуетъ лиманъ Девно у кр. Варны, берега же состоятъ изъ крупныхъ известковыхъ высотъ, часто образующихъ возвышенныя плато, покрытыя сплошнымъ колючимъ кустарникомъ. Удобная для обороны мѣстность по р. Буланыку можетъ прикрывать фронтъ турецкой арміи, фланги которой опираются на крѣпости Шумлу и Варну.

быть подчинены никакому разсчету относительно ихъ движенія только по той причинѣ, что недостало *мази для смазки осей*, и эту мазь нужно было привезти изъ Россіи; далѣе, колодцы очень часто глубиною до 15 саж. и, по свидѣтельству ген. *Купріянова*, до 50 саж., а потому, если не позаботиться даже о веревкахъ, то можно подвергнуться участи одного изъ отрядовъ *Ломакина* въ Туркестанской степи, который страдалъ отъ жажды возлѣ колодца въ 50 саж. глубиною, потому что не позаботились захватить соотвѣтственной длины веревку.

Обложеніе и атака крѣпостей Шумлы и Варны представляютъ большія затрудненія. Удобному обложенію Шумлы мѣшаютъ горные отроги и скудость воды на самомъ Шумлинскомъ плато. Для полнаго обложенія Варны необходимы, кромѣ флота, на сѣверную и южную сторону Девнинскаго лимана два отряда, раздѣленные лиманомъ на 35 верстъ, съ одною переправою у Гебеджи. Въ 1828 году *при содѣйствіи флота* намъ удалось овладѣть только крѣпостью Варною, а въ 1829 году мы рѣшились оставить Шумлу въ тылу и перейти черезъ Балканы благодаря только тому, что предварительно намъ удалось разбить главныя силы турокъ подъ *Кулевчою*. Въ 1828 году овладѣніе Варною для насъ было гораздо важнѣе, чѣмъ Шумлою: она обезпечивала намъ (благодаря подвозу припасовъ съ моря) наши зимнія квартиры въ Болгаріи.

Между тѣмъ, *стратегическое значеніе Шумлы въ общемъ мнѣніи преувеличивается*. Шумла лежитъ совсѣмъ *въ сторонѣ* отъ многихъ удобныхъ путей, ведущихъ къ Константинополю; она не запираетъ никакого горнаго прохода, она есть только сильная оборонительная позиція турокъ, овладѣніе которою, если бы мы этого захотѣли, потребовало бы съ нашей стороны большого труда и большихъ потерь въ людяхъ, а особенно во времени. Если бы въ 1828 году намъ удалось овладѣть Шумлою, а Варна и Силистрія остались бы въ рукахъ турокъ, то мы далеко бы не имѣли тѣхъ выгодъ, которыя мы получили съ овладѣніемъ крѣпостью Варною. Главныя препятствія—р. *Камчикъ* и Балканы остались бы еще впереди, а при численной слабости нашей арміи едва бы мы и рѣшились на переходъ за Балканы и даже на зимнія квартиры въ Болгаріи, такъ какъ питательные пути отъ береговъ моря къ Шумлѣ были бы въ постоянной опасности со стороны крѣпости Варны.

Итакъ, если Черное море въ нашей власти, то овладѣніе крѣпостью Варною для насъ несравненно важнѣе, чѣмъ Шумлою. Крѣпость Варна вновь перестроена въ 1854 году, общая длина оборонительной линіи главнаго вала увеличена до 7.000 шаговъ; два передовыя укрѣпленія, одно сомкнутое, возлѣ селенія Франга, въ 1.500 шагахъ, а другое открытое, на берегу моря, въ 2.000 шагахъ отъ сѣверной стороны крѣпости. Орудій около 260, запасовъ на 2 мѣсяца.

Если же предположить движеніе впередъ между крѣпостями Шумлою и Варною безъ предварительнаго овладѣнія хотя бы одною изъ нихъ и разбитія главныхъ силъ противника, то это движеніе сопря-

жено съ большимъ расходованіемъ войскъ для обезпеченія сообщеній и вообще съ большимъ рискомъ.

Главныя препятствія заключаются въ переправѣ черезъ быструю горную рѣчку *Камчикъ* и въ слѣдованіи черезъ весьма пересѣченную мѣстность: между рѣками Буланыкомъ и Камчикомъ и между р. Камчикомъ и перевалами далеко за ними къ р. Назиръ; самые перевалы на высотѣ 1.800 футовъ не имѣютъ значенія, какъ препятствіе. Упомянутая же мѣстность, покрытая сплошнымъ дубовымъ лѣсомъ и терновымъ кустарникомъ, представляетъ лѣсную чащу дороги, въ которой суть узкіе дефилеи съ крутыми необдѣланными спусками и подъемами, на которыхъ и малые отряды турокъ могутъ на каждомъ шагу надолго задержать наступающаго. Въ 1829 году турки совсѣмъ не приготовились къ оборонѣ р. Камчика и Балканъ, и всетаки обѣ наши колонны были задержаны на переправахъ. Правая колонна *Ридигера* вмѣсто *Кеприкіой* должна была переправиться восточнѣе ея, у селенія *Чалы-Махале*, а лѣвая колонна *Рота* была цѣлый день удержана на переправѣ у *Дервишъ-Іованъ*, и только отыскавъ въ 7 верстахъ западнѣе переправу у *Дюлыеркіой*, сбила турокъ съ ихъ позиціи. Далѣе обѣ колонны почти въ одномъ мѣстѣ перевалили горы по направленіямъ къ *Айваджику* и *Арнаутлару* и затѣмъ слѣдовали обѣ къ *Мисемврiи*; но и тутъ движеніе сопряжено было съ такими затрудненіями, что для исправленія этой *одной дороги* ген. *Ротъ*, въ помощь саперамъ войскамъ, ежедневно отряжалъ до 4.000 рабочихъ. Чѣмъ далѣе наша армія при такихъ обстоятельствахъ должна подаваться впередъ, тѣмъ болѣе ей слѣдуетъ опасаться за свои сообщенія, которымъ могутъ угрожать даже дессанты, и тѣмъ болѣе придется расходовать войскъ для обезпеченія сообщенія; а потому не мудрено, что къ Адріанополю придетъ только небольшая часть ея.

Въ 1828 и 1829 г.г. Россія выдержала *двухлѣтнюю кампанію*, израсходовала свыше 200.000.000 рублей, потеряла болѣе 50.000 своихъ воиновъ, *и всѣ эти жертвы привели, по этимъ восточнымъ путямъ, изъ всей арміи едва 20.000 русскихъ къ Адріанополю.*

Но эти силы, какъ показалъ опытъ, были соотвѣтственно слабы съ тою военною задачею, которую имъ предстояло бы разрѣшить въ случаѣ, если бы оказалась крайняя необходимость предписать миръ туркамъ (безъ пособія благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ). Если бы не то состояніе нравственнаго безсилія, въ которое впали турецкія власти, если бы турки продолжали сопротивленіе, то численная слабость нашей

Адріанопольской арміи могла ежеминутно привести къ какой нибудь несчастной для нея катастрофѣ: Адріанополь имѣлъ 80.000 жителей, Константинополь—500.000, а изъ Софіи приближалась къ Адріанополю 30.000 армія албанцевъ *Мустафы-паши*. У Константинополя собралась другая армія въ 30.000, и между ними—*Дибичъ* съ 20.000. *Въ Петербургѣ серьезно думали о продолженіи войны.* 10 августа 1829 года былъ обнародованъ манифестъ о наборѣ по 3 человѣка съ 500 душъ, дѣлались распоряженія объ отправленіи къ Адріанополю подкрѣпленій и, наконецъ, сдѣлали распоряженія о реализаціи второй половины голландскаго займа въ 42.000.000 флориновъ.

Когда турецкіе уполномоченные прибыли къ Адріанополю и убѣдились въ слабости русскихъ и къ тому же узнали неожиданно о 30.000 албанцевъ, идущихъ къ Адріанополю, то прервали, было, переговоры, и только участіе европейскихъ дипломатовъ и движеніе русскихъ впередъ къ Константинополю заставили ихъ заключить миръ. При этомъ замѣтимъ, *что вся цѣль войны клонилась только къ заключенію выгоднаго мира, а не къ уничтоженію власти турокъ на Балканскомъ полуостровѣ*; для послѣдней же цѣли армія *Дибича* была слишкомъ слаба; *идя невольно къ этой непосильной цѣли, Дибичъ дѣйствительно находился въ безвыходномъ положеніи, изъ котораго его вывелъ выгодно заключенный миръ*, и если дипломаты Европы помогали *Дибичу* въ заключеніи выгоднаго мира, то, конечно, при этомъ отсроченіемъ рѣшенія восточнаго вопроса была оказана услуга и всей Европѣ.

Можетъ ли быть рѣшенъ восточный вопросъ одною Россіею безъ участія Европы? Конечно нѣтъ, а слѣдовательно дѣйствія черезъ Малую Азію въ этомъ случаѣ имѣютъ только второстепенное значеніе, и даже въ случаѣ Европейской войны не имѣютъ никакого значенія. Напротивъ, въ этомъ случаѣ *полезнѣе будетъ излишнюю часть Кавказской арміи перевести на Европейскій театръ войны.* Если же предположить *свободу дѣйствій Россіи* для устройства дѣлъ на востокѣ, то, конечно, кратчайшій путь къ Константинополю по Балканскому полуострову имѣетъ всѣ преимущества.

Въ настоящее время *о завоеваніи Малой Азіи* можно развѣ только *мечтать* и до крайности странно ставить Россіи для рѣшенія восточнаго вопроса *именно эту цѣль дѣйствій.* Наконецъ, въ чемъ же послѣ этого понимать самый восточный вопросъ? Обыкновенно до сихъ поръ полагали его въ уничтоженіи *власти* турокъ *на Балканскомъ полуостровѣ.*

Въ прежнее время, когда турки были сильны даже въ Европѣ, дѣйствія черезъ Малую Азію имѣли полный смыслъ, такъ какъ подрывался самый источникъ силы турокъ. Въ настоящее время препятствіе къ разрѣшенію восточнаго вопроса лежитъ *не въ силѣ турокъ*; слѣдовательно въ этомъ отношеніи дѣйствія черезъ Малую Азію не имѣютъ цѣли.

Дѣйствія черезъ Малую Азію, конечно, имѣютъ значеніе, но только второстепенное.

И такъ, *дѣйствія черезъ Восточную Болгарію*, имѣя выгоды кратчайшихъ путей отъ нашихъ границъ къ Константинополю и удобства переваловъ черезъ Балканскій хребетъ въ наиболѣе доступной его части, соединены вмѣстѣ съ тѣмъ съ большими невыгодами преодолѣнія многочисленныхъ мѣстныхъ препятствій, большаго расходованія войскъ на прикрытіе сообщеній и необходимости, помимо Дунайскихъ крѣпостей, овладѣнія еще одною или двумя сильными крѣпостями въ предгоріяхъ Балканъ, черезъ что кампанія можетъ затянуться на нѣсколько мѣсяцевъ, а при неблагопріятныхъ условіяхъ—и цѣлый лишній годъ.

Пути черезъ Среднюю Болгарію (отъ Рущука и Систова черезъ Османъ-Базаръ и Тырново, а за Балканами черезъ Сливно и Казанлыкъ къ Адріанополю) требуютъ, по Дунаю, овладѣнія или обложенія Рущука, можетъ быть и Никополя, неспособнаго, впрочемъ, къ упорной оборонѣ; но для дальнѣйшихъ дѣйствій имѣютъ тѣ важныя выгоды, что обходятъ всѣ препятствія, встрѣчаемыя въ Восточной Болгаріи, не требуютъ осады Шумлы (которую можно только наблюдать), проходятъ по странѣ намъ сочувственной, представляющей нѣкоторые достатки; опираются въ княжествѣ на желѣзную дорогу и, главное, дозволяютъ въ самое короткое время перенести войну съ р. Дуная за Балканы, такъ какъ отъ Рущука черезъ Османъ-Базаръ до Сливно считается около 170 вер., а отъ Систова черезъ Тырновъ до Казанлыка отъ 130 до 150 верстъ.

Невыгоды этихъ путей заключаются въ томъ:

1) Что они ведутъ къ наиболѣе высокой части Балканъ, имѣющей лишь немного удобныхъ проходовъ, въ которыхъ, если только дать туркамъ время приготовиться къ оборонѣ ихъ, они серіозно могутъ затруднить движеніе наступающаго, и

2) Занимая фланговое положеніе относительно Шумлы и той массы турецкихъ войскъ, которая можетъ къ ней собраться изъ Восточной Болгаріи, эти пути могутъ подвергнуться фланговому нападенію много-

численнаго непріятеля, *а потому требуютъ для своего обезпеченія значительнаго числа войскъ.*

Наконецъ, *пути отъ г. Никополя и д. Челеи на г. Плевно и отъ Рахова на г. Врацу*, а затѣмъ *изъ Плевно и Врацы черезъ Орханію, Дольни-Комарци и Софійскую котловину и въ долину р. Марицы* и далѣе на Адріанополь, хотя болѣе кружны, чѣмъ предыдущіе, но имѣютъ и важныя выгоды. Рахово и Челея находятся всего въ 60 до 70 вер. отъ г.г. Краіова и Слатина—желѣзнодорожныхъ пунктовъ въ Малой Валахіи; *на р. Дунаѣ не требуется никакой осады* (Виддинъ можетъ быть наблюдаемъ, а Рахово и Никополь не устоятъ противъ бомбардировки). Пути эти проходятъ по странѣ богатой дорогами и удобными перевалами черезъ Балканы какъ къ сторонѣ р. Марицы, такъ и къ Софіи, ведутъ въ край, имѣющій значительные достатки, *ставятъ армію на главный Бѣлградъ—Константинопольскій трактъ*, по которому удобно движеніе къ столицѣ Турціи, и находятся *въ связи съ Сербіею*, что придаетъ имъ особое значеніе въ случаѣ, если наступающій будетъ разсчитывать на содѣйствіе Сербскаго княжества.

Съ переходомъ же *черезъ Балканы выгоды всѣхъ путей, можно сказать, уравниваются*: наступающій вездѣ встрѣчаетъ страну относительно богатую, не имѣющую сколько нибудь значительныхъ искусственныхъ преградъ и достаточно перерѣзанную дорогами для движенія къ столицѣ.

Одно появленіе нашихъ войскъ за Балканами въ долинѣ р. Марицы произведетъ уже такое нравственное впечатлѣніе на турокъ и на населеніе полуострова, что успѣхъ кампаніи можно будетъ считать обезпеченнымъ. Турки при неудачѣ такъ быстро падаютъ духомъ, что если бы имъ и удалось сохранить значительную армію для продолженія борьбы, то едва ли можно было бы ждать отъ нихъ большой стойкости.

Въ долинѣ р. Марицы главный стратегическій пунктъ *Адріанополь*, не имѣющій укрѣпленій. Отсюда удобно открываются сообщенія не только съ Чернымъ моремъ, но и съ Архипелагомъ, что можетъ имѣть значеніе, если армія разсчитываетъ на подвозы съ моря или на открытіе связи съ дѣйствіями грековъ.

Затѣмъ подступы къ самой столицѣ совершенно открыты для наступающаго, который можетъ слѣдовать изъ Адріанополя (предполагая, что желѣзная дорога отъ Татаръ-Базарджика на Филиппополь, Адріанополь, Демотику и Константинополь будетъ разрушена) или береговыми путями вдоль Мраморнаго моря, или по сѣверной дорогѣ на Киркъ-Килиссу, Вигу, Сарай и Чаталджу.

Константинополь не имѣетъ серьезныхъ укрѣпленій: старыя Константинопольскія стѣны Стамбула почти разрушились; впереди ихъ огромныя каменныя зданія казармъ и госпиталя могутъ быть разбиты выстрѣлами съ поля; Пе́ра же вовсе не имѣетъ укрѣпленій, а отсюда черезъ Золотой Рогъ (шириною до 300 саж.) можно разрушить весь Стамбулъ; наконецъ, если только прекратить подвозъ продовольствія съ сухаго пути и съ моря и захватить водопроводы, дающіе Константинополю прѣсную воду, то уже этимъ можно довести полумилліонное населеніе города до крайности и сдачи. Вообще успѣхъ овладѣнія столицею будетъ во многомъ зависѣть отъ рѣшительности всѣхъ предшествующихъ дѣйствій и отъ силы того нравственнаго настроенія, которое эти дѣйствія окажутъ на турокъ.

Въ заключеніе *изъ сдѣланнаго обзора путей можно придти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ*:

Восточные пути (первыя двѣ группы отъ нижняго Дуная и Силистріи) *короче западныхъ*, считая по общему протяженію отъ нашихъ границъ до Константинополя; если же считать отъ переправы черезъ Дунай до Константинополя, *то средніе* пути отъ Рущука, Систова и Никополя короче восточныхъ и западныхъ.

Затѣмъ *восточные пути* преграждены наиболѣе сильными препятствіями и если дѣйствія на нихъ не могутъ быть вспомоществуемы съ моря, то они не только не представляютъ удобствъ, но даже и не безопасны отъ непріятельскихъ покушеній съ моря. *На западныхъ же путяхъ* (отъ Рущука, Систова, Никополя, Челея и Рахова) встрѣчается гораздо менѣе естественныхъ и искусственныхъ препятствій; они также какъ и восточные вспомоществуются желѣзною дорогою; они вводятъ нашу армію въ связь *съ дѣйствіями Сербіи, а главное по этимъ путямъ гораздо скорѣе*, чѣмъ по восточнымъ, *можно явиться за Балканами*—обстоятельство первостепенной важности, *такъ какъ имъ вполнѣ рѣшается исходъ войны на Балканскомъ полуостровѣ.*

Поэтому, сколько кажется, эти послѣдніе пути, *при настоящихъ обстоятельствахъ* и должны быть предпочтены восточнымъ.

Что касается до большей или меньшей безопасности путей со стороны Австріи, то мы уже замѣтили, что выдающееся положеніе Трансильваніи одинаково грозитъ всѣмъ путямъ отъ нашихъ границъ къ Константинополю.

Отсюда слѣдуетъ, что для успѣшной войны съ Турціею намъ прежде всего необходимо имѣть *ручательство въ полномъ нейтралитетѣ Австріи, или силою парализовать ея дѣйствія.*

Теперь обратимъ вниманіе на 3-ье условіе, необходимое для успѣшныхъ дѣйствій въ Турціи, это на заблаговременное обезпеченіе всѣхъ средствъ къ возможно быстрому преодолѣнію встрѣчающихся по пути препятствій.

По самой блистательной кампаніи нашей съ турками, а именно по войнѣ 1828—29 г.г. и преимущественно по кампаніи перваго 1828 г., мы имѣемъ во многомъ справедливое мнѣніе фельдмаршала *Мольтке:* „Сказать по правдѣ успѣхъ кампаніи вовсе не говорилъ о стратегическихъ соображеніяхъ русскихъ. Кампанія эта была до крайности плохо обдумана и подготовлена; равно начата безъ надобности поздно, съ силами несоотвѣтственно слабыми; общее же руководство и направленіе главныхъ силъ русской арміи было таково, что нельзя было даже и надѣяться на сколько нибудь благопріятный исходъ этой кампаніи. Но всѣ эти ошибки были выкуплены и самая кампанія была выиграна единственно благодаря превосходнымъ качествамъ русскаго солдата“.

Въ прежнихъ войнахъ нашихъ съ турками мы не рѣдко повторяли однѣ и тѣ же ошибки. Такъ, переправы черезъ р. Дунай всегда заставляли насъ терять довольно много времени на пріисканіе матеріаловъ и устройство самыхъ мостовъ. Иногда за матеріалами посылали въ Россію, а можно и должно было заранѣе все приготовить.

Въ 1828 году въ самомъ началѣ войны было потеряно слишкомъ много времени; война была рѣшена въ концѣ 1827 года, а серьезныя военныя дѣйствія начались съ 27 мая 1828 года, съ переходомъ черезъ Дунай. До тѣхъ же поръ всѣ силы русской арміи были потрачены на дѣйствія второстепенныя—занятіе княжествъ, которое къ тому же очевидно не могло представлять никакихъ препятствій.

Переправу черезъ Дунай можно было совершать одновременно съ переправою черезъ р. Прутъ. Между тѣмъ къ неизбѣжной, во всякомъ случаѣ, въ началѣ войны переправѣ черезъ р. Дунай даже не было сдѣлано подготовительныхъ мѣръ. Еще и прежде было извѣстно, что Дунай наводняетъ свои низменные берега до конца мая или середины іюня, а между тѣмъ не позаботились о заблаговременной заготовкѣ фашинъ для гати въ 5 верстъ длиною, для которой однихъ козловыхъ устоевъ пришлось поставить на разстояніи 2 верстъ. Затѣмъ, постройка въ теченіе двухъ недѣль (съ половины мая до 25 мая) 5 верстной плотины производилась ежедневно 3.000 чел., что очевидно, не могло оставить у турокъ никакого сомнѣнія относительно выбраннаго нами пункта для переправы; а потому турки заблаговременно

построили укрѣпленія противъ переправы, вооружили ихъ орудіями большого колибра и вообще приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы помѣшать намъ переправиться. Переправа же удалась только благодаря тому обстоятельству (на которое и нельзя разсчитывать), что 10.000 турокъ обратились въ бѣгство при нападеніи на ихъ укрѣпленіе нашей егерской бригады.

Вообще необходимо на будущее время, чтобы распредѣленіе лѣсныхъ матеріаловъ въ княжествахъ было намъ заранѣе извѣстно и способы ихъ употребленія заранѣе разсчитаны (въ Галацѣ и Браиловѣ раннею весною часто имѣются небольшіе лѣсные склады, по среднему теченію р. Арджиса жители по преимуществу занимаются распилкою бревенъ на доски для большей части княжествъ и т. п.). Необходимо также, чтобы недостающія (которыхъ въ княжествахъ не найдешь) вещи для моста: цѣпи, якоря, скрѣпленія и т. п., были двинуты въ княжества одновременно съ вступленіемъ нашихъ войскъ, чтобы за ними не пришлось посылать въ Россію и чтобы не приходилось ихъ дожидаться въ то время, когда будетъ приступлено къ устройству самой переправы. Слѣдуетъ имѣть также въ виду, что мы встрѣтимъ на Дунаѣ броненосныя $3^1/_2$ дюймовыя лодки турецкія, а можетъ быть и австрійскія, отъ которыхъ необходимо оградить переправу. Средства для сего: внезапный захватъ лодокъ открытою силою, или разбить ихъ выстрѣлами изъ 24-дюймовыхъ орудій изъ закаленнаго чугуна, или же прегражденіе Дуная выше и ниже переправы торпедами, которыя слѣдуетъ подвезти одновременно съ движеніемъ арміи.

Овладѣніе турецкими крѣпостями требуетъ также тщательныхъ подготовительныхъ заботъ. По европейскимъ понятіямъ, турецкія крѣпости кажутся весьма слабыми, а между тѣмъ только при атакѣ турецкихъ крѣпостей русскіе терпѣли неудачу отъ турокъ. Общая характеристика турецкихъ крѣпостей слѣдующая: главная ограда бастіоннаго начертанія, съ незначительнымъ командованіемъ и безъ наружныхъ пристроекъ; сухіе рвы съ эскарпомъ и контръ-эскарпомъ, но малой глубины и ширины; линіи, подверженныя анфиладѣ, командуемыя часто съ близкаго разстоянія; богатые запасы продовольствія и оружія— обыкновенно съ объявленія войны окрестное мусульманское населеніе собирается съ пожитками въ крѣпость; многочисленное вооруженіе; совершенное отсутствіе сводчатыхъ помѣщеній и внутреннее пространство, весьма стѣсненное фахверковыми [1]) домами и мазанками.

[1]) Клѣтчатая связь изъ брусьевъ, заложенная камнемъ и глиною.

Въ настоящее время крѣпости Силистрія, Шумла, Варна и Карсъ имѣютъ, кромѣ главной ограды, отдѣльныя, вынесенныя за главный валъ, укрѣпленія.

Турецкіе коменданты отличаются, однако, тѣмъ достоинствомъ, что имъ неизвѣстна слабая сторона ввѣренныхъ имъ крѣпостей. Порта не относится сочувственно къ капитуляціямъ и обыкновенно вся отвѣтственность падаетъ на голову сдавшихъ крѣпость.

Гарнизонъ защищаетъ за стѣнами свое имущество, женъ, дѣтей, свою вѣру и право господства надъ райями.

Отсутствіе наружныхъ укрѣпленій замѣняется искуснымъ примѣненіемъ сухого рва и самая упорная защита начинается у нихъ тамъ, гдѣ она въ другихъ случаяхъ кончается, а именно: съ открытіемъ бреши. Если у насъ многочисленное и достаточное городское населеніе служитъ обыкновенно помѣхою для продолжительной обороны крѣпости, то въ Турціи обнаруживается обратное явленіе; каждый житель, способный носить оружіе, есть солдатъ и выходитъ ежедневно на валъ, такъ что самаго упорнаго сопротивленія именно можно ожидать только отъ большихъ укрѣпленныхъ городовъ.

И такъ, если сильную сторону европейской крѣпости составляютъ верки и вообще укрѣпленія, а населеніе только стѣсняетъ и ослабляетъ оборону, то въ турецкой крѣпости верки составляютъ слабую оборону, а населеніе, пропитанное духомъ борьбы съ невѣрнымъ, самую существенную силу обороны. Отсюда понятно, какое важное значеніе для обладанія крѣпостью имѣетъ все то, что можетъ потрясти нравственный духъ ея населенія, что способно поселить упадокъ его духа. Отсюда также понятно, отчего турки или отлично дерутся въ крѣпостяхъ, или, въ минуту паники, сдаютъ ихъ безъ боя.

Приступая къ атакѣ турецкихъ крѣпостей, надо обратить вниманіе не только на дѣйствіе противъ верковъ, но и преимущественно на второй элементъ силы турецкихъ крѣпостей—на нравственный духъ мусульманскаго населенія; надо постараться поселить страхъ и уныніе въ этомъ, относительно легко поддающемся паникѣ, населеніи.

Суворову удавались штурмы наиболѣе сильныхъ турецкихъ крѣпостей по той же причинѣ, по которой великимъ полководцамъ удавалась большая часть ихъ военныхъ предпріятій [1]).

[1]) Вообще же необходимо, чтобы главнокомандующій всѣмъ существомъ своимъ былъ преданъ тому дѣлу, за которое взялся. Эта черта, присущая великимъ полководцамъ, рѣзко отличаетъ ихъ отъ обыкновенныхъ генераловъ и вовсе не свойственна была нашимъ полководцамъ въ Восточную войну. *Одинъ* изъ нихъ въ самую рѣшительную минуту Дунайской

Вообще же штурмы турецкихъ крѣпостей были очень часто неудачны и при этомъ сопровождались огромными потерями (въ 1810 году Рущукъ—8.000, въ 1828 г. Браиловъ—2.000, въ 1854 г. Силистрія—1.000, въ 1855 г. Карсъ—7.000).

Неудачный штурмъ Браилова въ 1828 году повліялъ неблагопріятно на выборъ способа осады Силистріи (былъ выбранъ самый невыгодный—посредствомъ кирки и лопаты, рѣшено ни въ какомъ случаѣ не употреблять штурма), а черезъ это и на весь ходъ кампаніи, т. е. вообще замедлилъ ее.

Избѣгая штурмовъ, мы обращались къ осадѣ крѣпостей, но при этомъ повторяли постоянно однѣ и тѣ же ошибки: 1) осадные парки, слабые числомъ и калибромъ орудій, всегда запаздывали; 2) обыкновенно употребляли противъ турецкихъ крѣпостей недостаточное число артиллерійскихъ снарядовъ [1]), а потому лишали себя лучшаго средства для дѣйствія на нравственный духъ населенія крѣпости, а именно: возможности употребленія противъ крѣпости сильной и разрушительной бомбардировки, для полной дѣйствительности которой турецкія крѣпости, какъ выше изложено, имѣютъ всѣ условія.

Нельзя себѣ объяснить также, почему въ кампаніи 1828 года, которая подготовлялась издавна и въ которой, очевидно, въ самомъ началѣ предстояло вести по крайней мѣрѣ двѣ осады, армію сопровождалъ только одинъ осадный паркъ; притомъ паркъ этотъ и числомъ, и калибромъ орудій былъ слабѣе артиллеріи крѣпости Браилова, для осады которой онъ прежде всего и предназначался (Браиловъ—крѣпость

кампаніи занятъ былъ составленіемъ стиховъ; *другой*—не считаетъ нужнымъ самому заботиться о нуждахъ своей Крымской арміи, наивно предполагая, что прямая обязанность Военнаго Министерства, хотя бы оно находилось въ 3000 верстахъ—узнать и *во время удовлетворять* нужды арміи, имъ командуемой. Трудно повѣрить, что этотъ-то самый главнокомандующій не считаетъ нужнымъ имѣть при себѣ какой нибудь штабъ. Наконецъ, *третій* — опасался подвергнуть малѣйшему риску пріобрѣтенную имъ въ прежнія войны славу *счастливаго полководца*, а потому всю Дунайскую кампанію думалъ только объ отступленіи, испрашивая его у Государя, которому *непонятна* была такая просьба, роняющая въ одно время и славу полководца и славу его арміи. Склонясь на убѣжденія главнокомандующаго, Государь согласился на отступленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нашелъ справедливымъ передать командованіе арміей другому лицу. Этотъ, отозванный полководецъ, въ письмѣ ко вновь назначенному, слѣдующими словами выразилъ всю суть своихъ плановъ, которые онъ поставилъ главною цѣлью *годовой Дунайской кампаніи*: „Любезный и почтеннѣйшій князь Михаилъ Дмитріевичъ! *Наши* (!) *желанія исполняются. Дай Богъ, чтобы въ это время Васъ не застала атака турокъ* (?!), *французовъ и прочихъ*“. Въ заключеніе онъ повторяетъ: „*Дай Богъ, чтобы успѣли хорошо отойти*“. Что сказать о главнокомандующемъ, который главною цѣлью годовой кампаніи въ княжествахъ, имѣя въ распоряженіи стотысячную армію, ставитъ отступленіе?

[1]) Хотя, казалось бы, подвезти ихъ Чернымъ моремъ и Дунаемъ всегда было возможно.

съ однимъ главнымъ валомъ, безъ внѣшнихъ построекъ, защищалась противъ правильной осады двадцать семь дней, послѣ открытія траншей, но только два дня послѣ бреши въ главномъ валѣ) [1]).

Варна, крѣпость также безъ всякихъ внѣшнихъ пристроекъ и укрѣпленій, имѣла гарнизонъ, какъ и Браиловъ, 2.000 человѣкъ; защищалась она 89 дней, считая съ перваго дня обложенія, 70 дней—съ первыхъ осадныхъ работъ и 27 дней, считая со дня открытія трехъ удобныхъ для входа брешей. Русскіе въ продолженіе всей осады израсходовали около 7.500 пудовъ пороха, особенно на мины. Выпущено было 37.000 ядеръ, 2.500 зарядовъ съ картечью и 8.600 бомбъ Слѣдовательно, противъ Варны сдѣлано было 50.000 выстрѣловъ артиллеріи, т. е. въ 3 раза болѣе, чѣмъ противъ Браилова.

Въ крѣпости найдено было 162 пушки, между тѣмъ какъ въ Браиловѣ ихъ было 300; русскіе же не могли поставить на батареяхъ болѣе 55 артиллерійскихъ орудій и изъ нихъ 8 мортиръ, 23 пушки большого калибра, взятыхъ съ кораблей, и 34 полевыхъ орудія. Настоящій же осадный паркъ прибылъ только тогда, когда въ немъ не оказалось надобности, т. е. послѣ сдачи крѣпости. Осаждающая армія возрасла численностью до 65.000, высылала на работы около 700 человѣкъ, т. е. на половину менѣе, чѣмъ подъ Браиловымъ. Потери русскихъ до 6.000.

Осада же Силистріи въ теченіе двухъ лѣтъ, 1828 и 1829 г.г., представляетъ дѣйствительно характерное явленіе. Прежде всего совершенно непонятно, какимъ образомъ Силистрія, самая плохая изъ крѣпостей (почти вся внутренность которой была видна и обстрѣливалась съ окружающихъ высотъ; которая сдалась *графу Каменскому* въ 1810 г. въ теченіе пяти дней), выдержала осаду въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ 1828 и осаждалась два мѣсяца въ 1829 году.

Началось съ того, что VI корпусу (безъ надобности направленному въ Валахію) приказано было перейти черезъ Дунай у Ольтеницы противъ Туртукая, и хотя предпріятіе было несравненно менѣе трудное, чѣмъ переправа у Сатунова, оно не удалось (также и въ 1854 году). Затѣмъ, только $^{21}/_{9}$ іюля 10.000 чел. и 36 полевыхъ орудій изъ VI корпуса подошли къ Силистріи; но, хотя Браиловъ сдался уже $^{18}/_{6}$ іюня и осадный паркъ сдѣлался свободнымъ, подъ Силистрію не прибыло ни одного осаднаго орудія къ этому времени. Между тѣмъ разстояніе

[1]) Во всю осаду было 46.260 работниковъ. Выпущено было 14.789 снарядовъ. Потери русскихъ 4.000. Осадныя работы замедлялись безъ надобности большими профилями траншей и отсутствіемъ рикошетныхъ батарей для анфилированія длинныхъ куртинъ.

между Силистріею и Браиловымъ всего около 140 верстъ и при изобиліи перевозочныхъ средствъ (въ Валахіи—лошади, быки, наконецъ флотилія на Дунаѣ) можно было (считая 15 дней на приготовленіе и сборъ и 20 дней на дорогу въ 140 в.) перевезти осадный паркъ изъ-подъ Браилова къ Силистріи какъ разъ въ то время, когда пришли къ этой крѣпости войска ген. *Рота*. Не смотря на сильную флотилію нашу на р. Дунаѣ и изобиліе средствъ, моста черезъ Дунай у Силистріи не было наведено. 15 сентября 1828 года для усиленія осадныхъ войскъ прибылъ подъ Силистрію II корпусъ *Щербатова* (18.000) и къ тому же времени имѣлось до 120 орудій; но всетаки 4 недѣли прошли въ бездѣйствіи. Къ 20 октября прибылъ подъ Силистрію и III корпусъ *Родзевича* и тогда осадныя войска увеличились до 30.000. Но, затѣмъ, болѣзни и дурная погода обусловили отступленіе на зимнія квартиры въ Валахію, которое и началось послѣ безполезной 48-часовой бомбардировки Силистріи. За всѣ три мѣсяца (съ 21 іюля по 26 октября 1828 г.) осадныя батареи не подвинулись къ крѣпости ближе 700 саж., а траншеи стрѣлковъ ближе 300 саж. Къ концу осады у русскихъ было уже до 300 орудій, но боевыхъ припасовъ для нихъ не доставало.

Въ 1829 г. осада Силистріи (съ 17 мая по 13 іюля) продолжалась 44 дня, считая со дня обложенія, 35 дней—съ открытія 1-й параллели и 9 дней—послѣ того, когда взрывами минъ открыли доступъ на 5-й бастіонъ. Во все это время противъ Силистріи сдѣлано было 29.576 выстрѣловъ. Число ежедневныхъ рабочихъ около 1.000. (Изъ крѣпости взято 238 пушекъ и 31 пушка съ канонерскихъ лодокъ и 40 знаменъ). На осадѣ Силистріи опять подтвердилась старая военная истина, столь часто забываемая, когда съ нею встрѣчаются лицомъ къ лицу, а именно: что всѣ рѣшительныя дѣйствія, благодаря которымъ можно выиграть время въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, хотя бы они сопровождались большими единовременными потерями, должны быть во всякомъ случаѣ предпочтены дѣйствіямъ медленнымъ, осторожнымъ, повидимому сопровождаемымъ небольшими потерями, но требующимъ для достиженія результата значительнаго промежутка времени, въ которое общія потери отъ оружія непріятеля и болѣзней всегда оказываются не только не меньшими, но гораздо большими. Подъ вліяніемъ неудачнаго приступа Браилова въ 1828 г. рѣшено было въ 1829 г. во что бы то ни стало, при осадѣ крѣпости, избѣгать дѣйствій рѣшительныхъ, напр., штурмовъ, обваловъ; затѣмъ, благодаря увлече-

нію и несомнѣннымъ способностямъ ген. *Шильдера*, рѣшено было взять Силистрію постепенными взрывами ея верковъ. При приведеніи же этой мысли къ самому дѣлу пошли еще дальше и, какъ бы забыли, что удачно направленный артиллерійскій огонь есть гораздо болѣе могучее средство для овладѣнія крѣпостью, чѣмъ принятый для овладѣнія Силистріею способъ „посредствомъ кирки и лопаты“, а отсюда и получилась эта странная особенность осады Силистріи въ 1829 году, состоявшая въ томъ, что во время этой осады артиллеріи досталась роль второстепенная, тогда какъ на первый планъ выступили саперныя и минныя работы, и это противъ той крѣпости, внутренность которой была видна и могла быть обстрѣлена съ окружающихъ высотъ, занятыхъ русскими войсками, и которая *Каменскому* сдалась въ 5 дней.

Хотя по крѣпости Силистріи въ 1829 году сдѣлано было большое число выстрѣловъ, но верки ея не были ни анфилированы, ни рикошетированы, хотя направленіе верковъ представляло къ тому всѣ удобства.

Для демонтированія атакованныхъ верковъ едва назначено было 16—20 орудій, и нигдѣ не употребили артиллеріи для сдѣланія бреши. Между тѣмъ употребленіе артиллеріи могло только ускорить сдачу Силистріи, что̀ было, какъ увидимъ, крайне важно. Можно даже предполагать, что большая часть изъ 65 орудій осаднаго парка, бывшаго подъ Браиловымъ, вовсе не появлялась на правомъ берегу Дуная подъ стѣнами Силистріи, также какъ и, по всей вѣроятности, мостъ черезъ Дунай у Силистріи не былъ наведенъ и въ 1829 году.

Это пристрастіе ген. *Шильдера*, распоряжавшагося осадой, къ тому, чтобы однѣми минами взять крѣпость, не оправдалось самымъ дѣломъ, не смотря на громадныя затраты пороха (въ 8 дней на 11 минъ издержано 1.100 пудовъ пороха). Турки своими оборонительными работами доказали, что однѣми минами не достигнешь цѣли: сзади взорванныхъ верковъ обыкновенно оказывались новые, которые турки успѣвали насыпать и вооружать; и только голодъ рѣшилъ сдачу Силистріи.

Этотъ медлительный способъ всетаки стоилъ русскимъ до 3.000 выбывшихъ изъ строя и до 7 недѣль потери времени. Сама по себѣ осада Силистріи можетъ считаться дѣломъ блистательнымъ, но если припомнить тотъ возрастающій ходъ болѣзненности въ арміи, какой былъ въ то время, а также число русскихъ больныхъ (40.000); если припомнить, что осада Силистріи на цѣлый мѣсяцъ задержала *Дибича* отъ перехода черезъ Балканы, то неумѣстность этого медлительнаго способа осады станетъ очевидна.

Итакъ, обращая вниманіе на всѣ три осады во время войны 1828—29 г. г. крѣпостей Браилова, Варны, Силистріи, мы видимъ, что онѣ потребовали 50.000 русскихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а потому, имѣя въ виду идти еще въ 1828 г. на Константинополь, надобно было сразу назначить соотвѣтственное число войскъ и средствъ на всѣ три осады и начать ихъ разомъ, чего, конечно, и не могла выполнить русская 65.000-ная армія, съ которою началась война 1828—29 годовъ.

Исторія осаднаго парка въ 1828 году вообще покрыта полною неизвѣстностью; нельзя опредѣлительно сказать, что съ нимъ было; его вездѣ недоставало: подъ Варну осадныя орудія прибыли нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ сдачи крѣпости, подъ Силистрію они прибыли тогда, когда началось уже отступленіе нашихъ войскъ на зимнія квартиры въ Валахію, когда не знали, какъ отъ осадныхъ орудій отдѣлаться; такъ что по необходимости, при отступленіи, нѣкоторое число изъ нихъ попало въ руки турокъ.

Итакъ, при осадѣ турецкихъ крѣпостей случалось нерѣдко, что войска облагали крѣпость и ждали по мѣсяцу и болѣе прибытія осадныхъ парковъ. Между тѣмъ непріятель усиливалъ оборону, укрѣплялся духомъ, ободрялся бездѣйствіемъ нашихъ войскъ, успѣвалъ, обманывая ихъ, проводить въ крѣпости транспорты и подкрѣпленія и начиналъ вѣрить въ свое надъ нимъ превосходство. Съ другой стороны, чѣмъ долѣе стояли подъ крѣпостью наши войска въ ожиданіи артиллеріи, тѣмъ болѣе остывали они нравственно и тѣмъ болѣе ослабѣвали они физически, неся огромныя потери заболѣвающими. Наконецъ, парки прибывали и начиналась правильная осада.

Но методическое дѣйствіе нашей артиллеріи, имѣвшей цѣлью сбить непріятельскія орудія и верки возможно меньшимъ количествомъ выстрѣловъ, не производило на турокъ никакого нравственнаго впечатлѣнія. Они усиливали вылазки, старались всячески затянуть осаду и продолжали упорное сопротивленіе до самой крайности, до приступа, который тоже зачастую отбивали. Такимъ образомъ, турецкія крѣпости, не смотря на все несовершенство ихъ вооруженія, доставались намъ лишь послѣ продолжительныхъ осадъ и сопровождались страшною убылью людей до такой степени, что послѣ одной такой осады армія уже не могла продолжать кампаніи и требовала возобновленія своего состава. Однако, въ то же время опытъ указываетъ, что когда артиллерія не опаздывала, а сразу употребляла противъ крѣпостей энерги-

ческія бомбардировочныя средства, поражавшія нравственный духъ турокъ, ихъ крѣпости быстро падали, какъ онѣ падали и въ томъ случаѣ, когда вблизи ихъ мы одерживали какую-нибудь рѣшительную побѣду. Такъ, въ 1810 году *Каменскій* обложилъ Силистрію 22 мая и началъ постройку батарей съ 350 с. отъ крѣпости, 26 онѣ разомъ открыли огонь и выпустили въ одинъ день 5.000 снарядовъ, коими взорванъ одинъ пороховой погребъ, разрушена была стѣна въ цитадели и произведены большія разрушенія въ городѣ. На другой день осадныя работы перенесены на 150 с. къ крѣпости, но къ продолженію ихъ уже не представилось надобности, такъ какъ гарнизонъ, потрясенный бомбардировкою, капитулировалъ. Вслѣдъ затѣмъ *Каменскій* штурмовалъ сѣверныя Шумленскія высоты (11 и 12 іюня), но не успѣлъ на нихъ утвердиться; штурмовалъ, но не выждавъ дѣйствія артиллеріи, Рущукъ и былъ отбитъ съ огромною потерею (до 8.000 изъ всего осаднаго корпуса силою въ 20.000); послѣ же разбитія турокъ подъ Батинымъ (26 августа) Рущукъ и другія ближайшія турецкія крѣпости (Систово, Журжево, Тырново и Никополь) тотчасъ же сдались.

Итакъ, для успѣха въ овладѣніи турецкими крѣпостями особенно важно нравственное потрясеніе, причемъ необходимо для быстраго открытія и хода осады двигать осадные парки одновременно съ арміею, чтобы ихъ не приходилось ждать, и затѣмъ употреблять самыя энергическія бомбардировочныя средства, пользуясь каждымъ переполохомъ, чтобы разомъ переносить свои работы какъ можно болѣе впередъ.

Мы видѣли, что въ 1810 году *Каменскій* заложилъ свои осадныя работы въ 350 саж. отъ крѣпости Силистріи, а между тѣмъ въ 1854 г. *князь Паскевичъ* приказалъ, не смотря на возраженія *Шильдера*, начать осадныя батареи съ 1.000 саж. и притомъ отъ передовыхъ укрѣпленій Силистріи. Для успѣха этой осады имѣлись всѣ данныя и всѣ средства, но вообще эта осада тѣмъ и замѣчательна, что главнокомандующій, который ее началъ, вовсе не имѣлъ намѣренія взять эту крѣпость, считая даже безполезнымъ самый успѣхъ овладѣнія Силистріею.

Такое двойственное отношеніе къ дѣлу характеризовало *князя Паскевича* во все время Дунайской кампаніи 1854 года и, наконецъ, вынудило его отозваніе.

Наконецъ, должны быть приняты заблаговременно заботы и мѣры для предупрежденія вреднаго вліянія мѣстныхъ и климатическихъ условій, которыя ведутъ къ быстрой убыли и разстройству арміи.

Тутъ, прежде всего, является вопросъ о соотвѣтственной числительности арміи. Если излишняя числительность арміи можетъ повести къ тому, что содержаніе войскъ встрѣтитъ затрудненіе и, не обезпеченныя въ своемъ довольствіи, они могутъ начать быстро таять, то при недостаточной числительности можетъ оказаться то, что предстоящія арміи предпріятія будутъ ей не подъ силу и войска израсходуются, не достигнувъ цѣли.

Одна изъ главныхъ ошибокъ нашихъ передъ войною 1828 г. состояла въ томъ именно, что не разсчитаны были должнымъ образомъ необходимыя силы для борьбы съ турками.

Ошибка была тѣмъ болѣе необъяснима, что война 1809—1811 г. г. показала, что русская 70.000 армія, овладѣвшая тогда Болгаріею, была настолько занята линіею Дуная и крѣпостями, что не осталось болѣе свободныхъ войскъ для перехода Балканъ хотя бы въ одномъ пунктѣ. Въ 1828 году повторили ту же ошибку, назначивъ на походъ къ Константинополю около 70.000, а по списку около 100.000 (3 корпуса: III, VI и VII). Затѣмъ гвардія, прибывшая къ Варнѣ въ концѣ августа, а II корпусъ на р. Дунай въ сентябрѣ только пополнили потери, и, кромѣ того, время года было уже довольно позднее. Численная слабость арміи заставляла себя чувствовать почти въ каждомъ серьезномъ предпріятіи во время кампаніи 1828 и 1829 годовъ. Перейдя р. Дунай, армія, за отдѣленіемъ нѣсколькихъ отрядовъ для дѣйствій второстепенныхъ, оказалась настолько слабою, что о рѣшительномъ наступленіи нельзя было и думать; а потому движеніе замедлилось, и пространство отъ р. Дуная до Кюстендже (112 верстъ) пройдено было въ 15 дней, а затѣмъ, такъ какъ на линію Черноводы—Кюстендже прибыло изъ всего III корпуса едва 15.000 человѣкъ, то должны были прекратить наступленіе и ждать подкрѣпленій.

Затѣмъ, въ томъ же году, подъ Шумлою русская армія оказалась значительно (почти вдвое) слабѣе числомъ, чѣмъ турецкая, находившаяся въ Шумлѣ. Эта численная слабость поставила русскую армію въ самое затруднительное положеніе и привела къ полной безрезультатности этого стоянія подъ Шумлою. Наша армія, растянутая кордономъ съ одной только восточной стороны этой крѣпости, не имѣла вовсе резерва и даже должна была принять оборонительное положеніе, т. е. самое невыгодное въ отношеніи турокъ.

Въ августѣ 1828 года вся русская армія была занята только осадами Шумлы, Силистріи и Варны; осаждающіе отряды были слабы и

не имѣли резервовъ, а свободныхъ войскъ для дѣйствій въ полѣ не оказалось вовсе.

Къ октябрю мѣсяцу 1828 года численная слабость русскихъ обозначалась тѣмъ, что русскіе почти нигдѣ не имѣли успѣха, во многихъ стычкахъ терпѣли неудачи; войска сильно страдали отъ непосильныхъ трудовъ; сверхъ того, весьма странно, что, располагая многочисленными казачьими войсками въ самой Россіи, русская армія въ въ Европейской Турціи терпѣла ощутительный недостатокъ не только въ легкой, но и вообще въ кавалеріи, которая въ 1828 году была почти вся уничтожена. Благодаря своей численной слабости, русская армія не могла добиться никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, хотя противъ нея дѣйствовали только гарнизоны крѣпостей Силистріи, Шумлы и Варны, между тѣмъ, какъ главная турецкая армія, подъ начальствомъ великаго визиря, была еще удерживаема султаномъ подъ Константинополемъ въ серьезномъ ожиданіи высадки русскихъ войскъ вблизи этого города. Только въ августѣ великій визирь перешелъ со своею арміею къ Адріанополю.

Не смотря на то, что кампанія 1828 года стоила русскимъ очень дорого, успѣхъ ея былъ настолько нерѣшителенъ, что потребовалась новая кампанія, и притомъ все это только для того, чтобы добиться выгоднаго мира съ турками.

Въ 1829 году численная слабость также заставила всюду себя чувствовать. Въ началѣ кампаніи, при Эски-Арнаутлярѣ, турки не только не были разбиты, но взяли въ открытомъ бою двѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ, шесть русскихъ пушекъ. Послѣ пораженія подъ Кулевчею главной турецкой арміи *графъ Дибичъ*, не смотря на всѣ выгоды немедленнаго перехода черезъ Балканы, не рѣшился на него потому, что имѣлъ только 25.000, изъ которыхъ около половины нужно было оставить подъ Шумлою для наблюденія войскъ великаго визиря, а съ остальными 10—15 тысячами *Дибичъ* справедливо считалъ себя слишкомъ слабымъ для войны за Балканами.

Цѣлый мѣсяцъ, съ половины іюня до половины іюля, *графъ Дибичъ* долженъ былъ ждать, пока сдача Силистріи не освободила осадный корпусъ ген. *Крассовскаго*, которому и было поручено смѣнить войско *Дибича* въ наблюденіи за Шумлою. Затѣмъ, къ Адріанополю пришло всетаки едва 15—20 тысячъ русскихъ, изнуренныхъ болѣзнями и лишеніями и едва ли способныхъ къ серьезнымъ военнымъ операціямъ. Къ счастію, турки къ этому времени считали дѣло проиграннымъ и

перестали уже сопротивляться. Если въ 1829 году, при недостаткѣ въ людяхъ и средствахъ, рѣшительность *Дибича* всетаки обусловила успѣхъ кампаніи, то, въ противность этому, въ 1853—1854 г.г. при полномъ достаткѣ и изобиліи въ средствахъ, при прекрасной и сильной числомъ и мужествомъ арміи, нерѣшительность и отсутствіе военной способности въ главнокомандующемъ обусловили безрезультатность 13-мѣсячной кампаніи въ княжествахъ (съ іюня 1853 г. по августъ 1854 г.).

Турція не можетъ выставить особенно многочисленной арміи, а потому и наша дѣйствующая (въ полѣ) должна быть не очень многочисленна, но зато составъ ея долженъ быть ежеминутно поддерживаемъ въ полномъ комплектѣ посылкою заранѣе подготовленныхъ маршевыхъ частей. По мѣрѣ ея движенія впередъ, весь расходъ на тыловую службу (на обезпеченіе сообщеній, блокаду и осаду оставшихся на флангахъ или въ тылу крѣпостей) долженъ быть пополняемъ вновь прибывающими, особо на то назначенными войсками; причемъ движеніе ихъ должно идти своевременно, не ранѣе и не позднѣе, чѣмъ нужно.

Что же касается до здоровья войскъ и сбереженія арміи отъ болѣзней, то на это не слѣдуетъ щадить никакихъ средствъ. У насъ до сихъ поръ живетъ мнѣніе о безконечной выносливости русскаго солдата, въ силу которой о здоровьѣ можно и не заботиться, потому что онъ все вынесетъ. Страшныя по числу людей потери нашей арміи въ 1828—1829 г.г. преимущественно зависѣли отъ этого невниманія къ здоровью солдатъ.

Въ большія 30-градусныя іюньскія жары 1828 года русскіе солдаты вмѣсто казенныхъ жестяныхъ манерокъ, въ которыхъ вода портилась и высыхала, завели себѣ, по примѣру жителей, тыквенные кувшины, и, не смотря на то, что послѣдніе вполнѣ выполняли свое назначеніе—сохранять воду во время жары, начальство запретило ихъ потому, что носить тыквенные кувшины не входило въ установленную форму снаряженія солдата.

Въ 1829 году, по заключеніи предварительныхъ условій Адріанопольскаго мира, чиновники нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, возвращаясь изъ города Адріанополя въ Бургасъ, встрѣтили на дорогѣ умирающихъ русскихъ солдатъ въ лѣтнихъ брюкахъ, не смотря на зимнее время года и 3-градусный морозъ.

Хотя въ Адріанополѣ армія *Дибича* пробыла три мѣсяца, между тѣмъ въ большихъ казармахъ, обращенныхъ въ госпиталь, не было

сдѣлано никакихъ распоряженій, никакихъ приготовленій ни для того, чтобы провести больнымъ зиму, ни для того, чтобы принять большое число больныхъ. А между тѣмъ, черезъ 8 только дней по занятіи Адріанополя, т. е. 28 августа, въ арміи *Дибича* считалось уже 1.616 больныхъ; 1 сентября число ихъ возрасло до 3.666, а къ 15 сентября—до 4.641, т. е. до четверти всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ за Балканами. Больные не имѣли самаго необходимаго, не было ни сѣна, ни соломы, чтобы подостлать больнымъ вмѣсто матрацовъ. Для этой цѣли имъ служили куски полотна отъ разрѣзанныхъ турецкихъ палатокъ; вмѣсто подушекъ были мѣшки, а вмѣсто одѣялъ — шинели. Къ довершенію несчастія наступили морозы, а между тѣмъ въ окнахъ не было стеколъ, а двери не затворялись. Когда Главная Квартира отправилась на зимнюю стоянку въ Бургасъ, въ Адріанополѣ оставлено было около 6.000 больныхъ и здоровыхъ, изъ нихъ въ два срока—въ декабрѣ 1829 года и маѣ 1830 года—возвратилось въ Бургасъ 300 выздоравливающихъ и 170 больныхъ, сопровождаемыхъ 300 — 400 здоровыхъ; всѣ остальные 5.200 умерли въ Адріанополѣ.

Можно замѣтить, что въ нашемъ военномъ обществѣ тотчасъ послѣ войны не обратили должнаго вниманія на выходящую изъ ряда обыкновенныхъ явленій смертность въ русской арміи во время только что минувшей кампаніи, и успокоились на мысли, что въ южныхъ странахъ смертность въ арміи неизбѣжна. Между тѣмъ въ 1853—1854 г.г., когда стали о здоровьѣ солдатъ заботиться больше, и до того, что больнымъ давали чай и т. п., это сейчасъ же отразилось на весьма удовлетворительномъ состояніи нашей арміи.

Для сбереженія здоровья солдатъ на первомъ планѣ должны быть мѣры предупредительныя, предохраняющія отъ болѣзней; если же дать болѣзнямъ развиться, тогда окажутся недостаточными самыя широкія средства, самыя энергическія мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, какія средства помогутъ бороться со зломъ, когда на стотысячную армію будетъ приходиться 40—50 тысячъ больныхъ въ странѣ бѣдной, лишенной всякихъ средствъ.

Предупредительныя мѣры должны преимущественно имѣть въ виду два обстоятельства, а именно: 1) предохранить солдатъ отъ простуды и 2) чтобы, соотвѣтственно усиленнымъ трудамъ, солдатъ получалъ здоровую пищу.

Можно надѣяться, что миновало то время, когда считали смѣшнымъ говорить о простудѣ русскаго солдата. Отъ изнѣженности до

необходимыхъ мѣръ противъ простуды еще слишкомъ далеко. Если при 25-лѣтней службѣ нельзя было русскаго солдата закалить настолько, чтобы предохранить его отъ той страшной болѣзненности и смертности, которымъ онъ подвергся въ 1828—1829 г.г. и въ Крыму въ 1853—1854 г.г., то понятно, что и рѣчи не можетъ быть о возможности закалить здоровье солдатъ при 4—5-лѣтнемъ срокѣ теперешней службы; а потому единственное средство сберечь армію отъ болѣзненности и смертности во время похода, это—позаботиться еще въ мирное время о средствахъ, предупреждающихъ болѣзнь.

Одежда солдатъ должна быть соображена съ климатическими условіями. Если каждый путешественникъ въ Европейскую Турцію считаетъ первымъ условіемъ для сохраненія здоровья запастись фуфайкою, то и наши войска должны быть снабжены шерстяными фуфайками, во многихъ случаяхъ предохраняющими людей отъ простуды. Полезно также снабдить войско кусками непромокаемой ткани для подстилки на бивакахъ; чтобы въ войскахъ были заведены, какъ у турокъ, вьючныя лошади для возки воды и дровъ, а въ обозѣ имѣлись бы ручные жернова; наконецъ, чтобы въ пищу людей были введены продукты, подкрѣпляющіе нервную систему—чай, кофе, способствующіе пищеваренію въ жаркихъ странахъ (перецъ, чеснокъ, лукъ и т. п.) и предохраняющее отъ лихорадокъ—вино, настоенное на хинѣ.

Но главное средство для сбереженія арміи все же остается въ рукахъ главнокомандующаго: *это быстрота дѣйствій, основанная на вѣрности расчета и энергіи выполненія.*

Въ Турціи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, боевыя потери бываютъ ничтожны въ сравненіи съ потерями отъ истомы людей и болѣзней.

Поэтому всякое боевое предпріятіе, требующее нѣсколькихъ лишнихъ жертвъ, но за то положительно ускоряющее ходъ кампаніи, предпочтительно передъ излишне осторожнымъ способомъ дѣйствій. Напримѣръ, закладки параллели въ болѣе близкомъ разстояніи отъ крѣпости могутъ потребовать лишнюю потерю убитыми и ранеными, но, если онѣ на недѣлю сократятъ осаду крѣпости и исходъ всей войны, то эта потеря въ людяхъ окупится сторицею по сбереженію всѣхъ войскъ, вообще, и по экономіи въ нѣсколько милліоновъ рублей.

VII.

Записка о Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г., составленная г.-ад. Обручевымъ въ 1880 г. [1])

(Воен.-Учен. Арх., отд. секр., д. № 123, т. VIB).

Резолюція Императора Александра III:

„Прочелъ съ большимъ интересомъ; многое, изложенное въ этой запискѣ, я слышалъ отъ самого покойнаго Государя“.

19 декабря 1881 г.

Во французскомъ журналѣ «La Nouvelle Revue» (1 и 15 іюня) 1880 г. появился обзоръ послѣдней Русско-Турецкой войны, составленный, якобы, на основаніи подлинныхъ, не изданныхъ документовъ.

Если цѣль этого обзора была произвести извѣстную сенсацію въ публикѣ, то эта цѣль вполнѣ достигнута. Охотники до такъ называемыхъ разоблаченій найдутъ въ статьяхъ „N. R.“ обильную пищу, вполнѣ приправленную по ихъ вкусу. Но если редакція „N. R.“ имѣла въ виду содѣйствовать раскрытію истины, то ее можетъ ждать только разочарованіе. Доставленныя ей статьи, кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ, рѣдко выходятъ изъ сферы обыкновенныхъ газетныхъ мистификацій и, очевидно, принадлежатъ не компетентному человѣку, а дилетанту, который коллектировалъ безъ разбора всякую штабную болтовню, вносилъ въ разрядъ документовъ всѣ попадавшіяся ему подъ руку бумажки и, очевидно, не имѣлъ возможности провѣрить ихъ въ сколько-нибудь надежныхъ источникахъ.

Хотя статьи написаны въ видѣ панегирика Великому Князю Главнокомандующему, однако автору ихъ совершенно чужды интересы Россіи и столь же мало дорого достоинство даже и самого русскаго Главнокомандующаго. По крайней мѣрѣ, какъ способъ его обвиненій, щедро падающихъ на всю правительственную русскую власть, руководившую войною, такъ и способъ его восхваленій и оправданій, часто преднамѣренно-наивный, менѣе всего дозволяютъ видѣть въ авторѣ человѣка доброжелательнаго Россіи.

[1]) Эта статья составлена въ 1880 г. г.-ад. *Обручевымъ* по поводу статьи, напечатанной въ «Nouvelle Revue», 1880 г. *Ціономъ*. Статья *Обручева* послужила матеріаломъ для отвѣта, составленнаго г. *Жомини* и напечатаннаго имъ въ томъ же Revue. Переводъ этого отвѣта помѣщенъ въ газетѣ «Новое Время», въ 1880 г. №№ 1655—1660.

Въ своемъ предисловіи авторъ заявляетъ, что весь ходъ дипломатическихъ сношеній, предшествовавшихъ войнѣ 1877 г., и многое, что происходило во время самой войны, покрыто еще завѣсою неизвѣстности. Тѣмъ не менѣе, онъ не затрудняется ставить передъ собою цѣлый рядъ вопросовъ-*загадокъ* и, разрѣшивъ ихъ собственными сужденіями и предположеніями, предлагаетъ эти выводы, какъ уже готовый фактическій матеріалъ для будущаго историка.

Посмотримъ, какой видъ имѣла бы исторія, сфабрикованная подобнымъ способомъ.

1) *Когда Россія окончательно рѣшилась на войну и какая была ея дѣйствительная цѣль?* Задавшись этою первою загадкою, авторъ съ увѣренностью отвѣчаетъ, что война была рѣшена еще гораздо ранѣе Герцеговинскаго возстанія, что, цѣль ея была единственно Константинополь и что, рѣшившись на войну, Россія въ послѣдніе годы только о томъ и думала, какъ бы лишь найти сколько-нибудь подходящій поводъ (un casus belli à peu près admissible) къ разгрому Турціи.

Чѣмъ же, однако, подтверждаетъ авторъ свое капитальное обвиненіе, въ которомъ прямо сказалось, къ сожалѣнію, почти неискоренимое предубѣжденіе иностранца противъ Россіи? Тѣмъ, что въ 1870 годахъ нѣкоторые изъ русскихъ офицеровъ ѣздили по Турціи, а полк. *Франкини* доставилъ въ Петербургъ планъ Константинополя. Авторъ приплелъ сюда еще какіе-то измышленные разговоры коронованныхъ особъ и инстигаціи ген. *Игнатьева*, но собственно фактическихъ доказательствъ, кромѣ вышеприведенныхъ, мы у него не находимъ.

Слѣдуетъ-ли подробно разъяснять, насколько онъ далекъ отъ истины.

Оставляя въ сторонѣ поѣздки русскихъ офицеровъ по Турціи [1]), столь же мало предрѣшавшія войну, какъ подобныя же поѣздки англичанъ, французовъ и, въ особенности, австрійцевъ, достаточно возобновить въ памяти простую и всѣмъ уже извѣстную послѣдовательность событій, чтобъ убѣдиться, что Россія, вмѣсто исканія поводовъ къ разрыву, не переставала, до самой послѣдней минуты, искать всѣхъ способовъ къ сохраненію мира, принося для этого поистинѣ невѣроятныя жертвы.

Не старалась-ли она совершенно устраниться отъ Боснійскихъ дѣлъ, предоставляя всю политическую роль въ возникшихъ затрудне-

[1]) Замѣтимъ, однако, что даже и эти факты авторомъ совершенно перепутаны. Еще въ 1860 годахъ въ Турцію ѣздила русская комиссія, подготовлявшая данныя для измѣренія дуги меридіана. *Обручевъ* въ 1871 г. не ѣздилъ; *Хитрово* никогда его не сопровождалъ.

ніяхъ *графу Андраши?* Не истощала-ли она всѣхъ моральныхъ усилій для удержанія славянскихъ княжествъ отъ вооруженнаго столкновенія съ Портою? Не пыталась-ли она Берлинскимъ меморандумомъ сохранить согласіе Европы?

Наконецъ, остановивши ультиматумомъ звѣрскій разгулъ турокъ, не испробовала-ли она всевозможныхъ акомодацій, чтобы дать Турціи возможность принять въ самой безобидной формѣ крайне умѣренныя условія Константинопольской конференціи?

Ради мира, пока на сохраненіе его мелькали хотя малѣйшія надежды, Императоръ Александръ принесъ въ жертву всѣ тягости своего народа, вызванныя содержаніемъ мобилизованной арміи, пересиливалъ самого себя, чтобы сдержать самое горячее сочувствіе всей націи къ бѣдствовавшимъ братьямъ; наконецъ, въ противность завѣреніямъ автора, пренебрегъ даже и всѣми выгодами быстраго окончанія дѣла съ своимъ ослабѣвшимъ противникомъ [1]). Онъ не могъ поступиться только однимъ: достоинствомъ и честью Россіи. И только, когда Турція, подстрекаемая своими покровителями, высокомѣрно отвергла даже посылку почетнаго посольства въ Петербургъ, предъявляя вмѣстѣ съ тѣмъ унизительныя для Россіи условія разоруженія, Императору Александру не оставалось другого исхода, какъ обуздать ее мечемъ.

Война, начатая полугодомъ позже, когда противникъ успѣлъ развить свои силы и приготовиться, потребовала отъ Россіи совершенно иного, чрезвычайнаго напряженія. Что могло быть достигнуто 100/т. войска и нѣсколькими сотнями милліоновъ рублей, потребовало болѣе 700/т. людей и расхода въ милліардъ. Но за то и отвѣтъ передъ исторіею и человѣчествомъ за эту войну долженъ пасть не на Императора Александра II, а на тѣхъ, кто былъ вдохновителемъ Турціи.

Серьезнымъ людямъ пора кончить сказки и о ген. *Игнатьевѣ*, якобы творцѣ этой войны. Онъ, какъ и всѣ прочіе органы, облеченные довѣріемъ Императора Александра, могъ только трудиться и дѣйствительно трудился въ пользу мира. Всѣ его миссіи были миссіями соглашенія. Если онъ не успѣлъ въ нихъ, то потому, что недоброжелатели Россіи искали совершенно противнаго. Трудно бороться съ слѣпою руссофобіею.

---

[1]) Авторъ считаетъ басней, что русскій ультиматумъ былъ предъявленъ ради спасенія Сербіи и видитъ въ этомъ актѣ исключительно лишь исканіе Россіею повода скорѣе броситься на Турцію (стр. 480). Но просимъ припомнить, въ какомъ положеніи была Сербія послѣ Дюнишскаго боя. Только ультиматумъ остановилъ турокъ и спасъ княжество отъ полнаго подавленія.

Когда политическіе извороты доходятъ до того, что представитель великой державы (какъ маркизъ *Сольсбюри*), занимая самое видное мѣсто на конференціи, создаетъ и, повидимому, совершенно искренно, цѣлый рядъ рѣшеній, а за его спиною органы того же правительства (г. г. *Ляйярдъ* и *Биконсфильдъ*) напрягаютъ всѣ усилія, чтобы эти же рѣшенія разрушить, то успѣхъ мирныхъ соглашеній заранѣе дѣлается невозможнымъ. Надѣемся, однако, что событія покажутъ—выиграли-ли что нибудь руководители анти-русской интриги и избавили-ли они Европу отъ всѣхъ грозъ, остающагося по ихъ винѣ неразрѣшеннымъ, восточнаго вопроса.

Устраняясь отъ войны, Россія еще менѣе мечтала о Константинополѣ. Единственною цѣлью, которою задавался Императоръ Александръ II, ополчаясь на Турцію, было освобожденіе Болгаріи и Балканскихъ христіанъ отъ тѣхъ неистовствъ, которыя заставили въ 1875—76 годахъ содрогнуться всю Европу,—освобожденіе прочное, безповоротное. Опытъ предшествовавшихъ войнъ достаточно, однако, убѣждалъ, что коварство и высокомѣріе Порты, могутъ быть сломлены лишь болѣе или менѣе близкою угрозою султанской столицѣ. Поэтому стратегически Константинополь неизбѣжно долженъ былъ явиться, какъ направляющій пунктъ для военныхъ дѣйствій. Но сколько же за то было дано Россіей дипломатическихъ завѣреній, что она никогда не займетъ Константинополя политически, никогда его себѣ не присвоитъ [1]); сколько и въ инструкціяхъ Главнокомандующему указывалось менажировать султанскую столицу!

Тѣмъ не менѣе, авторъ „N. R“., не затруднившійся основывать свои историческія доказательства о безусловномъ рѣшеніи Россіи начать войну осенью же 1876 года на такихъ сильныхъ аргументахъ, какъ напр. телеграмма отъ такого-то числа, съ предложеніемъ ген. *Непокойчицкому* занять мѣсто начальника штаба будущей (еще не мобилизованной) арміи, или приказаніе прислать къ такому-то числу императорскій поѣздъ изъ Петербурга въ Ливадію (стр. 481), не затруднился и о Константинополѣ привести какой-то извращенный, или вѣрнѣе, совершенно измышленный разговоръ Великаго Князя съ Императоромъ въ Ливадіи и столь же измышленную депешу Великаго Князя изъ-подъ С.-Стефано [2]).

[1]) Если имѣлось что въ виду, то только устье Босфора. (Эта выноска написана карандашемъ рукою г.-ад. *Обручева*).

[2]) См. стр. 477. Разговоръ такого рода: «Quel est le but final de la campagne?» Demanda le Grand Duc; le Tzar ne repondit qu'un mot, mais un mot significatif: «Constantinople». А телеграмма: «Votre ordre laconique a été exécuté: l'armée de Votre Majesté se trouve sous les murs de Constantinople».

2) Слѣдующій вопросъ авторъ ставитъ такъ: *почему Россія начала войну съ силами столь незначительными?* Изложивъ по этому поводу какъ приготовленія къ войнѣ, такъ и развитіе русскихъ силъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ числѣ разнообразныхъ причинъ, вліявшихъ на относительную слабость русской арміи, главнѣйшими были: не вѣрное представленіе о военныхъ средствахъ Турціи, явившееся вслѣдствіе рапортовъ ген. *Игнатьева* и безпечности русскихъ военныхъ агентовъ; ненадежность отношеній Россіи къ Австріи, заставившая удерживать въ резервѣ часть силъ для западнаго театра, и наконецъ то, что планъ войны, составленный осенью 1876 года, былъ приводимъ въ исполненіе 8 мѣсяцами позже, когда вся обстановка Турціи уже совершенно измѣнилась.

Такъ какъ этотъ вопросъ, помимо автора „N. R“., неоднократно былъ уже затрогиваемъ печатью, то намъ кажется полезнымъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Начать съ того, что до сихъ поръ вопросъ о несоразмѣрности русскихъ силъ, направленныхъ противъ Турціи, рѣшался всегда односторонне.

Брался голый фактъ посылки на Дунай громадныхъ подкрѣпленій и затѣмъ дѣлался столь же голый выводъ: значитъ война *была начата* недостаточными силами. Но *число* войскъ и ихъ *распредѣленіе и употребленіе* на театрѣ войны—вещи до такой степени интимно между собою связанныя, что о первомъ нельзя даже сознательно говорить не разбирая вторыхъ. Время же для такого критическаго разбора далеко еще не настало. Затѣмъ, ограничиваясь голыми цифрами, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, сопоставлять ихъ для обѣихъ противныхъ сторонъ. Но такого сопоставленія до сихъ поръ тоже не дѣлалось. Не дѣлаетъ ихъ и авторъ „N. R.“, а между тѣмъ, съ изданіемъ турецкихъ документовъ, къ числовому вопросу можно было бы подойти весьма близко.

Процессы *Сулеймана-паши*, Ардаганскихъ, Аладжинскихъ и друг. пашей и „сборникъ оффиціальныхъ документовъ о войнѣ 1877—78 годовъ“, составленный *Ахмедомъ-Мидхатомъ-эфенди* обрисовываютъ очень полно положеніе Турціи въ послѣднюю войну и даютъ достаточно данныхъ для вѣрной оцѣнки какъ всѣхъ мѣропріятій Порты, такъ и состава, числительности, вооруженія, качествъ и распредѣленія ея войскъ во всѣ главные періоды войны. Сколько намъ извѣстно, сличеніе этихъ документовъ съ донесеніями русскихъ военныхъ агентовъ

приводитъ, въ отношеніи послѣднихъ, къ выводу совершенно противоположному тому, къ которому по наслышкѣ пришелъ авторъ „N. R.“.

Никогда данныя о турецкой арміи не были столь тщательно и подробно разработаны, какъ предъ минувшею войною: до мѣстонахожденія каждаго баталіона, каждаго эскадрона, каждой батареи; и это одинаково какъ для низама, такъ и для редифа. Оставались неопредѣленности относительно мюстахфиза (милиціи) и новыхъ рекрутъ. Но штабу Главнокомандующаго были предоставлены всѣ средства слѣдить за новыми формированіями, и эта работа въ теченіе всей зимы исполнялась столь успѣшно, что при открытіи войны расположеніе турокъ было извѣстно почти баталіонъ въ баталіонъ [1]).

При вѣрности общихъ цифровыхъ данныхъ, индивидуальныя сужденія о нихъ могли быть конечно различны. Но несомнѣнно, что всѣ хорошо знали, что если наскоро-сформированныя турецкія войска и милиціи отчаянно дерутся въ крѣпостяхъ, городахъ и укрѣпленіяхъ, то, по неспособности къ маневрированію и неподготовленности офицеровъ, они почти всегда теряются въ открытомъ полѣ и дозволяютъ бить себя силамъ несравненно слабѣйшимъ. Въ русской арміи неизгладимо держатся преданія побѣдъ *Румянцова*, *Суворова*, *графа Каменскаго*, *Кутузова*, *Дибича*, *Паскевича*, ... и послѣдняя война не только не опровергла эти преданія, а развѣ еще болѣе ихъ подтвердила.

Впрочемъ, противъ всякихъ увлеченій стоялъ прежде всего на стражѣ самъ Императоръ Александръ. Сознавая отвѣтственность за успѣхъ войны передъ государствомъ и народомъ, Императоръ, обладавшій необыкновенною памятью и знаніемъ военно-историческихъ фактовъ, неоднократно напоминалъ, *что не слѣдуетъ пренебрегать противникомъ, и что если въ 1828 году Россію упрекали (особенно Мольтке) въ открытіи войны недостаточными силами, то теперь подобной ошибки не должно повториться.*

Обратимся же къ фактамъ, посмотримъ отвѣчали ли военныя приготовленія Россіи принципу, поставленному Императоромъ.

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что Ученымъ Комитетомъ русскаго Главнаго Штаба было напечатано передъ войною нѣсколько изданій вооруженныхъ силъ Турціи, было издано самое подробное описаніе Балканъ со всѣми проходами и тропинками, были собраны отовсюду наилучшія топографическія и этнографическія карты, былъ составленъ и отосланъ въ армію разговорный словарь или „Военный переводчикъ“ на русскомъ, турецкомъ и болгарскомъ языкахъ, наконецъ, что, черезъ посредство его агентовъ, Полевой Штабъ дѣйствующей арміи и во время войны получалъ такіе важные напр. матеріалы, какъ планы только что возведенныхъ турками Адріанопольскихъ укрѣпленій и Чаталджинской позиціи.

Осенью 1876 г. Турція находилась въ крайне критическомъ положеніи. Неудачная борьба съ герцеговинцами и черногорцами, война съ Сербіею заставили Порту стянуть на западъ Балканскаго полуострова почти всѣ свои регулярныя войска и сильно ихъ поразстроить. Кромѣ трехъ Европейскихъ корпусовъ, въ эту борьбу ввязались части V (Сирійскаго) и большая часть IV (Анатолійскаго) корпусовъ. Турецкая граница къ сторонѣ Кавказа была почти совсѣмъ оголена; въ Болгаріи и Константинополѣ оставались лишь слабые гарнизоны.

Въ эпоху Дюнишскаго боя, вызвавшаго ультиматумъ, а затѣмъ и мобилизацію русской арміи, достаточно было появленія за Дунаемъ нѣсколькихъ дивизій, чтобы сломить упорство Порты. Румыны явились въ Ливадію съ предложеніемъ тотчасъ же выставить 50/т. войска. Россіи оставалось, повидимому, участвовать лишь въ послѣднемъ актѣ борьбы. Тѣмъ не менѣе, серьезно относясь къ предстоящей задачѣ, Военное Министерство, по полученіи Высочайшаго повелѣнія, разомъ мобилизовало всѣ войска трехъ округовъ—Одесскаго, Кіевскаго, Харьковскаго, большую часть Московскаго, нѣкоторыя спеціальныя части западныхъ округовъ и значительную часть казаковъ.

Этою мобилизаціею въ Европейской Россіи приведено въ полную готовность къ войнѣ: 16 пѣх. дивизій и 8 кав., давшихъ вмѣстѣ съ стрѣлками, саперами и отдѣльными казачьими полками цифру въ 332.634 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 188.463 чел., въ составѣ 4 корпусовъ, тогда же назначены въ дѣйствующую Дунайскую армію.

Въ то же время на Кавказѣ, гдѣ войска и ранѣе находились отчасти на военномъ положеніи, считалось до 200.000 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 58.726 чел. должны были составить корпусъ и отряды для дѣйствій на турецко-азіатской границѣ.

Такимъ образомъ, для нанесенія удара государству, уже разстроенному черногорско-сербскою войною, силы, подготовленныя Россіею осенью 1876 года въ связи съ союзнымъ румынскимъ контингентомъ и формировавшимся болгарскимъ ополченіемъ, никакъ не могли казаться недостаточными. Общія же соображенія политическія и, въ особенности, экономическія еще менѣе говорили въ пользу дальнѣйшаго, преждевременнаго ихъ развитія. Россія ничего не искала, она шла лишь на помощь угнетеннымъ. Справедливо ли было бы ради этой помощи безмѣрно обременять собственный народъ?

Но война въ зиму 1876—77 г.г. не состоялась; перенесемся же къ апрѣлю 1877 г.

За это время Турція успѣла заключить миръ съ Сербіею и собраться съ силами. Войска IV корпуса вернулись въ Анатолію; при помощи англійскаго кредита пополнены и пріумножены всѣ запасы снаряженія и вооруженія; и старъ и младъ призваны подъ знамена. Чего же достигла Турція? Беремъ турецкій документъ *Ахметъ-Мидхата*, исходящій изъ собственной канцеляріи султана, и читаемъ [1]):

„Во время объявленія войны вооруженныя силы Турціи состояли изъ 494.397 чел. *Изъ этого числа 186.000 находилось въ Тунскомъ (или Дунайскомъ) раіонѣ, т. е. въ Виддинѣ, Рущукѣ, Добруджѣ, Силистріи, Шумлѣ, Тырновѣ, Габровѣ, Адріанополѣ, Варнѣ, Нишѣ и Софіи;* 107.000 находилось въ Босніи, Герцеговинѣ и Скутари (албанскомъ); около 15.000—въ Янинѣ и Ларисѣ; около 10.000—въ Кандіи; около 70.000—въ Карсѣ, Ардаганѣ, Баязетѣ и Эрзерумѣ; около 20.000—въ Батумѣ, около 20.000—въ Константинополѣ; остальные, около 50.000,—въ Тарабулусѣ (Афр. Триполи), Смирнѣ, Хеджасѣ, въ штабахъ, адмиралтействѣ и разн. друг. мѣстахъ".

Цифры эти, приводимыя *Мидхадомъ* въ доказательство заботливости султана объ оборонѣ Имперіи, скорѣе преувеличиваютъ, чѣмъ уменьшаютъ дѣйствительную наличность турецкихъ войскъ. Событія, раскрытыя процессами пашей, свидѣтельствуютъ, что на дѣлѣ, противъ указанныхъ данныхъ, часто являлись недочеты. Но принимая Митхадовскія цифры даже за вѣрныя, окажется, что на Дунайско-Балканскомъ театрѣ, до Ниша, Софіи и Адріанополя включительно, со всѣми его крѣпостями, поглощавшими значительную часть войскъ на пассивные гарнизоны, Турція располагала въ началѣ войны только 186/т. чел., которымъ резервомъ могла еще служить лишь нѣкоторая часть войскъ, находившаяся въ Константинополѣ и Албаніи (послѣднія стали прибывать только въ періодѣ перваго похода ген. *Гурко*).

Противъ этихъ силъ со стороны Россіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было направлено 7 корпусовъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ вспомогательными войсками, по доставленнымъ къ 1 маю спискамъ, считалось 268.000 чел. регулярныхъ и 20.000 казачьихъ иррегулярныхъ, а съ гвардейскими и флотскими частями и съ бригадою 36-й пѣх. дивизіи, назначенною для нижняго Дуная, *всего до 300.000 человѣкъ*. Прибавивъ къ этому румынскую армію (до 40/т.) и дружины болгарскаго ополченія (6.000), получимъ опять такую крупную цифру, которая, казалось, должна бы

[1]) См. приложеніе къ «Военному Сборнику» 1879 г., апрѣль, стр. 11.

была безусловно обезпечивать успѣхъ, по крайней мѣрѣ перваго періода кампаніи.

Чтобы эта сила могла быть постоянно поддерживаема въ полномъ комплектѣ, всѣмъ частямъ были обезпечены соотвѣтственные *запасные* баталіоны, эскадроны и батареи, дававшіе пополненіе по первому требованію (и даже безъ требованій) Полевого Штаба. Для того же, чтобъ оградить дальнѣйшій ходъ войны отъ всякихъ случайностей, повелѣно было, независимо отъ стоявшихъ уже готовыми въ Одесскомъ округѣ 2 корпусовъ, тотчасъ же мобилизовать еще 4 пѣх., 2 кав. дивизіи съ ихъ артиллеріею, одну саперную бригаду и еще нѣсколько казачьихъ полковъ.

Никогда къ берегамъ восточнаго Дуная не двигалась еще столь громадная, благоустроенная и превосходная по духу армія; никогда еще не были лучше обезпечены средства къ ея поддержкѣ.

Что касается Кавказа, то тамъ не предполагалось никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Кавказскимъ войскамъ указывалась лишь *активная оборона* для большаго отвлеченія турецкихъ силъ отъ европейскаго театра. Никакія пріобрѣтенія въ Азіи не соблазняли русское правительство; и если говорилось о Батумѣ и Карсѣ, то какъ о пунктахъ не безусловно важныхъ, а такихъ, которыми Турція должна была поплатиться за вынужденную ею же самою войну. Какъ мало дорожила Россія завоеваніями въ Азіи, доказательствомъ служитъ, что Императоръ Александръ, помимо всякаго конгресса, при самой же ратификаціи С.-Стефанскаго договора, уже обѣщалъ Турціи вернуть всю Алашкертскую долину.

Дѣйствія на Карсской плоской возвышенности (въ 6.000 ф. надъ уровнемъ моря съ горами въ 13—14.000 ф.) не могли начаться ранней весною. Поэтому и мобилизація остававшихся еще неприведенными на военное положеніе кавказскихъ войскъ была исполнена лишь въ апрѣлѣ (20-я, 21-я, 38-я пѣх. дивизіи, мѣстные баталіоны и новые казачьи полки). Затѣмъ въ маѣ подготовленъ для Кавказа и резервъ въ видѣ 40-й пѣх. дивизіи. Такимъ образомъ, въ самомъ же началѣ войны Кавказъ усиленъ 20.000 чел., съ резервомъ въ 16.000 чел.

Въ теченіе войны, къ концу 1877 г., Дунайская армія была доведена до 554.000, Кавказская до 315.000 (изъ конхъ 112.000 дѣйствующихъ въ Азіатской Турціи) и, сверхъ сего, 73.411 стояли готовыми на берегахъ Чернаго моря. Но это громадное развитіе силъ *въ теченіе войны* вовсе не доказываетъ, чтобы война *была начата* съ недостаточ-

ными силами. Вышеприведенные факты говорятъ совершенно противное. Русскія арміи являлись на обоихъ театрахъ въ весьма выгодной соразмѣрности по отношенію къ противнику и затрачивать съ самаго же начала еще большую массу войскъ въ Турціи было бы, какъ то впослѣдствіи и оказалось, крайне рисковано и неблагоразумно. Россія должна была предвидѣть, что ея побѣды надъ турками будутъ оспариваться Европою. Каждая лишняя дивизія, посылаемая въ подкрѣпленіе дѣйствовавшимъ арміямъ, уменьшала шансы отстоять потомъ тѣ результаты, которые будутъ добыты безкорыстнымъ пролитіемъ русской крови. Неблагопріятныя событія вызвали, однако, эту затрату, и на Берлинскомъ конгрессѣ она дѣйствительно отразилась громадными и самыми дорогими для Россіи уступками. Что сдѣлали изъ освобожденной ею Болгаріи? Какъ стала третировать Австрія Сербію, Боснію и Черногорію? Какъ смѣло взяла Англія Азіатскую Турцію подъ свой протекторатъ?

Изъ приведеннаго изложенія фактовъ достаточно явствуетъ, насколько измышлены всѣ тѣ приписываемыя Великому Князю жалобы на недостатокъ войскъ, которыя, по словамъ автора „N. R.“, начались еще въ Кишиневѣ и были, между прочимъ, единственною настоящею причиною тяжкой болѣзни русскаго Главнокомандующаго (стр. 482—483).

Никакихъ подобныхъ жалобъ не было. Великій Князь хорошо зналъ ходъ дипломатическихъ переговоровъ; ему было извѣстно, что всю зиму шла рѣчь лишь о совмѣстныхъ демонстраціяхъ противъ Турціи и о простой оккупаціи Болгаріи, для чего требовались сравнительно очень небольшія силы. Армія не была приведена на мирное положеніе (какъ завѣряетъ авторъ), но и усиливать ее было тогда безразсудно. Первымъ и крайне серьезнымъ припадкамъ своего недуга Великій Князь подвергся еще въ августѣ 1876 г. на маневрахъ въ Варшавѣ, и если къ общему сожалѣнію августѣйшій Главнокомандующій вновь подвергся имъ въ Кишиневѣ, то какимъ образомъ можно въ этомъ винить Военное Министерство.

Съ открытіемъ войны, вмѣсто прискорбной системы (système deplorable) посылки подкрѣпленій *par petites portions*, Императоръ Александръ сразу прибавилъ къ дѣйствующей арміи 3 корпуса. Сосредоточеніе ихъ къ Дунаю дѣйствительно замедлялось, но это, кромѣ собственныхъ распоряженій Полевого Штаба, разсчитывавшаго движеніе малыми эшелонами, преимущественно зависѣло отъ дурного состоянія румынскихъ дорогъ

и слабости единственнаго желѣзнаго пути, по которому перевозились войска. Впрочемъ, даже и собравшіеся на Дунаѣ корпуса должны были еще долго ждать возможности переправы, такъ какъ необыкновенно сильный и поздній разливъ рѣки широко затопилъ ея берега. Войска корпуса *Циммермана*, переправлявшіяся 10—11 іюня, должны были двигаться по поясъ въ водѣ.

Заявленіе Главнокомандующаго объ усиленіи войскъ въ 1-й разъ было сдѣлано *уже послѣ переправы черезъ Дунай* 27 іюня, именно когда, представляя Императору свои предположенія о веденіи кампаніи, Великій Князь признавалъ нужнымъ прибавку *еще одной или двухъ дивизій*, недостававшихъ по его разсчету для задуманнаго имъ плана. И тогда это заявленіе показалось совершенно неожиданнымъ.

Затѣмъ Главнокомандующій возобновилъ свою просьбу объ усиленіи войскъ (черезъ *кн. Имеретинскаго*) 10 іюля. Но желаніе это было уже предупреждено: еще утромъ того же числа Императоромъ было отдано приказаніе присоединить къ арміи готовыя войска Кіевскаго округа (2-ю и 3-ю пѣх. дивизіи, 2-ю Донскую каз. дивизію и 3-ю стрѣл. бригаду). Точно также по собственному почину Императора было приказано 18 іюля мобилизовать гвардію и гренадеръ. Рѣшиться въ одну недѣлю двинуть на театръ войны *цѣлую новую армію* (чего стоила одна гвардія въ 52 баталіона!) это ли система подкрѣпленій par petites portions? [1]).

Поставивъ свой 2-й вопросъ неправильно по существу, авторъ „N. R.“ долженъ былъ и въ разъясненіяхъ своихъ только блуждать или создавать извращенные выводы. Положимъ, объ австрійскомъ вліяніи онъ сообразилъ еще довольно вѣрно (хотя съ фактической стороны опять не точно); но какъ понять это послѣднее заключеніе: что недостатокъ русскихъ войскъ произошелъ, между прочимъ, оттого, что планъ войны, составленный осенью 1876 г., былъ приводимъ въ исполненіе 8 мѣсяцами позже?

Каждый планъ дѣйствій долженъ быть соображенъ съ данными средствами и обстановкою. Еслибы авторъ „N. R.“ выразился, что планъ 1877 г., исполнявшійся въ общихъ чертахъ по отсталымъ уже предположеніямъ осени 1876 г., не соотвѣтствовалъ наличной силѣ русскихъ войскъ и совершенно измѣнившейся обстановкѣ, то это было бы

[1]) Подкрѣпленія par petites portions шли своимъ чередомъ для возмѣщенія убыли и дали тоже громадную цифру. Въ одномъ 1877 г. въ Дунайскую армію было послано 90.000, въ Кавказскую 18.000 чел.; за всю же войну на оба театра—181.000 готовыхъ нижнихъ чиновъ (19).

логично и понятно. Но перемѣщая члены своего заключенія, авторъ все ставитъ навыворотъ и заставляетъ думать, что на Главнокомандующаго русскою арміею было возложено обязательство непремѣнно дѣйствовать по старому плану, а надлежащихъ средствъ для этого дано не было.

Такое заключеніе совершенно не согласуется съ истиною. Никакого гофкригсрата надъ русскимъ Главнокомандующимъ не существовало; онъ былъ вполнѣ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и если Императоръ Александръ, по долгу своему, предоставлялъ себѣ участіе въ обсужденіи главнѣйшихъ фазисовъ войны, то вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не позволялъ ни себѣ, ни другимъ вмѣшиваться въ распоряженія Главнокомандующаго. Ходъ войны указалъ, насколько участіе Императора было благодѣтельно; все, что имъ соображалось, обыкновенно обсуждалось безъ увлеченій, зрѣло, мужественно. И въ самую критическую минуту только его рѣшеніе спасло кампанію.

Еще до выбора и назначенія Главнокомандующаго Императоръ, предвидя почти совершенную неизбѣжность войны съ Турціею, потребовалъ представленія необходимыхъ для сужденія по этому предмету данныхъ. Съ этою цѣлью былъ вызванъ въ Ливадію ген. *Обручевъ*, который привезъ собранные имъ планы, карты и записки. 3 октября въ присутствіи Цесаревича и Военнаго Министра Императоръ обсуждалъ эти данныя, причемъ прежде всего самъ выяснилъ всѣ тѣ затрудненія, которыя онъ предвидитъ въ предстоящей войнѣ, страшныя лишенія, которымъ подвергается армія, если ей придется дѣйствовать зимою, а съ другой стороны и чрезвычайныя невыгоды откладыванія войны до весны, что дало бы Турціи время собраться съ силами и приготовиться къ упорной оборонѣ, а, можетъ быть, совершенно измѣнило бы и весь политическій горизонтъ.

Цѣлью войны ставилось исключительно освобожденіе Болгаріи. Но въ предвидѣніи, что занятіе части этой страны не побудитъ еще Турцію къ миру, намѣчалось возможное движеніе и къ Константинополю.

Переправу черезъ Дунай признано выгоднѣйшимъ совершить у Зимницы-Систова (или въ окрестностяхъ), такъ какъ пунктъ этотъ наиболѣе вдается внутрь Болгаріи, позволяетъ обойти крѣпости и представляетъ съ румынской стороны достаточно путей для маневреннаго сосредоточенія войскъ. Сверхъ сего предположена демонстративная переправа у Галаца-Браилова, а можетъ быть и летучимъ отрядомъ въ сосѣдствѣ съ Виддиномъ.

Способъ переправы предположенъ непремѣнно маневренный, при помощи понтоновъ, такъ какъ только преимущество тактической подготовки, техническихъ средствъ и быстроты передвиженій русскихъ войскъ могли обѣщать успѣхъ этой важнѣйшей операціи. Огражденіе переправъ должно было быть достигнуто устройствомъ минныхъ заграждений и сильныхъ батарей.

Главный операціонный путь предполагался: Систово—Шипка—Адріанополь или, еще болѣе выгодный, Рущукъ—Сливно—Адріанополь (если бы удалось быстро овладѣть еще слабымъ тогда Рущукомъ).

Въ общемъ тогда характерѣ дѣйствій имѣлось въ виду: не ввязываться въ крѣпостную войну, которая въ прежнія кампаніи постоянно вела къ истощенію русскихъ армій; брать на Дунаѣ только тѣ пункты, которые необходимы для устройства прочной базы; затѣмъ, сохраняя возможную свободу маневрированія, стараться вызвать непріятеля на открытыя столкновенія въ полѣ.

Быстрота дѣйствій и захватъ страны до Балканъ представлялись весьма важнымъ условіемъ, въ особенности для спасенія населенія отъ не прекращавшихся турецкихъ звѣрствъ.

Наконецъ, обсуждались и средства довольствія войскъ, причемъ ясно представлялось, что чѣмъ большая была бы ихъ масса, тѣмъ труднѣе было бы ихъ обезпечить и сберечь. Поэтому армія и ограничена 4 корпусами съ придачею имъ массы казаковъ.

Результатомъ совѣщанія было Высочайшее повелѣніе приступить тотчасъ ко всѣмъ подготовительнымъ распоряженіямъ.

Затѣмъ предстоялъ выборъ главнокомандующаго. Послѣ колебаній между нѣсколькими лицами, Императоръ остановился (11 октября) на назначеніи Великаго Князя Николая Николаевича [1]).

16 октября Великій Князь прибылъ въ Ливадію и ему тотчасъ же были доложены всѣ предшествовавшія сужденія.

17 произошло общее совѣщаніе. Государь открылъ его вопросомъ Великому Князю: „Передали ли тебѣ наши соображенія; согласенъ ли съ ними?“ На это послѣдовалъ отвѣтъ: „Совершенно согласенъ“. Затѣмъ Императоръ вошелъ въ подробности зимняго похода, съ глубокою сердечною болью говорилъ о тѣхъ трудахъ и лишеніяхъ, которымъ будутъ подвергаться его войска; разсматривалъ случаи возможнаго

[1]) Пусть читатель судитъ насколько справедливо заявленіе «N. R.», что Великій Князь узналъ о своемъ назначеніи еще въ Берлинѣ. Если тамъ могъ быть разговоръ, то развѣ лишь о томъ, что въ случаѣ военныхъ компликацій Великій Князь вѣроятно будетъ играть видную роль.

сопротивленія турокъ; предупреждалъ ничего не дѣлать на удачу и заключилъ возможностью осложненія войны вмѣшательствомъ Англіи.

Переданныя Главнокомандующему соображенія Императора не были, однако, планомъ войны. Это были лишь общія и условныя ея основанія. Составленіе же собственно плана кампаніи съ распредѣленіемъ войскъ, направленіемъ ихъ движенія, устройствомъ ихъ довольствія и проч. предоставлялось сполна штабу Главнокомандующаго, по личнымъ его указаніямъ.

Штабъ осенью выполнилъ эту обязанность. Точно также онъ долженъ былъ выполнить ее и весною при совершенно другой обстановкѣ. Поэтому и ссылка автора „N. R." на запоздавшее якобы 8 мѣсяцами исполненіе первоначальнаго плана является полнымъ недоразумѣніемъ.

Впрочемъ, въ разгарѣ своихъ рекриминацій, авторъ вѣроятно не замѣтилъ, что самъ же мимоходомъ опровергъ все свое заключеніе, и на стр. 500, возвращаясь къ эпохѣ пребыванія Главной Квартиры въ Плоэшти, en toutes lettres напечаталъ: „L'état-major à cette époque mettait la dernière main à l'élaboration du plan général".

Это заявленіе такъ важно, что по нашему мнѣнію, вмѣсто 3-го ставимаго авторомъ вопроса: *Какъ произошла переправа черезъ Дунай?* (достаточно описаннаго реляціями), онъ оказалъ бы гораздо большую услугу, еслибы разъяснилъ: въ чемъ же именно заключался означенный планъ Полевого Штаба, былъ ли онъ серьезно разработанъ какъ для полевыхъ дѣйствій, такъ и для организаціи тыла, и былъ ли спокойно выдержанъ или подвергался безпрерывнымъ измѣненіямъ, смотря по разнымъ случайностямъ? Тогда, по всей вѣроятности, самъ собой разрѣшился бы и 4-й вопросъ „N. R.": *откуда произошли колебанія въ веденіи войны отъ переправы черезъ Дунай до сдачи Плевны*, и автору не пришлось бы, въ разъясненіе этого періода, прибѣгать къ такимъ абсурдамъ, какъ, напр., обвиненіе русской дипломатіи въ томъ, что, турки, увѣренные, якобы, въ неприкосновенности Балканъ, могли оставить горы незанятыми и сосредоточить всѣ силы для обороны Дуная [1]);

[1]) См. стр. 500. Это заключеніе авторъ вывелъ изъ перепутанныхъ имъ или совершенно измышленныхъ депешъ. Въ инструкціяхъ *графу Шувалову* никогда не говорилось, что Россія «s'interdit de franchir les Balkans et d'étendre son action militaire au delà de la Bulgarie».

Переговоры шли объ *автономіи* будущей Болгаріи и первоначально *князь Горчаковъ* дѣйствительно полагалъ возможнымъ ограничиться автономіею лишь Сѣверной Болгаріи. Но когда въ совѣщаніи у Императора 30 мая при убѣдительныхъ заявленіяхъ *князя Черкасскаго* выяснилось, что разрѣзывать Болгарію нельзя, что автономія должна быть дана всей странѣ,

обвиненіе Императора въ томъ, что онъ своимъ присутствіемъ и вмѣшательствомъ часто разстраивалъ общія комбинаціи, что охраненіе его требовало постоянно цѣлой бригады, что Главнокомандующему приходилось даже предпринимать не во-время цѣлыя стратегическія движенія для Его выручки (стр. 486) или, наконецъ, объясненіе, что если Великій Князь, при всемъ сознаніи несоотвѣтственности данныхъ ему силъ съ навязаннымъ ему планомъ, не отказался отъ командованія арміею, то только потому, что съ 6 лѣтняго возраста былъ пріученъ къ дисциплинѣ [1]).

Авторъ „N. R.“ не задался, однако, поставленнымъ выше важнымъ вопросомъ. Къ сожалѣнію, и мы не можемъ его разрѣшить: намъ не извѣстенъ законченный планъ кампаніи 1877 г. Судя же по фактамъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что планъ, составленный Полевымъ Штабомъ на лѣвомъ берегу Дуная, тотчасъ же сталъ подвергаться измѣненіямъ по переправѣ черезъ Дунай; что организація тыла арміи, столь важная для прочныхъ ея успѣховъ, была Штабомъ совсѣмъ пренебрежена, что мѣры для раскрытія силъ и движеній непріятеля были недостаточно обдуманы; наконецъ, что при невѣрныхъ свѣдѣніяхъ о непріятелѣ измѣненія въ планѣ, даже очень крупныя, производились иногда лишь подъ впечатлѣніемъ данной минуты. Думаемъ, что вмѣсто измышленныхъ причинъ, всегда полезнѣе сознавать правду.

Переправа черезъ Дунай была прекрасно подготовлена и блистательно исполнена. Это вѣковѣчный памятникъ русской арміи, ея Главнокомандующему и русскому генеральному штабу. (Только сказка, будто пунктъ переправы, какъ говоритъ авторъ „N. R.“, былъ секретомъ для самого Императора. Если Государь терпѣливо оставался 14 и 15 іюня противъ Никополя на холмѣ у Турну-Магурелли, то именно потому, что, вполнѣ зналъ о всѣхъ распоряженіяхъ по переправѣ. Собственно говоря, въ эти дни осуществлялась лишь собственная же Его мысль).

За переправой, по плану, кажется, предполагалось атаковать Рущукъ и Никополь и устроить для арміи прочную базу. Но спѣшное

то и *графу Шувалову* были даны новыя указанія. Въ военномъ же смыслѣ ни Балканъ, ни Болгаріи никогда не подвергали никакимъ ограниченіямъ. Нужно также не имѣть никакого понятія о порядкѣ обычныхъ правительственныхъ сношеній, чтобы писать такія фразы, какъ: «Le Grand Duc fit lui même rediger la dépêche, que le *prince Gortchakoff* fut chargé d'expédier» (стр. 501).

[1]) См. стр. 488. «Le frère de l'Empereur, entré dans les rangs de l'armée à l'âge de six ans, n'a jamais été qu'un soldat s'honorant de donner le premier aux troupes l'exemple du respect et de la discipline. Havait l'ordre de marcher sur Constantinople: n'eût-il eu avec lui qu'une division de cavalerie, il aurait essayé quand même de l'exécuter»!!

отступленіе турокъ изъ-подъ Систова и Тырнова было принято въ Полевомъ Штабѣ за бѣгство, за полную панику. Явилось первое, скажемъ даже вполнѣ законное, но бѣдственное увлеченіе, и основная задача была брошена не выполненною. Что взявши Никополь, не брали Рущука—это хорошо. Но что ничѣмъ не обезпечили единственную базу—Систовъ, это пагубно отзывалось на всемъ первомъ періодѣ кампаніи и часто рождало мысли о возможности для арміи самаго критическаго положенія.

Рѣшили быстро занять Шипку. Допустимъ, что и это могло быть хорошо [1]). Но на дѣлѣ занятіе Шипки обратилось въ кровавый Забалканскій походъ, который, къ сожалѣнію, на весьма продолжительное время отвлекъ нужнѣйшую для другого употребленія массу кавалеріи, сильно разстроилъ всѣ ходившія въ экспедицію части, повергъ болгаръ въ оцѣпененіе и затѣмъ связалъ свободу дѣйствій и самой русской арміи. Послѣ пожарищъ и неистовствъ, которымъ тотчасъ по уходѣ русскихъ подверглись болгарскія селенія за Балканами, при каждомъ новомъ предположеніи объ измѣненіи позиціи русскихъ войскъ непремѣнно уже являлась мысль: а что же станется съ несчастными болгарами?

Извѣстно было, что подъ Виддиномъ собралось лучшее ядро турецкой арміи. Оно, по справедливости, должно было приковывать къ себѣ вниманіе русскаго штаба. Движеніе *Османа* къ Плевнѣ было именно тѣмъ маневреннымъ вызовомъ, на который русскіе полководцы въ прежнія войны всегда отвѣчали вѣрною побѣдою. Но положившись на сербовъ (только что еще недавно побитыхъ и совершенно еще не изготовившихся къ новой войнѣ) и на румынъ (договаривавшихся еще о субсидіи), русскій штабъ игнорируетъ *Османа*. Для раскрытія его движеній не принимается никакихъ соотвѣтственныхъ мѣръ (вотъ тутъ-то и нужна была кавалерія, ходившая въ это время за Балканы) и онъ является въ Плевнѣ совершеннымъ сюрпризомъ.

По крайней мѣрѣ теперь ему окажутъ должное вниманіе, приготовятъ хорошій пріемъ? Нисколько. Его оставляютъ въ непонятномъ

[1]) Императоръ Александръ не хотѣлъ стѣснять Главнокомандующаго, но не разъ предупреждалъ его противъ слишкомъ рискованнаго движенія за Балканы. 28, еще изъ Зимницы, Государь писалъ ему, чтобъ обратить вниманіе на обезпеченіе фланговъ. Точно также 3 іюля, когда *князь Имеретинскій* былъ присланъ Великимъ Княземъ въ Царевицы съ донесеніемъ о первыхъ успѣхахъ ген. *Гурко*, Императоръ поручилъ *князю Имеретинскому* передать Главнокомандующему совѣтъ: прежде всякаго движенія впередъ, принять мѣры къ прочному утвержденію и охраненію тыла и фланговъ.

пренебреженіи. Противъ него дѣйствуютъ только *директивами*, посылаютъ *Шильдера*, потомъ *Криденера* и *Шаховского*. Полевой Штабъ какъ бы не сознаетъ, что наступила кульминаціонная точка всей кампаніи, и не удостоиваетъ рѣшительный бой своимъ присутствіемъ.

Мало того, даже послѣ двухъ неудачныхъ сраженій подъ Плевною въ Полевомъ Штабѣ русской арміи еще колеблятся: что дѣлать, куда направить свой ударъ? Въ поѣздку начальника Полевого Штаба на Шипку (15—19 августа) происходитъ въ Габровѣ совѣщаніе и дѣлаются распоряженія къ новому движенію за Балканы. Только единодушныя возраженія ген. *Радецкаго*, *Эрнрота* и *князя Имеретинскаго* побуждаютъ начальника Штаба измѣнить свое намѣреніе и повернуть *Имеретинскаго* и *Скобелева* на Ловчу [1]).

Наконецъ, происходитъ генеральная атака Плевны (26—30 августа). Однако, и тутъ Полевой Штабъ не беретъ непосредственно на себя отвѣтственность составленія общей диспозиціи, а предоставляетъ это дѣло второстепеннымъ командующимъ: *принцу Карлу* и ген. *Зотову*.

За этою крупною неудачею наступаетъ разочарованіе. Подъ впечатлѣніемъ минуты планъ опять измѣняется, и въ совершенно уже противоположномъ смыслѣ. Но къ счастью Россіи, именно присутствіе при арміи Императора Александра выручаетъ дѣло. Онъ предоставляетъ себѣ обсудить положеніе и какъ истинно русскій Царь, сознающій всю необъятную силу своего народа повелѣваетъ *не отступать*.

Какимъ былъ Императоръ въ эти тяжелые дни—такимъ онъ былъ во всю кампанію. Всегда спокойный, твердый, онъ никогда не обнаруживалъ, что переживалъ въ своей душѣ. Никто не слышалъ отъ него ни одного слова укора за неудачу, напротивъ онъ каждаго старался ободрить; гдѣ только могъ, первымъ являлся съ утѣшеніемъ къ раненымъ, надѣляя всѣхъ царскимъ вниманіемъ и ласками; при успѣхахъ же всюду разливалъ радость и неисчерпаемо сыпалъ милостями.

Нужно ли было выручать стратегическими движеніями и мобилизировать цѣлыя бригады для охраненія того, кто духомъ своимъ самъ охранялъ всю армію и умѣлъ поддержать въ ней энтузіазмъ отъ рядового до Главнокомандующаго?

[1]) Какъ вообще быстро и безпрерывно измѣнялись распоряженія Полевого Штаба, можно судить и по другому примѣру. 10 іюля *князь Имеретинскій* привезъ донесеніе о томъ, что Главнокомандующій считаетъ нужнымъ пріостановить наступательное движеніе отряда Цесаревича. 12 полк. *Струковъ* привезъ приказаніе Наслѣднику дѣйствовать энергически противъ Рущука, а въ тотъ же день вечеромъ присланъ въ Обертенникъ (кв. Цесаревича) казакъ съ письменными приказаніями, отмѣнявшими привезенное полк. *Струковымъ*.

Съ прибытіемъ (15 сентября) ген. *Тотлебена* установилась блокада Плевны и затѣмъ никакихъ колебаній уже не было.

Однако, авторъ „N. R.“ и тутъ не можетъ еще примириться съ присутствіемъ Императора, которое, по его словамъ, продолжало оказывать une influence facheuse sur la marche des évènements (стр. 740). Онъ прежде всего винитъ Его въ настойчивомъ намѣреніи направить прибывшую гвардію къ Цесаревичу, затѣмъ въ опозиціи движенію ген. *Гурко* къ Орханіе. И въ обоихъ случаяхъ совершенно несправедливо.

Положеніе лѣваго русскаго крыла было дѣйствительно весьма не надежное. Турки во многихъ случаяхъ могли прорвать слабый кордонъ, охранявшій пространство отъ Мечки до Тырнова; самъ авторъ говоритъ что „l'armée du Césareviztch serrée de près par les troupes de *Mehémet-Ali*, risquait d'être rejetée sur *Biela*“ (741). Поэтому понятно, что, пока въ Полевомъ Штабѣ не установилось еще мысли о дальнѣйшихъ операціяхъ послѣ 3-й Плевны, могли быть и о прибывающихъ подкрѣпленіяхъ различныя соображенія (на бѣдствовавшей Шипкѣ въ нихъ такъ же нуждались, какъ и на флангахъ). Но разъ рѣшена была блокада Плевны, гвардія прямо была туда направлена и объ измѣненіи ея назначенія не было рѣчи. Нельзя, однако, при этомъ не воздать справедливой хвалы необыкновенному самоотверженію и великодушію Наслѣдника, который, при затруднительномъ своемъ положеніи, никогда не жаловался на недостатокъ силъ, никогда не требовалъ подкрѣпленій и немедленно отсылалъ просимыя у него части войскъ, когда видѣлъ, что онѣ еще необходимѣе на другихъ пунктахъ, чѣмъ на его позиціи. Впрочемъ самъ авторъ „N. R.“ (на стр. 743) говоритъ: „les troupes du Césareviztch n'avaient subi aucun accroissement depuis le 31 août“; въ извращенномъ же авторомъ толкованіи дѣла подъ Облавой заключается именно лучшее признаніе важной заслуги Цесаревича: послѣ упорнаго кровопролитнаго боя, *Мехметъ-али*, располагавшій несравненно превосходнѣйшими силами противъ отрядовъ *Дризена* и *Тимофѣева*, *призналъ себя разбитымъ и отступилъ*. Значитъ, русскія войска, дравшіяся до изнеможенія, свято исполнили свое дѣло, а слѣдовательно и разсужденіе автора: „si l'armée turque n'avait pas commis cette faute grave de s'arrêter ainsi en pleine victoire, le grand duc Nicolas aurait été obligé, pour porter secours à son flanc gauche, de dégarnir dans de fortes proportions le corps qui assiegeait Plevna“,— безсодержательно и комично.

Затѣмъ, съ предложеніемъ о движеніи ген. *Гурко* къ Орханіе Главнокомандующій пріѣхалъ къ Императору въ Порадимъ 26 октября.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія предложеніе это было принято и никакихъ возраженій на него не заявлялось. Государь высказывалъ только желаніе, чтобы *Гурко* былъ осмотрителенъ и не зарывался.

Изъ статьи автора „N. R.“ можно также заключить, что упорная оборона Плевны *Османъ-пашею* только замедлила ходъ кампаніи и не измѣнила прежняго плана Полевого Штаба [1]), который все только и думалъ, какъ бы скорѣе перейти Балканы. Однако, это совсѣмъ невѣрно. Императоръ Александръ былъ твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ, но въ Полевомъ Штабѣ, отказавшись отъ всѣхъ прежнихъ плановъ, думали иначе. По чьей иниціативѣ—не извѣстно, но въ дипломатической канцеляріи Великаго Князя была составлена и представлена 30 сентября Императору Александру записка, въ которой приходили къ тому заключенію, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ слѣдовало бы воспользоваться посредничествомъ какой-либо изъ державъ, чтобы заключить миръ. Но Государь рѣшительно отклонилъ посылку этой записки *князю Горчакову*. Нѣсколько позднѣе подобная же мысль явилась и со стороны турокъ. Подъ вліяніемъ русскихъ побѣдъ въ Азіи султанъ обратился съ просьбою о посредничествѣ къ Германіи и Англіи. Но и его постигла неудача: *Биконсфильдъ* призналъ несвоевременнымъ всякое вмѣшательство до развязки дѣлъ подъ Плевною.

О матеріальныхъ подготовленіяхъ къ Забалканскому походу еще менѣе тогда думали. Не до того было. Полевое управленіе не знало, какъ просуществуетъ армія даже въ Сѣверной Болгаріи. Снабженіе войскъ, отданное на комиссію частной компаніи, было предоставлено, такъ сказать, на произволъ всякихъ случайностей и злоупотребленій, а тылъ арміи, остававшійся въ полномъ пренебреженіи, пришелъ въ такую дезорганизацію, что ни на какіе подвозы нельзя было вѣрно разсчитывать. Съ октября нѣсколько разъ пробовали пріостанавливать движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы распутаться, но дѣло было уже непоправимо. Войска, стоявшія на позиціяхъ, перебивались изо-дня въ день, во многомъ несли лишенія, начинали мерзнуть; лошади голодали, поджидая фуража; транспорты же больныхъ и раненыхъ часто бѣдствовали.

Кто видѣлъ осенью Зимницко-Систовскую переправу и единственный путь, по которому тянулись всѣ транспорты, утопая мѣстами въ не-

[1]) Le siége de cette place, говоритъ авторъ, n'empêchait pas les mouvements stratégiques de suivre leur cours. La chute de Plevna, n'étant plus qu'une question de temps, il fallait penser à profiter immédiatement de ce succès pour gagner les Balkans (742).

вылазной грязи, тотъ имѣлъ полное основаніе задаться вопросомъ—какъ же переживетъ русская армія періодъ распутицы и зиму? *Только турецкіе запасы выручали потомъ русскія войска.*

Тѣмъ временемъ блокада Плевны дѣлала свое дѣло. Насталъ наконецъ радостный день для русскихъ—день 28 ноября. Армія *Османъ-паши* пыталась пробиться, но была отброшена и сдалась.

Славный день 28 ноября, рѣшившій всю дальнѣйшую участь кампаніи, вознаградилъ Императора Александра II за всѣ тяжкіе труды продолжительнаго пребыванія Его въ арміи. Онъ свято и съ твердостью выполнилъ свой великій царственный долгъ. Всякая война связана съ множествомъ непредвидимыхъ случайностей, опрокидывающихъ иногда самые лучшіе разсчеты; но Императоръ въ наиболѣе важныя минуты съумѣлъ отпарировать эти случайности. Обдумывая заранѣе ресурсы для настойчиваго веденія войны, онъ всегда былъ готовъ, и матеріально, и нравственно, склонить, во что бы то ни стало, вѣсы борьбы въ пользу Россіи: при первыхъ и, можно сказать, еще легкихъ неудачахъ, онъ уже рѣшилъ разомъ бросить на Балканскій театръ цѣлую новую армію; когда же эти неудачи стали грозить серьезнымъ кризисомъ, онъ нравственною своею силою положилъ ему предѣлъ и приковалъ побѣду къ русскимъ знаменамъ. Теперь онъ могъ уже спокойно вернуться въ столицу, гдѣ ждали его дѣла общаго государственнаго управленія, какъ ждали по всему пути и восторженныя встрѣчи преданнаго и добраго, какъ онъ самъ, народа, получившаго новое право гордиться своимъ обожаемымъ и великимъ царемъ.

Мы были скупы на факты, но и по нимъ читатели могутъ судить, во что должны обратиться вопросы-загадки автора „N. R.“, если ихъ только тронуть. Далѣе мы будемъ еще болѣе кратки.

5-й вопросъ, *какъ произошелъ переходъ русской арміи черезъ Балканы?* авторъ „N. R.“ во всемъ, что взято имъ изъ общеизвѣстныхъ реляцій, излагаетъ совершенно вѣрно. Надо отдать также ему справедливость: онъ съ глубокою симпатіею отнесся къ трудамъ, мужеству и безпредѣльному самоотверженію русскаго солдата, явившагося главнымъ героемъ и, можно сказать, непосредственнымъ созидателемъ этого чуднаго, всю Европу поразившаго, Балканскаго подвига. Но тѣ новые факты, которые составляютъ всю пикантность разказа автора „N. R.“, именно о совѣщаніи, предшествовавшемъ походу, опять чистѣйшая мистификація.

Еще за недѣлю до паденія Плевны, когда даже мало ждали столь близкой ея сдачи, Императоръ Александръ, призвавъ Военнаго Министра и ген. *Обручева*, обсуждалъ: что дѣлать по наступленіи Плевненской развязки? Обратить-ли главныя усилія на лѣвый флангъ, чтобы разбить турокъ, державшихся между крѣпостями, и овладѣть Рущукомъ и Шумлою? Направиться-ли въ центръ, чтобы кончить страданія Шипкинскаго отряда и сокрушить блокировавшую его армію *Весселя-паши*? Или же, наконецъ, начать прежде всего движеніе правымъ флангомъ, разбить *Шакира*, разсѣять вновь формировавшуюся турецкую армію въ Софійско-Ихтиманскомъ раіонѣ и затѣмъ, движеніемъ на Филиппополь и по южному склону Балканъ, заставить турокъ очистить проходы, а въ случаѣ упорства—одновременно атаковать ихъ и съ фронта, и съ фланга.

Логическая постановка вопросовъ Императоромъ сама собой давала и логическое на нихъ заключеніе. Ввязываться на лѣвомъ флангѣ въ борьбу съ крѣпостями, даже и разбивъ турокъ въ полевой, но укрѣпленной ихъ позиціи подъ Разградомъ, значило бы рисковать продолженіемъ войны на неопредѣленное время. Прорвать центръ, не обезпечивъ предварительно ни одного изъ фланговъ, значило бы возвращаться къ прежнимъ дѣйствіямъ на удачу. Движеніе же правымъ флангомъ, дававшее возможность, при участіи сербовъ, совершенно очистить отъ непріятеля Софійскій раіонъ, а затѣмъ обезпечивавшее полную надежду на успѣхъ въ атакѣ центральныхъ Балканскихъ проходовъ, представлялось какъ наименѣе рискованнымъ, такъ и обѣщавшимъ скорѣе всего привести армію къ Адріанополю.

Провѣривъ свои мысли, Императоръ и остановился на этомъ заключеніи.

Послѣ паденія Плевны у Императора происходило совѣщаніе 30 ноября [1]).

Главнокомандующій представилъ сначала общее положеніе всей арміи и затѣмъ пожелалъ, чтобы высказался ген. *Обручевъ*. Ген. *Обручевъ* воспроизвелъ лишь приведенныя выше соображенія Императора, съ которыми и Главнокомандующій вполнѣ согласился. Никакихъ возраженій противъ этихъ соображеній никѣмъ дѣлаемо не было и Главнокомандующій тутъ же обратился къ распредѣленію и назначенію войскъ

[1]) Присутствовали: Великій Князь Главнокомандующій, *принцъ Карлъ*, Военный Министръ, генералы *Тотлебенъ*, *Непокойчицкій* и *Обручевъ*. *Левицкаго* же, о которомъ упоминаетъ авторъ, тутъ не было.

(русскихъ, румынскихъ и сербскихъ), а подъ конецъ совѣщанія возбудилъ вопросъ о томъ, какъ поступить ему, по отъѣздѣ Императора, если турки будутъ просить перемирія или мира? Но этотъ послѣдній вопросъ не былъ здѣсь диспутированъ, а по указанію Императора обсуждался въ тотъ же день особо Военнымъ Министромъ съ участіемъ ген. *Игнатьева* и г. *Нелидова*.

Такимъ образомъ все, что авторъ „N. R.“ такъ обстоятельно росписалъ на 747, 748 и 749 стр.—есть фикція.

Какъ былъ принятъ планъ перехода Балканъ, такъ онъ былъ и исполненъ. И въ этомъ случаѣ разработка плана составляетъ опять прекрасную заслугу штаба Главнокомандующаго.

Еще менѣе мы коснемся послѣдняго 6-го вопроса, ставимаго авторомъ „N. R.“: *Почему русская армія остановилась передъ Константинополемъ, когда, казалось, ей стоило бы только протянуть руку, чтобы занятіемъ Галиполи, предупредить вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы?*

Разъясненіе этого вопроса авторъ „N. R.“ преимущественно основываетъ на датахъ полученія и отправленія различныхъ дипломатическихъ депешъ, на запаздываніи важнѣйшихъ телеграммъ, неясности инструкцій и проч.

Мы думаемъ, что разборъ и провѣрка дипломатическихъ документовъ за этотъ періодъ есть дѣло гораздо болѣе серьезнаго историческаго труда. Замѣтимъ только, что авторъ „N. R.“ съ самаго же начала статьи уже даетъ ей невѣрную окраску. Выставивъ, какой восторгъ произвели въ арміи побѣды *Гурко* и *Радецкаго*, и упомянувъ, что одновременно съ извѣстіемъ о сдачѣ *Весселя-паши* въ Главную Квартиру пришла телеграмма *Реуса* съ предложеніемъ перемирія, авторъ, совершенно неожиданно, дѣлаетъ такое заявленіе:

„Certes, l'annonce des victoires remportées était toujours accueillie avec transport au quartier général; mais la nouvelle que l'ennemi, s'avouant vaincu, demandait à conclure une suspension d'armes, occasionna dans toute l'armée *une satisfaction bien autrement vive. On commencait à être passablement fatigué de la guerre*, et l'idée de revenir prochainement dans leur foyers souriait bien plus *aux officiers et aux soldats* que la perspective de nouveaux lauriers à cueillir.

Если авторъ вынесъ подобныя впечатлѣнія изъ ближайшихъ частныхъ своихъ наблюденій, то они совершенно односторонни. Армія, до послѣдняго солдата, такъ хорошо сознавала, что послѣ понесенныхъ

ею жертвъ и трудовъ, надо спѣшить пользоваться побѣдою и покончить съ врагомъ, что, безъ всякихъ помысловъ о лаврахъ, сама неудержимо рвалась впередъ и въ нѣсколько дней дала возможность Великому Князю перенести переговоры, начатые въ Казанлыкѣ, прямо въ Адріанополь.

Вставивъ въ свой разсказъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія о первоначальной обработкѣ прелиминарій и о существовавшемъ, якобы, вслѣдствіе этой обработки, антагонизмѣ между Главнокомандующимъ и *кн. Горчаковымъ* и ген. *Игнатьевымъ* [1]), авторъ столь же неправдоподобно рисуетъ, какое впечатлѣніе произвела въ Главной Квартирѣ самая вѣсть о взятіи Адріанополя. Онъ видитъ, что она вызвала, якобы, не радость, а лишь тревогу, заботы, какъ бы этотъ успѣхъ не разрушилъ начатыхъ переговоровъ, какъ бы взятіе Адріанополя не повело и къ походу на Константинополь: „or, прибавляетъ авторъ, l'état major regardait la marche sur la capitale de la Turquie comme impossible, si l'on ne s'assurait point de Gallipoli, dont l'occupation avait été sévèrement interdite par le Czar“ (765). Никакихъ подобныхъ тревогъ не могло происходить въ Главной Квартирѣ, тѣмъ болѣе, что въ минуту, описываемую авторомъ (8—20 января) до Константинополя и до запрещенія брать Галлиполи было очень далеко.

Инструкціи, не трогать Галлиполи, были даны Главнокомандующему лишь въ отвѣтъ на его депешу отъ 10—22 января, когда, видя малую сговорчивость турокъ, онъ самъ полагалъ необходимымъ двигаться къ Константинополю. Если же авторъ, какъ этою преждевременною ссылкою, такъ даже и самымъ заголовкомъ 6-го вопроса, думалъ, опираясь на значеніе Галлиполи, разъяснить и всѣ послѣдующія дѣйствія русскихъ подъ Константинополемъ, то пріемъ его намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ. Русское правительство въ огражденіе интересовъ Англіи дѣйствительно обѣщало не трогать Дарданеллы и Галлиполи, однако, съ оговоркою: „à moins que les troupes turques ne se concentrent sur ce point“. Но еще болѣе былъ огражденъ Галлиполи отъ русскаго захвата

[1]) Выше, говоря о совѣщаніи въ Порадимѣ 30 ноября, мы упоминали, что вечеромъ того же числа обсуждались у Военнаго Министра условія на случай предложенія турками перемирія и мира. Выработанный тогда же проектъ этихъ условій былъ доложенъ Императору на другой день (1 декабря). Но Его Величество отложилъ утвержденіе проекта до своего свиданія съ *кн. Горчаковымъ* и окончательно санкціонировалъ его лишь въ Петербургѣ 16 декабря. Какимъ же образомъ могли происходить недоразумѣнія у Великаго Князя съ *кн. Горчаковымъ* и ген. *Игнатьевымъ* изъ-за того, что условія мира были яко бы elaboré à Bogot en dehors de leur concours (766).

собственнымъ топографическимъ положеніемъ. Доступъ на Галлипольскій полуостровъ преграждается весьма узкимъ Булаирскимъ перешейкомъ (всего въ 2.000 саженъ), который турки успѣли сильно укрѣпить и, по указанію англичанъ, занимали съ начала января достаточнымъ отрядомъ. Большихъ силъ противъ Булаира развернуть нельзя, помочь атакѣ маневрированіемъ также нельзя; атаки же малыми силами, сколь бы ихъ ни вести, могли бы кончиться лишь страшными потерями. Инструкціи, не брать Галлиполи, которыя авторъ „N. R.“ иронически называетъ fameuses[1]), только оградили русскую армію отъ вѣроятной и прискорбной неудачи, нисколько, однако, не закрывая ей пути къ Константинополю.

Впрочемъ, изложеніе авторомъ этого послѣдняго эпизода намъ важно лишь съ одной стороны. Въ каждой чертѣ описываемыхъ имъ колебаній въ дѣйствіяхъ русскихъ передъ султанскою столицею читается ясное и полное опроверженіе тому, что высказалъ авторъ на первыхъ страницахъ своего очерка. Тутъ читатель дѣйствительно можетъ убѣдиться, что никогда Россія не преслѣдовала въ этой войнѣ своихъ частныхъ интересовъ.

Затѣмъ, исторія воздастъ впослѣдствіи каждому свое.

Дополненіе генерала Обручева.

Въ этой запискѣ, по настоянію *Д. А. Милютина*, выпущено все то, что относилось къ совѣщаніямъ послѣ третьей Плевны (т. е. послѣ 30 августа), а также описаніе самаго дня паденія Плевны, насколько оно его касалось.

Первое изъ этихъ событій я пополняю со словъ самого Государя Александра Николаевича.

23 августа 1880 года, по прочтеніи этой записки, Государь, бесѣдуя со мною о безтактности статьи „N. R.“, въ раздраженіи, а потому и очень коротко, говорилъ:

„И сколько я ихъ предостерегалъ; отъ скольких глупостей избавилъ. Напоминалъ имъ и о флангахъ, и о Систовѣ, чтобъ обезпечили себя, а не рвались на удалую. Предупреждалъ передъ второю Плевною

[1]) См. стр. 770. Les fameuses instructions dont parlait la depêche de St.-Pétersbourg... etc.

быть осмотрительными, что у *Османа* большія силы; но они прислали сказать, что мои свѣдѣнія преувеличены.

А 30 августа! Что они сдѣлали!!

Пріѣзжаю на другой день узнать, какія распоряженія? Главнокомандующій докладываетъ, что намъ остается только отступать, что начали войну малыми силами, вооруженіе никуда негодно, артиллерія плоха, армія ничѣмъ не обезпечена.

Я только изумился. Подзываю Военнаго Министра и повторяю все сказанное. Тотъ пришелъ просто въ ужасъ и говоритъ: Ваше Величество, вѣдь это невозможно! это позоръ! Какъ намъ отступать, когда мы не знаемъ еще, что у турокъ дѣлается, вѣдь можетъ быть, они сами начнутъ отступать. Кто насъ тѣснитъ. Мы должны стоять; подойдутъ подкрѣпленія и мы возьмемъ свое. Главнокомандующій же напалъ на него, ну, если хотите оставаться въ Болгаріи, говоритъ, то и берите сами командованіе!

Я успокоилъ его и, зная, какую несу передъ Россіею отвѣтственность, приказалъ на другой день собрать военный совѣтъ.

На совѣтѣ всѣ, какъ и Главнокомандующій, высказались за отступленіе; чтобы отойти къ Систову и тамъ ждать подкрѣпленій, только *Левицкій* былъ противъ. Но мое рѣшеніе было уже твердо. Я приказалъ стоять. И хороши бы мы были, еслибъ не остались.

Богъ помогъ!“

Еще съ большимъ раздраженіемъ говорилъ Государь объ авторѣ статьи, но это сюда не относится.

Второе событіе дополняю, какъ очевидецъ.

28 ноября, утромъ, тотчасъ по полученіи извѣстія о попыткѣ *Османа* къ прорыву, Государь отправился изъ Порадима на позицію. Прибыли въ 10-мъ часу.

Сѣли верхомъ, поѣхали впередъ отъ такъ называемаго Закусочнаго редута. Шла еще сильная пальба. Но мало что можно было разглядѣть. Разославъ дежурныхъ, Государь повернулъ къ редуту и дорогой обнималъ и цѣловалъ Военнаго Министра. Слѣзли въ редутъ; продолжали наблюдать: по дыму и гулу отъ выстрѣловъ Государь старался разъяснить себѣ ходъ боя, обращаясь по временамъ ко мнѣ за топографическими справками. Стали прибывать хорошія вѣсти, а выстрѣлы смолкать. Наконецъ, бой затихъ, ясно было, что побѣда наша. Тогда Государь, взявъ меня за рукавъ и подведя къ Военному Министру, сказалъ: „Я говорю, что если мы здѣсь, если мы имѣемъ сегодня этотъ

успѣхъ, то этимъ мы ему обязаны и Я этого никогда не забуду". Слова Государя тотчасъ же облетѣли всю свиту.

Прошло еще съ полчаса времени, прискакиваетъ *Моравскій* и кричитъ: „Ваше Величество, *Османъ-паша* сдался". Государь спрашиваетъ: правда ли, правда ли?" „Ей Богу такъ, Ваше Величество", и разсказываетъ, какъ произошла сдача.

Государь перекрестился, возблагодарилъ Бога, и первое, что затѣмъ сдѣлалъ, это подозвалъ къ себѣ Военнаго Министра и пожаловалъ ему Георгія 2-й степени. *Д. А. Милютинъ* отказывался, считая награду незаслуженною; но разговаривать было нечего.

Затѣмъ, о себѣ Государь съ улыбкою высказался такъ: „ну, кажется, сегодня я заслужилъ Георгіевскій темлякъ; пришлите мнѣ".

И здѣсь, какъ всегда, онъ не измѣнилъ своимъ благороднѣйшимъ чувствамъ.

Было уже темно, когда мы вернулись въ Порадимъ.